

«НАЧАЛО БЫЛО ТАК ДАЛЕКО...»

СБОРНИК ПРОИЗВЕДЕНИЙ
ПОЭТОВ И ПРОЗАИКОВ
ЛИТЕРАТУРНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ЦДУ РАН

МОСКВА
Вест-Консалтинг
2013

СОДЕРЖАНИЕ

Под редакцией к. филол. наук Л. И. Колодяжной и членов редакционной коллегии к. хим. н. Е. П. Ткачевской и Г. В. Гашуниной

«НАЧАЛО БЫЛО ТАК ДАЛЕКО»: Четвертый альманах произведений участников Литературного объединения Центрального Дома Ученых Российской Академии наук. —

М.: «Вест-Консалтинг», 2013. — 262 с.

ISBN 978-5-91865-2

В книгу вошли произведения поэтов и прозаиков ЛИТО ЦДУ РАН.

Книга состоит из двух частей. В первом разделе «Начало было так далеко...» каждый автор рассказывает о начале своего творческого пути и представляет свои произведения (стихотворение, рассказ, эссе) – первое, отражающее начало творчества и затем – одно-два, которые он считает лучшими.

Во втором разделе, названном нами «Литературное ассорти», читатель может прочесть произведения авторов альманаха, посвященные различным темам.

ISBN

© Адлина Л., 2013; Балкаева Н., 2013; Божор Н., 2013

© Буренко С., 2013; Вознесенский А., 2013; Гаврилова К., 2013

© Газин С., 2013; Гашунина Г., 2013; Гиригорн В., 2013; Гланцева И., 2013

© Ермилова Л., 2013; Колобова Г., 2013; Калюжная Г., 2013; Колодяжная Л., 2013

© Комракова С., 2013; Ловчикова И., 2013; Оганян В., 2013; Ольхов Б., 2013

© Плиско Л., 2013; Павлова В., 2013; Познякова Н., 2013; Поляков В., 2013;

© Потапов А., 2013; Саницкая Л., 2013; Селезнёв Е., 2013; Селезнёв С., 2013;

© Скорикова Т., 2013; Станиславова А., 2013; Стасенко Л., 2013; Ткачевская Е., 2013

© Фомина З., 2013; Хатина Т., 2013; Чернова Т., 2013

© «Вест-Консалтинг», компьютерная верстка, макет, 2013

Предисловие Л. Колодяжной 7

I. НАЧАЛО БЫЛО ТАК ДАЛЕКО

Лариса Адлина. Стихи: Лужи, Прикосновение.

Эссе: Школьный литературный журнал 10

Нина Балкаева. Стихи: Вербное Воскресение. Нежные

пушистики в золотой пылице... Сводь зала для хора..... 16

Наталья Божор. Стихи: Печалью и судьбой...

Все, что я напишу..... 19

Сергей Буренко. Проза: Из ранних писем 21

Алексей Вознесенский. Стихи: Наставление от классиков.

Рождаются женщины, чтобы рожать..... 28

Кири Гаврилова. Проза: Единство и борьба

противоположностей 30

Сергей Газин. Стихи: На краю вселенной.

На закате сгорает день 33

Галина Гашунина. Проза: Моя дорога в творчество.

Небесное создание. Символ верности 35

Вадим Гиригорн. Проза: Потребность сказать.

ниверситеты взрослого человека 41

Инга Гланцева. Стихи: К разгрому выставки в Манеже

в 1963 году. Куда уходит время. Я все еще жива.

Несовпадение взглядов 49

Лорина Ермилова. Стихи: Береза. Молодость. Вот эти леса

Ярославской земли. Ярославия. Русская печка 53

Галина Калюжная. Проза: Начало. Чудо 56

Галина Колобова. Стихи: Детство. Полюбила парня

девица-краса. Бомж 58

Людмила Колодяжная. Стихи: В форме баллады.

Пусть береза лист уронит... Музыканту 61

Светлана Комракова. Стихи: Последний звонок.

Гончарный круг..... 65

Ирина Ловчикова. Проза: Бабушка Барабаш 67

Виген Оганян. Проза: Список провидения.

Прощание со славянкой 71

<i>Борис Ольхов. Стихи:</i> Я хотел целовать твои губы. Загадка творчества.....	78
<i>Вера Павлова. Проза:</i> Стремление к прекрасному.....	80
<i>Людмила Плиско. Стихи:</i> Опять туман над речкой Сходней. Дождь в городе.....	82
<i>Нина Познякова. Проза:</i> Путь к стихам. <i>Стихи:</i> А знаешь, мне мало надо... Быт.....	84
<i>Владимир Поляков. Проза:</i> Как Никсон после обеда Хрущёву спор проиграл.....	90
<i>Анатолий Потанов. Стихи:</i> Воря. Приходит вновь неумолимо.....	92
<i>Людмила Саницкая. Стихи:</i> Ты шла спокойно и легко... Дежа вю.....	94
<i>Евгений Селезнев. Проза:</i> Брат. <i>Стихи:</i> Тьма за окном. Из непонятных ощущений.....	96
<i>Сергей Селезнёв. Стихи:</i> Сентябрь. Опушка. <i>Проза:</i> Лисий хвост.....	99
<i>Татьяна Скорикова. Стихи:</i> Поверить дай мне. Мы оба помним. Душа костра. Шла по городу женщина.....	102
<i>Анна Станиславова. Стихи:</i> Умейте домолчаться до стихов. Мне снился сон.....	105
<i>Людмила Стасенко. Стихи:</i> Роза. Ночной Париж.....	107
<i>Елена Ткачевская. Проза и цикл стихотворений:</i> Размышления о творчестве.....	110
<i>Зинаида Фомина. Проза:</i> Велосипедист.....	119
<i>Татьяна Хатина. Стихи:</i> Ветка жасмина. Суламифь.....	122
<i>Татьяна Чернова. Стихи:</i> Заря. Близорукий фотограф. Нимфетка (диптих).....	125

II. ЛИТЕРАТУРНОЕ АССОРТИ

<i>Лариса Адлина. Стихи:</i> Таинственная строчка. Смысл жизни. Тайна созвучий. Монолог лохматой собаки. Мир осенний мечтами лучист. Свет надежд... Меч и короны.....	128

<i>Нина Балкаева. Стихи:</i> Новогодний карнавал! Ты с корзинкой, я с корзинкой. Туманом утро упаковано. Мне твой портрет писать нетрудно. В веранду вдруг синица залетела. Сонет Байкалу.....	133
<i>Наталья Божор. Стихи:</i> Миг. Далёкий Север: Восьмое Небо. Я стою У Подножья.....	137
<i>Сергей Буренко. Проза:</i> Странно. История мышонка.....	140
<i>Алексей Вознесенский. Стихи:</i> Неразделённость. По Самюэлю Кольриджу, Стихо-огородное. О глагольных рифмах. Волновой процесс. Зимняя идиллия.....	148
<i>Кирилла Гаврилова. Проза:</i> Через искусство имеее свет.....	153
<i>Сергей Газин. Стихи:</i> Восторг. Туфелька. В лесу. В глухой немоте крик души разбужу. Вновь тревожно на сердце, – и томится душа. Поздний звонок. За чудесами. Расскажу я тебе о загадочных снах. Серебристо-ясный вечер. Воскресение.....	156
<i>Галина Гашиунина. Проза:</i> Зеркало души. Венский вальс.....	161
<i>Вадим Гиришгорн. Проза:</i> Быть танцором бального танца.....	165
<i>Инга Гланцева. Стихи:</i> Для моей подруженьки Наташки. Трава зелёная. Я одна, как тыщу лет назад. Белле Ахмадулиной.....	178
<i>Лорина Ермилова. Проза:</i> Рыжий и Лесси.....	181
<i>Галина Калюжная. Проза:</i> Современная сказка «Иван да Марья». Летний сюжет. Любовь. «Он» и «Она». Наши дни.....	183
<i>Галина Колобова. Стихи:</i> Счастье, счастье, какое ты? Ты оплела меня сетями. Он чертил на снегу. Волна за волною торопится.....	188
<i>Людмила Колодяжная. Стихи:</i> Лотова жена. Мелхола. Самсон и Далила. Маргарита. Сольвейг.....	191
<i>Светлана Комракова. Стихи:</i> У любви нет преклонного возраста. Никола летний, а у нас весна. А Бог и сегодня здесь! Не бывают случайными встречи. Сыпались минуты, словно дождик.....	196
<i>Виген Оганян. Проза:</i> Восьмая песнь. К Армении. О Русь, взмахни крылами! Рождение приметы. Рождение жанра.....	199

<i>Борис Ольхов. Стихи:</i> Лицевая сторона обложки. Военное детство. Любая война непременно закончится.....	205
<i>Вера Павлова. Проза:</i> Лётчица. Кисеты. Перерва.....	207
<i>Людмила Плиско. Стихи:</i> Когда за окнами мелькала. Оскару Уайльд. Искусство. Мой ветер. Химки.....	211
<i>Нина Познякова. Стихи:</i> Так не хватает собеседника. В моем саду улыбка розы. Бессонница, вечная гостья ночная. Так много лет твоя рука. Осеннее солнце последнее. Оттепель. Безмятежное лето катилось цветным колесом. Незнакомка. Колокольный звон	214
<i>Владимир Поляков. Проза:</i> «Женский день». «Ещё могём! Или Аки горный козёл». Воскресные сосиски. «Кусочек торфа». Саша и Паша	223
<i>Анатолий Потапов. Стихи:</i> Художники. Памяти Барда. Атлантида.....	235
<i>Людмила Саницкая. Стихи:</i> Снег в апреле. От осенней листвы горяча. И вязну я, как муха в янтаре. Закат. Обещания – смутный намек. Ротонда в Братцево	237
<i>Евгений Селезнев. Стихи:</i> Клонится берёза. Где физика, там поэтическая лира. Кто властелин судьбы? <i>Проза:</i> Сват.....	241
<i>Сергей Селезнев. Проза:</i> Одинокий гений.....	246
<i>Татьяна Скорикова. Стихи:</i> Затеплится миг – как предчувствие счастья. Печалью осень быстротечная. Как пройти эту грань между тем, что уже отболело. Да будет свет... И в нем твоей рукой.....	250
<i>Людмила Стасенко. Стихи:</i> Я давно разучилась плакать. Какое поколение красивое! Благовестие	252
<i>Зинаида Фомина. Проза:</i> Сахарская роза	254
<i>Татьяна Хатина. Стихи:</i> Осенний день. Осеннее настроение. Начало зимы. Новый Храм. Год последний, високосный... Анна Ахматова. Анна и Модильяни	256
<i>Татьяна Чернова. Стихи:</i> У ночного моря (диптих). Чудачка	260

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1932 году Борис Пастернак, уже известный к тому времени поэт, прошедший более трети своего творческого пути, пишет стихотворение «О, знал бы я, что так бывает...»:

* * *

О, знал бы я, что так бывает,
Когда пускался на дебют,
Что строчки с кровью – убивают,
Нахлынут горлом и убьют!

От шуток с этой подоплекой
Я б отказался наотрез.
Начало было так далеко,
Так робок первый интерес.

Но старость – это Рим, который
Взамен турусов и колес
Не читки требует с актера,
А полной гибели всерьез.

Когда строку диктует чувство,
Оно на сцену шлет раба,
И тут кончается искусство,
И дышат почва и судьба.

Он размышляет в этом стихотворении о сущности творчества – начального периода, когда оно захватывающе интересно («Начало было так далеко, / Так робок первый интерес...») и позднего, когда творчество становится судьбой, почти всегда трагичной: («И тут кончается искусство, / И дышат почва и судьба...»)

В более раннем произведении в прозе, в эссе «Охранная грамота», посвященном великому поэту Двадцатого века Райнеру Марии Рильке, Борис Пастернак вспоминает, каким образом он пришел сначала к поэзии, а затем и к прозе. Ведь известно, что в юности он мечтал стать музыкантом, учился композиторству у С. И. Танеева и показывал свои произведения кумиру этих лет Александру Скрябину.

Порвав с композиторством, вследствие отсутствия абсолютного слуха, Пастернак стал философом и после обучения в Московском университете, писал докторскую диссертацию в Марбургском, в 1912 году. Там и произошло первое, может быть, драматическое событие, после которого он порвал и с философией и вернулся в Москву – это была безответная любовь к Иде Высоцкой и ее отказ...

О другом обстоятельстве, благодаря которому он стал поэтом Борис Пастернак вспоминает в «Охранной грамоте»:

«Однажды, в декабрьские сумерки, я, помогал маме в уборке отцовских этажерок. <...> Вдруг из одной стопы, особенно колышливой и ослухной, вывалилась книжка в серой выгоревшей обложке. <...> Прошло много времени, и я успел полюбить книгу, как вскоре и другую, присоединившуюся к ней и надписанную отцу (художнику Леониду Пастернаку, писавшему в 1901 году, в России портрет Райнера Рильке) тою же рукою <...> Однажды я понял, что их автор, Райнер Мария Рильке, должен быть тем самым немцем, которого давно как-то, летом, мы оставили в пути на вертящемся отрыве забытого лесного полустанка....»

В 1914 году поэт выпустил свою первую книгу стихов «Близнец в тучах», а в конце жизни написал цикл стихотворений Доктора Живаго в одноименном романе – свою поэтическую вершину.

Мы назвали очередной сборник произведений участников Литературного объединения Дома ученых по строке Бориса Пастернака «Начало было так далеко...». У каждого из авторов есть свой путь к литературному творчеству.

Каждый из авторов в первой части сборника представляет кратко свой творческий путь, иллюстрируя свои размышления произведениями – ранними и поздними.

Во второй части, названной «Литературное ассорти», авторы поместили произведения, наиболее важные для них на этом отрезке творческого пути.

Мы надеемся, что данная книга найдет своего читателя.

*Руководитель ЛИТО ЦДУ РАН, канд. филол. наук,
Людмила Колодяжная,
Москва, 2013*

НАЧАЛО БЫЛО ТАК ДАЛЕКО

писателей (секция поэзии). Рассказы, эссе, стихи и поэтические миниатюры опубликованы в журналах, альманахах, в том числе детских и в Антологии современной поэзии «Созвучье слов живых» – том 6. Автор книги стихов и рассказов «Ожидание радуги».

Об авторе

Кандидат технических наук. Работала научным сотрудником в Москве и в заполярье, в ПечорНИИпроекте. Последнее место работы – физический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, кафедра физики моря. Окончила Университет искусств, отделение станковой живописи и графики. Пишет стихи и малую прозу.

Член студии «Московитянка» в ЦДЛ, клуба «Московский Парнас», Московского союза профессиональных литераторов (секция прозы) и Союза

ЛУЖИ*

Я люблю бродить по асфальту,
Мокрому после дождя,
Изучать отражения в лужах
И ловить в отраженьях тебя.

Ты идёшь по тому же асфальту
И о чём-то тихонько поёшь.
Разве можешь меня ты заметить?
Ты, не глядя на лужи, идёшь.

В детстве очень я лужи любила
И гоняла по ним босиком.
Лужи – смех, лужи – редкая радость
Был ли ты с этим счастьем знаком?

Капли брызг разлетаются в стороны
И сверкает на солнце вода.
Пусть помельче, поглубже – здорово!
Дождик тоже для нас не беда!..

Если знал ты всё это в детстве,
Обязательно на воду глянешь,
А в воде есть моё отражение,
Но меня ты совсем не знаешь.

Февраль 1966

*Стихотворение впервые увидело свет в рукописном школьном журнале «Первые Шаги», активным создателем и редактором которого была, автор этого стихотворения.

ПРИКОСНОВЕНИЕ

Для чего на свете мы живём?
В мире постоянного волнения
Счастье ищем,
и зовём, и ждём –
Ради детского прикосновения.

Если радостно мечтать вдвоём,
Побеждаем беды и сомнения.
В солнечных лучах
домой идём –
Для желанного прикосновения.

До звезды дотронуться на миг,
Для успеха, веры, вдохновения.
Вспомнить тихий, ласковый
родник –
Маминой руки прикосновения.

Для чего на свете мы живём?
В мире грёз, надежды и забвения
Взгляд любимых глаз
упрямо ждём –

Ради искры нежного мгновения.
Жизни и судьбы прикосновения.

Февраль 2008

ШКОЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

В начале учебного года весь класс словно загорелся идеей создать свой Литературный журнал. «Представляете, как это интересно!» – говорили друг другу мои одноклассники. В журнале могут быть наши стихи, рассказы, басни, песни. Можно одно стихотворение продолжать всем классом по две строчки. Можем выпускать журнал каждый месяц в рукописном виде с красивыми рисунками. Сами редактируем, сами пишем, сами рисуем и сами читаем.

После летних экзаменов мы перешли в девятый класс, и теперь писать заметки в стенную газету казалось делом скучным. Сочиняли в классе многие, кто что хотел, и мне нравилось писать стихи, вести дневник впечатлений. Придумали название журналу в сентябре в конце собрания, посвящённого началу занятий и будущей успеваемости. Решили назовём его «Первые шаги».

Долго не расходились по домам и обсуждали материал для первого номера. Одни авторы могли принести воспоминания о лете, другие – о поездках, экскурсиях, третьи – о наших комсомольских собраниях и «Голубых огоньках». И стихи нашлись неплохие о школе. Для работы над текстом одноклассники вызвались сами, кто будет проверять ошибки, кто будет рисовать иллюстрации. Я тоже хотела рисовать, но мне досталось собирать материал и переписывать его моими круглыми буквами, которые признали красивыми. Оставалось только купить три общие тетради в линейку, обязательно на пружинках, а обложку можно каждый раз новую не рисовать – прежняя будет переходить из номера в номер.

Первый номер нашего литературного журнала вышел в начале ноября 1965 года. Мы принесли красочную тетрадь до уроков и торжественно объявили о рождении журнала. Одноклассники встретили его с интересом, иногда даже вырывали из рук друг друга, читали от начала до конца, а отношение учителей – было настороженным. Классным руководителем у нас была учительница литературы и русского языка. Для неё наш

журнал был полной неожиданностью, Не вызывало радости у неё и то, что мы отнесли журнал в учительскую только после того, как все в классе его прочитали. Поэтому наша учительница литературы, Лидия Васильевна, намекнула, что надо было бы сначала показать его ей.

Второй номер одноклассники ждали с нетерпением. Я вечером старательно выводила букву за буквой, писала на последнем листе оглавление и утром новый номер рада была отдать, ожидающим меня читателям. В это время вошла учительница, кивнув головой в сторону журнала, строго спросила: «В нём про учителей что-нибудь есть?» Я искренне ответила: «Нет, ничего нет, только в одном тексте про перемену – «Нерешительность», где и о Вас говорится немного». Назывался этот текст «Признание». Привожу его полностью.

«На перемене он стоял и смотрел на неё. Она готовилась к уроку: раскладывала книги. «Как подойти к ней? Как сказать ей об этом?» – думал он, покусывая губу. А вдруг она и слушать его не будет? Как тогда быть?» Ещё вчера дома он продумал, что скажет ей сегодня. А вот теперь не хватает смелости. Вчера всё было просто. Он мысленно подходил к ней, опускал глаза и говорил... А на самом деле он боялся! Боялся признаться ей. А перемена шла. И он стоял, не спуская с неё глаз. Взглянув на часы, он увидел, что до звонка осталась одна минута. Надо обязательно сказать. Обязательно! «Пойду, – решил он, – скажу!» Подойдя к ней, он опустил глаза и произнёс: «Лидия Васильевна, я образ Пьера не выучил».

Больше ни об одном учителе мы ничего не писали. Был в журнале спорный материал, который назывался «О пользе и вреде комсомольских собраний» – о дисциплине, о том как надо себя вести в школе. Были посвящения и раздумья. И конечно, было много стихов. Их принесли так много, что мы провели конкурс на лучшее стихотворение.

Мы жили в самом ближайшем Подмосковье в посёлке при научно-исследовательском Институте Горного Дела (ИГД). Рядом были ещё четыре научных организации. Раньше наш институт назывался ВУГИ (Всесоюзный Угольный). Затем институт переименовали, а название посёлка так и осталось ВУГИ. Название, казалось бы, совсем не поэтическое, однако почти весь класс увлекался стихосложением. И даже записки друг другу писали в рифму:

*Перемена! Шум и гам!
В классе пыль то тут, то там
Поднимается клубами.
Три верзилы по углам
Ходят просто «вверх ногами».*

Были критические стихотворные замечания, которые напоминали, что есть и настоящие стихи у великих поэтов, которые надо прочитать, изучить. Многие это понимали, поэтому свои творения не подписывали. Но, мы рисунки цветными карандашами старались сделать добрыми и с небольшим портретным сходством с предполагаемыми авторами. И почти всегда угадывали.

*Пишет десятый «А», молчит при этом,
Никто не слышит имён поэтов.*

И всё же некоторые фамилии авторов я под текстами тогда ставила. Уж очень мне нравились некоторые сочинения. Потом эти авторы возмущались и на меня сердились. Но в следующем номере журнала участвовали. В конце десятого класса, для февральского номера журнала мы все вместе сочинили гимн Десятого «А», который исполнили затем с огромным удовольствием на выпускном вечере. А выпуск был в тот год двойной – все десятиые и все одиннадцатые классы. Гимн нашему образованию был только у нас.

После окончания школы мы редко видели друг друга, многие поступили в институты: Энергетический, Бауманский, МИМО, Горный, Пищевой... Кто-то мечтал о мореходке и уехал учиться в Ленинград, кто-то уехал в Тверь и неизвестно ещё куда. В нашей школе проводились вечера встреч в январе, для каждого выпуска через пять лет. Собраться в школе вместе, казалось очень сложно, почти невозможно.

Через двадцать лет мы встретились. Сколько было возгласов, восторга, улыбок, светящихся от радости глаз. Сколько было вопросов: «Кто ты теперь? Где ты сейчас?»

Мы встретились в школе. Была торжественная часть и нас вызвали на сцену и поздравили с юбилейной датой. Но самое главное событие – нам открыли класс, в котором мы учились в год выпуска. Мы чинно по очереди зашли в наш класс. Вошла учительница. Мы с удивлением переглянулись. Оказыва-

ется, все стояли около своих парт, как когда-то в начале урока двадцать лет назад. И учительница на том же месте, стояла чуть дотрагиваясь до стола кончиками длинных пальцев. Наша учительница литературы. Всё, как тогда!

Все дружно засмеялись. Видимо, потому что мы были прежние. Теперь разговаривать стало совсем легко. Мы сели поближе друг к другу, достали фотографии, вспомнили школьные годы и страничку за страничкой читали наш литературный журнал. Много он нам напомнил.

И почти каждый автор, увидев, в журнале своё произведение, такое родное и забытое, подходил ко мне с просьбой: «Напиши здесь мою фамилию своим круглым почерком. Это моё! Как будто ты подписала его тогда в школе. Ой, и это моё! Подпиши!»

И хотелось сказать, а помните, как вы на меня за это сердились. Теперь, увидев свою фамилию в журнале, вы радуетесь как дети. Мы ещё несколько раз встречались почти всем классом. Жаль, не всех, наших бывших учеников удалось разыскать. И приведённое здесь «Признание» так и осталось без автора. Выпускники 1966 года, мы стали старше. Зато наш журнал остался таким же юным, какими, юными были мы. Видимо, потому, что мы были молоды, полны надежд и искренне верили в будущее, нас объединила любовь к литературе.

Бывшая ученица 10 «А» класса
школы номер восемь

Об авторе

Нина Александровна Балкаева, коренная сибирячка, из города Иркутска, физик по профессии, автор нескольких поэтических сборников.

Начало:

* * *

Слагать стихи, награду из наград,
Я получила от крещения в купели.
Меня не сберегали от преград,
Преграды только закалили.
От колыбельных сладких, словно мед,
От тех венков, сплетаемых под песню,
С коньков звенящих под поющий лед,
От трелей жаворонка с вешней вестью.
Да, это дар красавицы реки
Любимой дочери Байкала – Ангары,
В истоках тех меня крестили старики,
Я не забыла эти вещие дары.

Из творческих вершин:

Внукам: Владу, Илье, Родиону,
Алеше, Полине, Семену.

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Нежные пушистики в золотой пылице –
Все начнется заново на моем крыльце.
Древнее предание воскрешу сейчас,
Освещенным прутиком окроплю я Вас.
По головкам детушкам, по рукам,
Благодать Христовую с радостью раздам,
Приговорку вербную не забыть сказать,
Все заветы древние внукам передать.
Нежные пушистики в золотой пылице,
С радостью, с весною, счастьем на лице.
Не придет внезапно к дому благодать,
Потрудиться надобно, не спать и не дремать.
С малых дел, с фундамента – вырастает дом,
Человек прославится праведным трудом.
С новою весною верба к нам придет,
Новые заботы снова принесет.
Вот тогда проверим, кто как год прожил,
Много ли трудился, много ли грешил?
Новые пушистики золото стряхнут,
Не дадут слукавить, Бога обмануть.

* * *

Своды зала для хора
Чтоб поэзия звучала.
Пир поэзии ждала!
Мне вселенная мала!
Из хрустального бокала,
Где бы рифма бушевала,
Отпила бы я вина.

В том опять моя вина,
 Что страстей в бокале мало,
 Я бы в гроб уж намешала:
 Страсть, иронию, любовь,
 Чтоб пройти все трубы вновь.
 Брось в камин сухие ветки,
 Жжет ладонь от черной метки!
 Не бубню я невпопад,
 Брошусь с кручи в водопад.
 Огонь, воды и труба!
 Приморожена губа,
 Рви губу в кровь и труби!
 Под лекало не руби!
 Не колите, не дробите,
 Под лекало не гоните.
 Я сама себе лекало,
 По приказу не жила.
 Вот и кончился мой пир!
 Не воюю больше – мир!

Об авторе

Родилась в Москве. Окончила Московский Государственный Университет им. М. В. Ломоносова. По специальности – филолог. Автор поэтических книг «Стихов быстрокрылая нежность» (2007) и «Звёздный Остров» (2010).

Наталья Божор

* * *

Печалью
 И Судьбой
 Омыта эта
 Нега
 Зарёю тихою
 Звездой голубой
 Душа приходит
 В мир
 Душа уходит
 В Небо
 Разбуженная
 Алою
 Строкой
 Вдали уже
 Скользит
 Зелёный
 Луч
 Весенний
 Любовью
 И Мечтой
 Распахнут
 Синий лес

Я Сердцем
Пронесу
Над Розою
Осенней
Ту юную
Звезду
До солнечных
Небес

2000

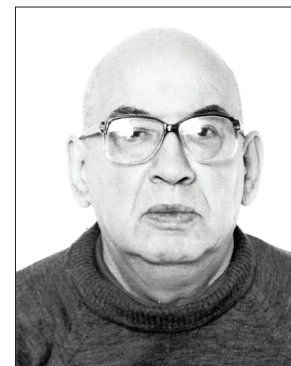
* * *

Всё
Что я
Напишу
Потом
Я прочту
Тебе
Перед сном
В колыбели
Небесной
Той
Где я стану
Тебе
Судьбой
Там
Где будет
Наш
Млечный
Дом
Всё
Что я
Напишу
Потом

2013

Об авторе

Родился в 1937 году. Окончил МХТИ им. Д.И.Менделеева в 1959 году. Окончил аспирантуру Химического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова в 1972 году. Кандидат химических наук. Писать прозу начал в 2003 году.

Сергей Буренко

ИЗ РАННИХ ПИСЕМ

3.11.03

Дорогие друзья Бен и Софи!

Наконец-то я собрался сесть за письмо к Вам! А я всегда долго раскачиваюсь и очень неорганизован. Тут вспоминается старинный советский анекдот: Арестовали Рабиновича и допрашивают его на Лубянке. «У Вас есть родственники за границей?» – «У меня есть брат, но я с ним не переписываюсь». – «Так вот сейчас же пишите ему». И Рабинович пишет: «Дорогой Хаим, наконец-то я нашел подходящее время и место, чтобы тебе написать». Такие обстоятельства ко мне, слава Богу, не относятся. На самом деле я люблю писать, но трудно начать. А потом для меня писание – это процесс мучительно-сладостный, как любовь.

Однако если вернуться к нашей замечательной поездке по Лондону, Англии и Шотландии, то это все сплошной восторг и теплые воспоминания. Сначала это фотографии, которые вскоре появились. Потом, на основе фото и альбомов, это рассказы о поездке. Далее это бурный восторг той дамы, для которой были закуплены куклы в шотландских костюмах. Она (ее зовут

Галя) бесконечно ими восхищалась, чуть ли не целовалась, таскала на работу и там всем показывала. И до того она все время ныла и стонала, что хочет со мной в Англию, но это было невозможно – не тот уровень отношений.

14.11

Сегодня в мини-компании ездили смотреть старинную церковь в подмосковном селе Остров. Это конец 16-го века, время Ивана Грозного (я помню, что в английской историографии он значится, как «Ivan the Terrible»). Для России это средневековье, время ужасно жестокое, время тирании, но и время неповторимо-прекрасной архитектуры, иконописи и особой церковной музыки. Все это ушло безвозвратно. Странно, что я раньше не видел этой церкви. Она сделана из белого камня, чем-то похожа на известную Вам церковь Вознесения в Коломенском, но еще выше, стройнее. Купол и отдельные детали позолочены, золота не много и не мало, в самый раз, примерно в тех же пропорциях как Вестминстерское аббатство.

Но как все вокруг запущено! Нас встретил сторож, молодой парень, сказал, что при советской власти тут был склад, что священник приезжает только по субботам и воскресеньям. Что вся реставрация и минимальный порядок, и забор со стороны дороги и электричество в здании, и новый деревянный дом причта, где он живет, и всё, всё – результат стараний и энтузиазма местного священника. Мы видели подведенный, но не подключенный силовой электрокабель, свежие, не очень аккуратные могилы на кладбище, расположенном рядом, и сваленные в кучу могильные камни внутри церковной ограды. Одна могила восстановлена, там над старым камнем свежий крест и надпись об офицере, погибшем в 1914 году под Ригой. Место высокое, очень красивое, внизу Москва-река, старые деревья и повсюду хаотичная производственная застройка – то ли сельская, то ли городская, но одинаково унылая. Остров – это большое село. Дома вперемешку – деревянные, старые и особняки новых русских. Все вперемешку – и хорошее и плохое. Такова наша страна, всюду контрасты...

Да, напоследок. В путеводителе, что был у нас с собой, сказано, что по художественной ценности эта церковь занимает 3-е

место в русской архитектуре после храма Василия Блаженного (Покрова на Рву) на Красной площади и храма Вознесения в Коломенском.

Вернемся, однако, к Англии. Когда созрели фотографии, я стал ездить и рассказывать о своем необычайном путешествии родным и знакомым. Сначала, конечно, в семье старшего сына, потом у племянницы и ее детей и, наконец, уже недавно я был на своей прежней работе, и везде все ахали и удивлялись. Еще я показывал все фотографии и альбомы своей старинной приятельнице Жене (она постарше меня, но очень сильная и активная). Ей было особенно интересно, потому что она тоже была в этом году в Англии и Шотландии, но по путевке. У нас получились совершенно разные путешествия. Она видела замки в Уэльсе, замок Блэр в Шотландии, дом (особняк) Вальтера Скотта, домик Бёрнса и так далее, но не видела всего, что я видел с Вашей помощью.

Надо заметить, что та бодрость и та прыть, что была мне свойственна на Вашем богоспасаемом острове, к сожалению свойственна мне не всегда. С одной стороны, это время – от апреля до начала июля – для меня всегда лучшее... Вернувшись домой, я почувствовал себя не так уютно, отчасти из-за жары, которая здесь установилась, а при континентальном климате Москвы жара в городе тяжела; еще хорошо, что я живу не в центре, как раньше. Мне повезло еще в том, что та же Женья пригласила меня на дачу; там все воспринималось легче, можно было ходить в лес, собирать грибы и ягоды (с утра). А днем надо было работать в саду. Женья под моим нажимом прочла, наконец, «Айвенго» Вальтера Скотта. В результате она стала обращаться ко мне «Сэр рыцарь». «Сэр рыцарь, надо прополоть эту грядку; сэр рыцарь, эти заросли надо выкорчевать». Когда я потом пересказал это своему внуку Илюше (который тоже прочел роман с моей подачи), он был несколько обижен за меня и сказал, что к рыцарю не годится обращаться с такими мелкими просьбами... Что ж, 12-й век далеко, а нынешние крестоносцы не так благородны и не так простодушны... Вообще и сын и внук очень прониклись моей идеей о чеченцах и шотландцах, но я застрял и литературное творчество у меня движется плохо...

Видимо, морской климат мне полезен, особенно весной и в начале лета. Я даже задумался на минуточку, не воспользо-

ваться ли на время Вашим любезным приглашением – пожить в Лондоне под мостом в картонной коробке с гарантированным подвозом еды раз в неделю... Во всяком случае проблема излишнего веса решилась бы легко, но ностальгия замучает...

Продолжаю читать в основном английскую литературу. Недавно закончил двухтомник Оскара Уайльда. Я раньше читал с удовольствием «Портрет Дориана Грея» и сказку «Звездный мальчик». Сейчас мне эти вещи не понравились, показались схематичными. А пьесы мне показались симпатичными и остроумными, особенно «Идеальный муж». Разговоры его героев пряные, парадоксальные, с легким налетом цинизма, часто напускного.

Видно, что автор очень любил аристократию. Кстати, объясните мне, пожалуйста, как это возможно, что его герои – лорд Кавершен и лорд Горинг – отец и сын? Еще мне понравился рассказ «День рождения инфанты» и сказка «Рыбак и его душа». Я внимательно прочел предисловие хорошего критика и известного филолога Аникста о жизни и творчестве автора, о его эстетизме и эстетстве, о противоречиях в его теориях и его творчестве. Но книга издана в 1961 году, в статье густой налет рассуждений вульгарно-социологического характера, проклятий буржуазному строю и т.д. Кроме того, я знаю, что Уайльд попал в тюрьму за гомосексуализм, а в статье об этом ни слова... Хотелось бы прочесть об этом непредвзятого современно-го автора.

16.11

Волею судеб я был осенью в Кисловодске в санатории, там было хорошо, тепло, почти всегда сухо. Я делал гимнастику в парке, днем гулял по горам и фотографировал, а вечером читал. Я перечитал «Давида Копперфильда» Диккенса, том В. Скотта со стихами и романом «Талисман» и биографию Р. Бёрнса в изложении известной переводчицы Райт-Ковалевой. С Копперфильдом у меня сложились странные отношения: в юности я не смог дочитать эту книгу из-за того, что очень жалел бедного Дэвида, которого все мучили и тиранили. Сейчас я стал более закаленным, все это вынес и получил большое удовольствие. Стихи В. Скотта я прочел с интересом, хотя там

не везде правильные размеры (не знаю, таков ли замысел автора или это огрех переводчика). Некоторые стихи я переписал для себя. Особенно живописен отрывок из поэмы «Дева озера», где один из горных кланов, собираясь воевать с шотландским королем, под руководством экзальтированного священника произносит особый ритуальный текст под названием «Проклятие трусу». Я нашел в этом произведении сходство (по настроению и тематике) с поэмой Лермонтова «Гарун». Вообще, находясь на Кавказе, хотелось читать и перечитывать Лермонтова, который здесь служил, воевал с горцами и где теперь сложился культ его имени. Но поскольку я хотел обязательно дочитать книги, взятые в библиотеке, а читаю я медленно, Лермонтов же у меня дома есть, то пришлось это намерение отложить... Но все же эти стихи Скотта мне пригодятся в моих наполеоновских планах по созданию известного Вам эссе, начатого в Англии. Я продолжаю увлекаться этим автором и с наслаждением прочел его роман «Талисман», тем более, что я встретился снова с королем Ричардом Львиное сердце, но уже в Палестине и с его благородным противником Саладином, который оказывается был еще и замечательным врачом, лицедеем и дипломатом. Тут я вспомнил, что два года назад видел на прилавке книгу о Саладине, изданную в серии «Жизнь замечательных людей», но тогда он мне был не интересен... Я взял у своей племянницы, о которой я в свое время вам рассказывал, еще два тома из собрания сочинений В. Скотта, один из них с романом «Пертская невеста», который я не дочитал весной и закончил его наконец. Пытался этот роман дать читать своему внуку Илюше, но он не сумел его осилить. А меня еще ждет «Квентин Дорвард» того же автора.

Биография Р. Бёрнса тоже была очень интересна, но совсем в другом роде. По своему крестьянскому происхождению он близок нашему Есенину, но Есенин жил в деревне только в детстве, а в юности уехал в Москву и быстро прославился и жил безбедно. А Бёрнсу досталось по полной программе: он, оказывается, пахал землю до довольно зрелого возраста, а земля в Шотландии гораздо хуже чем в Рязани... Потом для меня было ново, что его бунтарские стихи, сочувствующие французской революции, насмешки над священниками и властью и многие другие не были опубликованы при жизни: он писал их «в стол», как говорилось при советской власти. Он, оказывается, боялся

потерять свое место службы. Его, почти как у нас, вызывали к начальству и устраивали разнос... То есть государственной цензуры в Англии тогда не было, но «маленький человек» не мог позволить себе то, что позволял лорд Байрон...

Из другой прочитанной литературы. Мне удалось купить книгу Стругацких «Трудно быть богом». Я эту вещь слышал по радио в виде инсценировки, мне она очень понравилась и я ее искал, чтобы дать известному Вам по рассказам внуку. На этот раз все сработало. Он прочел с большим интересом эту вещь и еще две: «Пикник на обочине» и «Жук в муравейнике». Надо заметить, что братья Стругацкие Борис и Аркадий писатели-фантасты (на Западе и у нас теперь это «фэнтези»). Они были очень важны в советской литературе в 60-80 гг., причем приключения в других мирах и планетах у них не самоцель. Там ставятся нравственные задачи: что хорошо, а что плохо. Можно ли посланцам высокой цивилизации вмешиваться в дела планеты, где правит средневековая абсолютная монархия, переходящая в правление инквизиции? Так вот, опираясь на печальный опыт, посланцы высшей цивилизации решают, что надо только изучать эту жизнь, в крайнем случае спасти из лап инквизиции отдельных ученых, поэтов и врачей, немногие книги, а попытки социальных изменений безнадежны и вредны... Вот бы американцам в Ираке задуматься о том, возможна ли там немедленно демократия западного типа с учетом провала подобной операции в Сомали несколько лет назад...

Вот и решайте теперь, стал ли я англоманом? С учетом того, что мой английский не продвигается вперед. На этом кончаю, напишите что-нибудь о Вашей жизни, преподаете ли Вы, где Вы были летом, что пишете (журналистика и литература отдельно). Хотелось бы, чтобы Софи тоже написала несколько строк. А, вот еще. Я говорил с сыном Мишей о походе с Вашим участием в Сибири или в горах. В принципе это возможно, он мог бы этим заняться или поручить кому-то из надежных людей. Но он говорит, что существуют два вида западных туристов: а) это молодые здоровые люди, которые идут и несут свои рюкзаки сами на равных с нашими; б) это люди в возрасте, которые не могут (или не хотят) быть как все и которым нужны носильщики. Я думаю, Вы относитесь к первой категории, но еще нужен соответствующий опыт, спортивное оборудование, коллективизм и т. д. Пишите. Я наверное Вас утомил.

P.S. У нас подморозило и выпал снег (во второй раз). Я утром делаю гимнастику под русскую версию Euronews. В числе прочего замечаю погоду в Британии: в Лондоне +14, в Эдинбурге +11... Сегодня видел новый отечественный фильм «Бедный, бедный Павел» о Павле I. Прекрасная вещь – и режиссура и актеры, а главное виды Петербурга. Я слышал, что Михайловский замок, где был убит Павел, прекрасно восстановлен. Приезжайте, а?

N. I.

Об авторе

Родился 30 июня 1947 года в Москве, в семье художника, прошедшего Великую Отечественную Войну. Учился в МГУ на механико-математическом факультете, где в 1973 г. завершил образование в аспирантуре, работал старшим научным сотрудником, старшим математиком, геофизиком в экспедициях на Урале и в Сибири, преподавал физику. Стихи начал писать ещё в школьные годы. Автор нескольких публикаций в сборниках Литературных московских объединений.

Начало:

НАСТАВЛЕНИЕ ОТ КЛАССИКОВ

Будь скуп, владея слова даром, –
Не стоит тратить слово даром,

Будь мудр, богатством слов владея, –
В богатстве – средство, цель – в идее,

Будь мудр и скуп, владея словом, –
Будь в нём весомым, лёгким, новым!

Из позднего:

* * *

Рождаются женщины, чтобы рожать,
Мужчины – содействовать в этом,
Являются в мир красоту продолжать
Художники, дети, поэты.

И с промыслом высшим в деяньях Творца,
В чем всем нам Он служит примером,
Дай Бог созидать и творить до конца
С Любовью, Надеждой и Верой!

Об авторе

Художник. Член Московского Союза художников. Автор рассказов, эссе об искусстве. Опубликовала сборник прозы о художниках «Единственные».

ЕДИНСТВО И БОРЬБА ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

Первый курс художественного училища.

Нас на курсе семь человек – живописное отделение. Так положено учить искусству, если искусству вообще можно научить. Наша семерка такая разнообразная!

Четыре вихрастых пацана, обветренных и по-бурлацки загоревших. Они, после вступительных экзаменов в училище, на Волге с барж выгружали астраханские арбузы. Едоки арбузов там сдружились, сплотились.

Три девчонки.

Городская Наташка, после официальных занятий тут же уплывала к домашним обедам в квартиру с ванной.

Любка – из Екатериновки. Деревенская во всем обличье. С всклокоченной огненно – рыжей куделью утыканной шпильками над обрызганным яркими веснушками, круглым лицом. Добротна выращенная на деревенской экологии, яркая и пышная, она походила на клумбу в палисаднике, огороженную колченогими табуретами с краской, мольбертом и раскрытым этюдником с кистями и тюбиками. Все ее присутствие в группе выражалось живописным пятном и спокойно летающими руками, тоже в веснушках, над мольбертом.

Это молчаливое присутствие не было уж таким умиротворяющим. Вокруг ее пространства сгушалось упорство, упрямство, несогласие со многим. Зеленые глаза под рыжими ресницами часто обливали подозрением и презрением. Это была постоянная и неизменная величина группы. Ее пространство никто не нарушал, ее ни о чем не просили, и ни во что не вовлекали. Противоположность ей – Сильва – стилига. Имя она себе придумала сама. Утонченно – тонкая, с треугольным лицом, черно – смоляная стрижка почти под нулевку. В бесконечном восторге и удивлении распахнутые серые глаза. В неизменной, немыслимо зауженной юбке, такой, что влезая в автобус, нужно было ее задрать выше колен. А при ходьбе, семенить, переплетая ноги. Сидела всегда «нога на ногу», в изящных туфельках на шпильке. Презирала быт, тем более разговоры о нем. Только искусство! Откуда и когда она всего набиралась. Была в курсе всего: и что в театре нового, и что в кино, и кого в журнале напечатать, и какая выставка открылась в Москве, и что об этом сказано в прессе. Делясь впечатлением с «коллегами», она как дирижер иллюстрировала слова жестами, и все свои рассказы усыпала восторженными восклицаниями: «изумительно», «оригинально», «шедеврально», «гениально».

А так как «коллеги» не дотягивали до просвещенности «стиляги», особенно о самом новом и передовом, их раздражало смелое суждение, противоречащее их мнению.

Любка просто презирала «стилягины» публичные выступления, особенно когда она начинала критиковать незыблемые авторитеты, утвержденные временем.

В один из вечеров при полном сборе группы вдруг вспыхнул спор, о прошедшей в Москве выставке «30 лет Московскому союзу художников». Никто из группы, кроме «стиляги», там не побывал! И, конечно, свое впечатление и мнение она изложила однокурсникам. Толпы людей собирались у картин разных направлений: у полотна Лактионова «Письмо с фронта», где не нужно было никого ни в чем убеждать, художник сам всех убедил. И у живописи Кончаловского и Фалька. Где взхлеб доказывали, что вот это действительно живопись и настоящее искусство, а Лактионов – цветная фотография. Да что там людское мнение? На открытии выставки были сенсации.

Никита Сергеевич Хрущев с министром культуры Екатериной Фурцевой, облепленные художниками, прошли по залам

экспозиции. Никита Сергеевич нещадно громил «абстракционистов». Подойдя к полотну Фалька, где была изображена «Обнаженная», резко, категорично гаркнул: «А это еще что?»

Кто-то ехидно пропел, уловив настроение Первого секретаря Компартии: «Обнаженная Фалька!».

Ему и не нужен был ответ, он услышал его по-своему и еще громче и злее заявил: «Нам не нужна такая голая Валька». Рассказав все эти истории про выставку, «стиляга» сделала свой вывод: «Но ведь Левитан, Нисский, Фальк, Лактионов уже давно все в большом искусстве, никому их оттуда не достать, тем – это и интересно, что они все разные».

Вдруг, неожиданно для всех, Любка прореагировала на последнее высказывание. Даже встала и вышла из своего «палисадника», покачивая огненной куделью, двинулась к «стиляге».

«Если для тебя Левитан – низкий, так кто же тогда у тебя высокий?».

После минутной тишины, рассмеялись двое: «стиляга» и Наташка.

Любка и остальные просто не знали о существовании такого монументального, панорамного, декоративного, художника – Георгия Нисского, живописные полотна которого сейчас занимают целый зал в Третьяковской галерее. Советую посмотреть.

Об авторе

Родился в 1953 г. в городе Казани в семье военнослужащего. Вырос под Киевом в г. Белая Церковь. Закончил Военную Инженерную Радиотехническую Академию ПВО им. Маршала Советского Союза Л. А. Говорова. Служил в войсках ПВО в г. Борщёве под Тернополем, в Днепропетровске, Харькове и Москве. В Москве работал старшим научным сотрудником в ЦНИИ МО РФ. Полковник. Награждён орденом «За заслуги перед Отечеством» II степени. Поэт. Член Союза писателей России. Член-корреспондент Академии Российской словесности.

Лауреат Московских областных литературных премий им. Ярослава Смелякова и Евгения Зубова, премии Московской областной организации Союза писателей России «Золотое перо Московии» и др. Кавалер Золотой Есенинской медали. Является автором книг стихотворений: «Босиком по воде» (2003, Москва, «Знание»), «По русским просторам» (2004, М., «Знание»), «Русский салют» (2006, М., «Знание») и «Волны любви» (2009, Москва, «Голос-Пресс»).

НА КРАЮ ВСЕЛЕННОЙ

Ты натянула лук бровей,
Стрелу в меня пустила –
Из глаз, что неба красивей,
Лучами ослепила.

И я споткнулся о порог
Улыбки откровенной, –
Упал плашмя у самых ног –
На краешке Вселенной!..

Среди искрящихся снегов,
Как пламя, сердце билось, –
Ты всё сказала мне без слов,
Ты Солнцем засветилась!

* * *

На закате сторает день
И опять возрождается утром –
Свежим ветром пахнёт сирень,
Оживая в бесстрашии гулком.

Снова время зовёт вперёд,
Слышу ветер, блуждающий в соснах,
И стремится душа в полёт,
Чтобы встретиться с ласковым солнцем.

Вновь свободу мне дарит свет,
В сердце щедро энергия льётся –
Я для новых готов побед, –
За любовь сердце пылкое бьётся...

Пусть уходит усталый день, –
Отдохнёт за горой и вернётся, –
Озарит вешним светом сирень,
Если страстному сердцу взгрустнётся!

Об авторе

Родилась и живет в Москве. Из семьи работников научно-технической сферы. Еще в школьные годы увлеклась литературным творчеством. Окончила Институт народного хозяйства им. Г. В. Плеханова. Опубликовала сборник рассказов «Я знаю, с тобой не расстанемся мы...» (Москва, 2011).

Галина Гашунина

Моя дорога в творчество началась давно, еще со школьной скамьи. Это были разрозненные попытки высказаться, запечатлеть на бумаге свое восприятие тех или иных событий, будораживших сознание и требующих немедленного отклика. Потом был большой перерыв. Однажды, письменно изложив свои впечатления об одной очень достойной художественной выставке, я услышала положительные отклики о своей статье и пожелания продолжать заниматься творческой работой.

Замечательная художница Токарева Валентина Викентьевна, лауреат золотой медали Российской Академии художеств, оказала на меня большое влияние. В своем почтенном возрасте, а было ей тогда 84 года, она сумела убедить меня, что писать мне обязательно надо и не только отзывы, но и прозаические вещи. С ее непосредственной помощью была осуществлена публикация моих статей в газетах «Изограф» и «Галерея изящных искусств». Она привлекла к моему писательскому труду внимание профессиональных филологов. Очень поддерживало меня одобрение моих славных родных людей и бесценных друзей. Мой первый и, пока, единственный сборник «Я знаю, с тобой не расстанемся мы...», издан в 2011 году и посвящен памяти любимого человека Амосова Геннадия Григорьевича – талант-

ливого ученого – врача, обладавшего большой эрудицией и чутким сердцем и считавшего, что мои рассказы и эссе вполне достойны внимания читателей.

НЕБЕСНОЕ СОЗДАНИЕ

Наташка родилась подвижной и любознательной девочкой. Помимо этого, еще и до такой степени непосредственной, что многим эти ее качества воспринимались, как издержки в воспитании или, что еще неприятней, как отклонение от нормы. А так как ее воспитанием, вернее попытками воспитания, в течение уже солидных пяти лет занималась только я, то только мне и приходилось постоянно ощущать себя виноватой за все ее проступки, каковыми они считались в глазах общества.

Однажды мы собрались с ней в изостудию, где девочка постигала азы художественного творчества. Предстояла поездка в автобусе. В дневные часы на общественном транспорте обычно разъезжали пенсионеры и родители с детьми. Дети чинно сидели у окон, пожилые люди дремали. Мы стояли посередине салона. Ничто не мешало круговому обзору видов за окнами. Моя девочка крутила головой, высматривая что-то необычное. Вдруг она восторженно закричала на весь автобус, указывая пальцем на здание постройки пятидесятих: «Посмотри, какой дом лохматый стоит!». «А ведь и точно – «лохматый», – подумала я, всматриваясь в тянущееся за окном строение. Фасад его сплошь был покрыт отслаивающейся штукатуркой какого-то серо-грязного цвета, и оттого дом производил впечатление нахохлившегося и унылого существа. Находившиеся в салоне дети повыскакивали со своих мест, чтобы лучше рассмотреть чудо-дом. Взрослые стали удерживать детей. Но дочь моя не унималась, она протиснулась между пассажирами поближе к окну, чтобы прокомментировать очередной необычный объект. Дети уже не сводили с нее восторженных глаз и все пытались подойти к ней поближе, не слушая увещевания сопровождающих родственников и не подчиняясь их одергиваниям. Начался какой-то хаос. И тогда я услышала возглас, громкий и возмущенный: «Какая ужасно невоспитанная девочка! Не надо брать с нее пример!»

Мы вышли на ближайшей остановке и оставшуюся часть пути, продолжая ее пешим ходом, я пыталась на доступном дочке языке объяснить, что так себя вести нельзя. Наташка смотрела на меня своими ярко-голубыми глазищами, в которых отражалось такое же насыщенное солнцем весеннее небо, и внимательно слушала меня. Когда я закончила, она кротко спросила меня: «Почему?» А я и сама не знала этого, поэтому ответила: «Так принято». И сколько бы я в дальнейшем ни пыталась «пригладить» поведение своей дочери, ничего у меня не получалось. А у девочки от отсутствия взаимопонимания периодически стали появляться спазмы в горле, да такие, что пришлось однажды вызывать «скорую». Медики сняли болезненное проявление, но причину, его вызвавшую, мне не назвали и посоветовали обратиться к невропатологу.

Через неделю мы были в кабинете врача. Доктор, осмотрев ребенка, направила нас к психиатру, обрадовано сообщив, что нужный специалист, хотя и лечит взрослых пациентов, но периодически приезжает в детскую поликлинику и в данный момент готов нас принять.

Психиатр, приветливо тряхнув головой в натянутой до бровей белой шапочке, с порога стала меня успокаивать, что карточку на ребенка заводить не будет, и никто ничего не узнает. Я сжалась. Что за таинственность такая? Неужели все так плохо? Да, Наташа моя не тянется к детям, ей и самой по себе очень хорошо, а вот детвора от нее без ума, так как ее неумная фантазия завораживает их, уводит из скучного мира взрослых в мир сказки, в мир ярких и звонких фантазий. Однажды моя дочь заинтересовалась обычными шнурками от ботинок. Она перекладывала их из ладошки в ладошку, вытягивала, складывала в различные конфигурации и настолько увлеклась этим процессом, что я получила возможность отлучиться из комнаты и, не торопясь, готовить на большой коммунальной кухне. Я часто ловила себя на мысли, что и мне самой с дочкой весело и интересно. Многие Наташины высказывания радовали меня своей оригинальностью. Капли дождя, стучащие по натянутому плотну зонтика, она сравнивала с бегущими человечками. Кукла в ее руках была не ребенком, а, по крайней мере, экономкой или принцессой. Младший Наташин братик Максим готов был выполнить любое поручение сестры, лишь бы она приняла его в свою игру. В Наташиных руках простой пластилин превра-

щался в необычные фигурки с замысловатым значением. Если это был гитарист, то играть он должен был непременно левой рукой, если это был возница на мчащихся санях, то вытянутая шея его должна была изгибаться вместе с разлетающимися грибами лошадей.

Пожилая врач – психиатр задавала моему ребенку вопросы, получала на них вполне вразумительные ответы, что-то куда-то записывала и, в конце концов, вынесла вердикт: девочке нужно посетить психоневрологический диспансер.

Туда-то мы, спустя некоторое время, и отправились. Нас принял средних лет мужчина, аккуратный и предупредительный. Он долго вертел в руках направление, и по его продолжительному вздоху я поняла, что с детьми он никогда дела не имел. Наташу отвели в темную комнату, обвесили проводами и стали обследовать. Она сидела на стуле торжественно и участливо, осознавая важность момента, и в то же время, стремясь помочь доктору, потому что своей обостренной детской интуицией почувствовала, что ему нелегко. Свет то загорался, то потухал, глаза ребенка то открывались, то закрывались, узкая полоска миллиметровой бумаги кругами ложилась на пол, а медики все не заканчивали свою работу. Наконец, врач отдал команду завершать. Мою дочь вынули из вороха бумаги и кучи проводов, и мы отправились в коридор ожидать диагноз.

Процесс этот затянулся. Наконец, доктор вышел к нам. Помолчав, он сказал: «Вы знаете, у нее в голове такая мозаика...» Я не понимала, что под этим словом подразумевается, и, видимо, прочитав выражение моих глаз, врач добавил: «Ну, ничего, вырастет, выйдет замуж и все образуется». Тогда смысл сказанного мне стал понятен. Страшного ничего нет, и это главное. Поблагодарив доктора, мы с дочкой пошли домой. Мое небесное создание, дождавшись подходящего момента, вдруг заявило мне: «Мам, а я ведь замуж-то не пойду». Ну что мне оставалось делать? Напряжение, владевшее мной все это время, спало. На глаза навернулись слезы. Я лишний раз убедилась в том, что моя дочь – человек неординарный. Спустя годы, мое умозаключение подтвердилось и не однажды. Как метко заметила моя родная сестра, ум, изначально предназначенный для четверых маминых внуков, из коих трое – мальчики, сполна достался только нашей славной девочке.

СИМВОЛ ВЕРНОСТИ

Я со своими малолетними детьми отдыхала в Риге. Лето хорошей погодой не радовало: постоянно шли дожди. Нам же очень хотелось побывать в легендарной Юрмале. Мы дождались, когда небо немного развеялось, и поехали на Рижское побережье. Море слегка штормило. Шум морской волны перекрывал остальные звуки, и приходилось кричать, чтобы услышать друг друга. Мы шли вдоль берега, утопая в песке, местами перемешанном с бурными водорослями. Из-за промозглого ветра никто больше не рискнул выйти на прогулку по пляжу. Пройдя приличное расстояние, мы подошли к небольшому заливу, тщательно скрываемому дюнами от посторонних глаз. Здесь ветер не так свирепствовал и, кроме того, вдоль береговой линии располагались деревянные скамьи. Я с удовольствием присела, а дети продолжали с радостным гвалтом бегать у самой морской кромки. Считая, что никого кроме нас поблизости нет, я громким голосом предупреждала детей, чтобы они не намочили ноги, но, отвлекшись от наблюдения за ребятами, я вдруг заметила неподалеку неподвижно сидящую женщину. Она пристально всматривалась в морскую даль. От ее застывшей в одном положении фигуры веяло такой грустью, такой щемящей печалью, что мне стало не по себе. Видимо, женщина уже длительное время находилась здесь. Волосы ее, забранные в пучок, растрепал ветер, брызги волн замочили легкое платье – она ничего не замечала, как не заметила и нашего появления. Не отрываясь, она смотрела в море, как будто ждала кого-то, несмотря на то, что (как мне показалось) ждать ей уже некого.

Мне пришла в голову мысль о том, что такова участь большинства женщин портовых городов: постоянные проводы своих мужей – моряков в море, терпеливое ожидание встречи с ними, неизменная тревога за их судьбу и, безусловно, непоколебимая вера в благополучное возвращение родных людей на землю. Но морская стихия непредсказуема. Редко кто выходит победителем в неравной борьбе с разбушевавшейся природой. Возвращаются не все.

Незнакомка притягивала мое внимание. Она так и не шелохнулась. Ничто извне не проникало в ее сознание. Она находилась один на один с морской пучиной. Я подумала о том, что

только большая любовь может вызвать такую потрясающую верность. Тихо уводя детей я, напоследок, обернулась: женщина продолжала отрешенно вглядываться за горизонт. У меня сжалось сердце.

Прошло много лет с тех пор, как произошла наша случайная встреча на берегу холодного Балтийского моря, но до сих пор в моей памяти сохранился женский образ, прекрасный и величественный, любящий и страдающий, олицетворяющий собой верность и высоту не сломленного духа.

февраль 2013 г.

Об авторе

Гиршгорн Вадим Моисеевич, к.техн.н., работал вед.н.с. во ВНИИ полимерных волокон, специалист в области мембранной технологии.

Вадим Гиршгорн

ПОТРЕБНОСТЬ СКАЗАТЬ

Почему есть потребность писать? Действительно, почему? Пожалуй, таких причин две. Во-первых, у меня осталось впечатление, что я в школьные годы не написал своего сочинения. Я не был идеальным школяром, и многое приходилось исправлять, наверное, эта привычка сохранилась и по сей день. А ведь у нас в школе были очень хорошие предпосылки для сочинительства: две девочки из старших классов хорошо писали стихи и читали их на вечерах. К нам приезжали на «Огоньки» творческие люди: Михаил Ульянов, только что сыгравший в фильме «Балтийское небо», Эльдар Рязанов, снявший «Гусарскую балладу», начинающий тогда пародист Александр Иванов, будущий герой передач «Вокруг смеха». Поэт Александр Кушнер, теперешний классик, он выступил, а потом сказал: «Ребята, кто хочет, пойдемте, почитаем стихи», – в тихий класс за ним пошли несколько человек. Среди стихов он прочел и «Сегодня снег пошел не вниз, а вверх...», потом они были опубликованы в «Юности». А одноклассницы, эти сладкоголосые птицы нашей юности, их сочинения зачитывала учительница, а мальчики си-

дели молча, тем временем думая об исправлении плохих оценок и спорт-секциях. Нет, есть за мной должок, есть.

Если первая причина для письма связана с прошлым, то вторая – с будущим. Подспудно она определена заботой о жизни молодого поколения. Участвуя в разработке искусственных органов, я видел больных людей и рано столкнулся с пониманием того, что медицина не всесильна. Поэтому Библия и предлагает торговать духовным серебром, именно духовные наработки, связь с тонким миром продлевают жизнь людей. Самый экстремальный и наглядный вариант продления жизни людей это оживление усопших. Преподобный Сергей Радонежский оживлял умерших, это зафиксировано в Житии святого. Но это существует и в наши дни. В городе Александрове Московской области, неподалеку от Сергиева Посада, я собирался встретиться с монастырским священником. – Ведь у нас батюшка тот самый, – сказали мне прихожане. – Какой «тот самый»? – Его мать умерла от рака, ее отвезли в морг, а она там воскресла, стала здоровой и прожила еще много лет. Об этом газеты писали. После этого сын и стал священником... В моем представлении оживление здесь явно было залогом будущей духовной деятельности ее сына.

Вот я и хочу объяснить молодому поколению, что для привлечения жизненного ресурса к ним и их потомкам (ведь продление жизни имеет тенденцию переходить и на потомков) необходимо по нашим слабым силам уделять время молитве, общению с тонким миром, чтобы нас там уже знали и, когда нужна будет, помогли. Если мне в своих зарисовках удастся ненавязчиво натолкнуть молодых и немолодых людей на эти мысли, посчитаю, что школьный должок закрыт и бумагу извел не зря.

УНИВЕРСИТЕТЫ ВЗРОСЛОГО ЧЕЛОВЕКА

В 2006 году я уехал из Москвы и два года провел в православных монастырях. Почему? По прошествии уже нескольких лет думаю, что это судьба, Воля Божья.

Жизнь в христианских общинах, маленьких и больших монастырях сходна. Просто в больших монастырях она интенсивнее и проявляется ярче, примет этой жизни я и коснусь. Конечно, вокруг духовного света монастыря (носителями которого

являются мощи святых, монахи старцы, монахи затворники и большая, уже сложившаяся духовно, часть монашеской братии), вокруг этого духовного света собираются и темные силы: секты, колдуны, нераскаившиеся грешники. Между этими силами – люди, тянущиеся кто к свету, кто неосознанно или осознанно к тьме. Монахи рассматривают монастырь как лечебницу. И действительно: кто-то возвращается в мир духовно оздоровленным, кто-то становится священником и уезжает служить. Все эти носители света и тьмы живут в быту и присутствуют на службах вперемешку, как бы варясь в очищающем котле.

Я в отделе кадров был записан в дворники и попал в общежитие у стен монастыря. Около половины дворников были приезжие из одной южной республики ближнего зарубежья: они давали в долг россиянам под двести – триста процентов, прицельно их спаивали – либо для того, чтобы освободить место соплеменнику из их деревни, либо, зарясь на личные вещи, либо опасаясь, что этот человек может разоблачить их делишки. Затем механизм работал так, что спаиваемый подопечный не в состоянии был выйти на работу и карался увольнением. Сразу же исчезали вещи обрабатываемого: электроплитка, музыкальный центр и прочее, и вернуть их было затруднительно. Если кто-то не поддавался на пьянку, то «зомбировался» колдовскими приемами. Так и шло по накатанной...

Рабочий день этого сообщества заканчивался, как правило, раньше, чем у россиян, но, как только нависали «дисциплинарные тучи», они «ударно» на один день выходили на работу на полчаса раньше под лозунгом «работы много» и претензии у администрации отпадали: как же наказывать энтузиастов? Чувствовалось, что эти гастарбайтеры не уважали этические основы принявшего их общества, дошло до того, что двое из них в те дни получили сроки за изнасилование.

Среди россиян был значительный процент молодых и нестарых людей, которые приезжали в монастырь в надежде покончить с пьянством. Были люди с поезда, которых обокрали в пути, и им не на что было доехать до дому, были светлые ребята, приехавшие за духовным опытом или, чтобы узнать жизнь, такие как мой приятель, студент Литературного института. Кстати, находясь там, он через интернет стал победителем конкурса молодых поэтов, в котором было триста участников. Был и отставной офицер разведки: чувствуется, профессионал, – он

противостоял темным колдунам даже успешнее, чем я, в прошлом целитель. Часто в монастыри приходят жить освобожденные из тюрем, но в этом монастыре такого контингента на тот момент не было.

За что же идет борьба в монастырях? Конечно, за наши души, за осознание правильной жизни в этом и ином мире. Духовная брань проявляется по-разному. Я могу сказать лишь о своем восприятии и ощущениях. По крайней мере, то же испытывал молодой человек лет двадцати из Рыбинска, с которым я обсуждал это. На минуту представьте, что у вас свело руку или ногу, а потом вообразите, что это ощущение не только в конечностях, но и в туловище, голове. Давление, сколько я ни мерял его, было от 180 до 210 мм. Я работал так полный рабочий день, а кроме того меня пригласили на духовные курсы после работы, часа на три. Но, походив несколько дней, я понял, что с курсами физически, пожалуй, не справлюсь.

Удивительно, но, казалось, в монастыре существует духовное начало, которое контролирует наши поступки. В комнате на десять человек среди других со мной жил юноша, окончивший школу для умственно отсталых. Иногда он вел себя асоциально, не соблюдал правила гигиены. Как-то утром я грубовато его одернул, после чего, придя на работу, обнаружил, что потерял пластиковый пакет с Библией, вдобавок я поскользнулся и упал. Ясно было, что это неспроста, и я постарался загладить вину перед молодым человеком.

Добавлю еще о духовном контроле, имевшем, по-видимому, благое мистическое происхождение. В глаза мне бросилась закономерность: если трудник один день выпивал, это прощалось, но если потребление вина растягивалось на два дня – обязательно что-то происходило, человек наказывался. Готов рассказать вам трагикомический случай. Компания дворников-россиян навеселе гуляла по улицам городка, их было человек пять. Они познакомились с двумя девушками художницами, которые пригласили их на следующий день в свою студию. Перед визитом ребята выпили несколько бутылок вина, это был уже второй день пьянства. На мои увещевания – не пить хотя бы перед встречей – они не обратили внимания. Как ни странно, но мне казалось, они даже голоса моего не слышали. Не знаю как прошел вечер, но на обратном пути наша компания подралась с компанией, шедшей ей навстречу, после чего

все они были отвезены в соседние палаты горбольницы. Через несколько дней после возвращения их из лечебного учреждения, я заговорил с заводилой о неудаче того вечера.

– Как можно говорить о неудаче, когда травмы той компании гораздо тяжелее наших, – был ответ.

Иногда наша работа (послушания) отягощались какими-то испытаниями, проверяющими нашу терпимость, смирение. Вот что мне рассказал приятель: в тот день после купленной в городке некачественной пищи у него болел живот, поэтому дворничьи обязанности он выполнял с некоторым напряжением. И тут ему предложили втроем отнести из пекарни в храм тяжелый дощатый ларь, наполненный просфорами. Отказываться не принято. Ларь несли: трудник Игорь, который давно жил в монастыре и отличался сильной молитвой, мой приятель и монах. На какие-то малозначащие слова приятеля Игорь вдруг резко ответил, что умного он сегодня еще ничего не сказал. Мой приятель смолчал и Игорь стал говорить ему (не без основания), что физических сил у него никаких нет, и что он не мужчина, и такая помощь ниже мужского достоинства. Так продолжалось пока они не дошли до храма – мой дворник терпел. Монах в конце пути стал улыбаться в бороду и, поблагодарив, спросил у приятеля, как его зовут.

В главном храме монастыря «при мощах» состоял один из служителей, Вячеслав. Он не был монахом, просто работал в монастыре. В начале девяностых он владел двумя рынками в Подмоскovie и ездил на «мерседесе», но как только в бизнесе запахло кровью, он бросил все и ушел служить в монастырь. Вспоминая его поступок, приятели – бизнесмены вертели пальцем у виска, но когда лет через десять пришлось пожинать плоды растления и выросли развращенные дети, они прибежали к нему: что нам делать? – А теперь, – ответил Вячеслав, – оставайтесь там и доводите всё до нормальных нравственных устоев.

Конечно, разрешение служить «при мощах» получалось с одобрения монахов-старцев и с согласия настоятеля монастыря. Таким образом, Вячеслава оценивали высоко и в миру, и в монастыре. И когда ко мне пришла от него информация духовного свойства, я понял, что должен отнестись к ней с серьезным вниманием. Разговор происходил в храме, недалеко от мощей святого угодника.

– Я ведь школьником еще был вознесен в мир иной, – сказал Вячеслав, – Живут они просто: простые дома, простое убранство комнат. Все они учатся. – Чему же их учат? – спросил я. – Учат тому, как устроен мир. – А усопших родственников видели? – Видел своего дядю. Вот приходит из нашего мира туда кто-то – его первое время трясет. Его спрашивают: чего ты трясешься, ну чего ты трясешься!?

В невидимой монастырской битве добра и зла были и серьезные потери: лет за двадцать до моего приезда в монастырь в полутора километрах от городка убили приходского священника, за два – три года до моего пребывания в монастыре было покушение на здешнего священника, занимавшегося духовным лечением. Но есть жертвы и безымянные, просто миряне, пострадавшие от злого колдовства, их судьба мало заметна. Как-то сидя на скамейке в монастыре, я разговорился с человеком лет тридцати двух. Он жил в Москве, снимая комнату, работал на фирме и приехал в монастырь за духовной помощью: у него стало сдавать сердце, он отекал. Его несколько дней поддерживали в местной городской больнице, сделали курс уколов и выписали. Я, собрав остатки своих познаний, дал ему совет и на несколько дней ему стало легче. Но нет, наверно, как говорила святая блаженная Матронушка Московская, ему «было сделано на смерть». Недели через две я услышал рядом разговор, что на ступеньках церкви умер мужчина, я понял – речь о моем знакомом.

Не избежал неприятностей и я, ведь меня прочили в лечебные монахи, да еще фамилия неславянская. Раз, вернувшись из краткой отлучки в Москву, я сразу пошел на работу, а вещи оставил в гардеробе храма. Там была и прозрачная фляжка с водой. Пару раз за день я подходил к своему свертку, чтобы попить из фляги, и не находил ее. В конце дня, когда я пришел за вещами, фляжка с водой появилась, но уровень воды был гораздо выше прежнего и жидкость была мутной. Я выбросил фляжку. В реальность других попыток резко ухудшить мое здоровье, боюсь, вы не поверите, так как их подготавливали колдуны, люди с извращенным мышлением, резко отличающимся от мышления людей, читающих эти строки.

Братия монастыря и священники, батюшки, очень помогали нам, людям, нуждавшимся в духовном обновлении. Особенно нуждались в поддержке недавно приехавшие в монастырь.

Список принятых на работу подавался батюшкам и те поминали нас в своих молитвах. На вечерних службах в первые дни рядом со мной, как я замечал, стоял священник и у меня было ощущение, что он молится за меня, в конце службы я кланялся ему в пояс. Запомнился мне и другой случай. Я шел после вечерней службы по территории монастыря. Сплошные облака плотно закрыли низкое осеннее солнце, было какое-то чувство опасности: вокруг – много странных людей, по-видимому, это была секта, но за мной шли не спеша двое молодых батюшек, они весело переговаривались между собой и проводили меня до ворот монастыря. Это был просто символ, но символ, значимый и для меня и для секты.

Батюшки нам помогали и через исповедь, среди них были и прозорливые старцы, которые, зная наши трудности, давали понять, что они преодолимы ибо христианство сильнее зла. Был там и очень добрый батюшка Никита. Как-то я ему покался, что молился о российских спортсменах. Батюшка сказал, что нельзя молиться о спортивных страстях, но, понимая мой патриотизм, стал при встрече дарить мне яблоки и плитки шоколада, полагаю, со своего стола.

Конечно, центром духовной жизни монастыря были мощи преподобного святого, к ним в выходные дни приезжали толпы людей. Я старался не пропустить и дня, чтобы не приложиться к ним. Как-то, придя в храм к мощам, застал там молящимся в одиночестве будущего патриарха Кирилла, его все знали, как ведущего телепередачи «Слово пастыря». Ходили разговоры, что руководство монастыря не менее двух раз на дню обращается к мощам святого, для того, чтобы знать Волю Божию по тому или иному вопросу. На одной проповеди батюшка перечислил несколько проявлений жизни мощей святого, из которых я запомнил две: ногти растут, обувь стаптывается.

За два месяца до моего отъезда из монастыря был солнечный августовский день. Я подметал выложенную камнем мостовую. Чем я только не занимался последние два года: был дворником, ухаживал за садом, пас скот, снова был дворником, мне еще предстояло поработать на реставрации церквей. Вдруг какая-то добрая, ласковая и мощная волна потянула меня в сторону главного храма. Это не так, как тянут за руку, нет – каждая клеточка потянулась туда, к мощам святого. Я положил метлу на бордюр мостовой и на несущей меня волне

почти побежал по тенистой улице. Влетел в храм, преклонил колени и прижался лбом к стеклу раки. Наверное, в этот день на небесах было принято какое-то решение обо мне. С годами я понял, ко мне не пришло избавления от того, что суждено пройти, но существует догадка: прибегая к молитве, возможно избежать худшего, – ведь нас слышат. Славен Господь во святых своих, аминь!

Об авторе

Окончила Ленинградский химико-технологический институт им. Ленсовета, работала в Москве (Институт органической химии им. Н. Д. Зелинского РАН) по специальности химик-органик, а также патентовед. Опубликовала три сборника стихотворений.

Инга Гланцева

К РАЗГРОМУ ВЫСТАВКИ В МАНЕЖЕ В 1963 ГОДУ

Люди, пишущие музыку
И сочиняющие сказки!
Не поддавайтесь нашей грубости,
Не доверяйтесь нашей ласке.

Мы очень мудрые читатели
И очень тонкие ценители.
И потому мы вам, мечтатели,
Святые мать-отец-крестители.

Следим мы зорко за поэтами,
Не забываем вас, художники.
И скажут всем статьи газетные,
Что мы в искусстве – не сапожники.

Мы не допустим безобразия!
В своей народной простоте
Мы против всяческих фантазий
На государственном холсте!

Все наши мысли станут вашими,
Покаетесь – мы вас простим.
И будут залы вернисажные
Для вас страшнее гильотин.

Вперёд, поэт! Вперёд, художник!
Творец и мастер – все вперёд!
Своей идейности ничтожность
Сегодня празднует народ!

8 марта 1963

Из творческих вершин:

* * *

Куда уходит время,
И где его найти?
И вставить ногу в стремя,
Чтоб было по пути.

Часы, минуты, годы
Летят, несутся вскачь
В любые непогоды,
Меж городов и дач,

В лесах или на море,
Работаешь ли, спишь,
И в счастье или в горе,
И лев ты илимышь...

Подвластно всё секунде.
И только задержись:
«Sic transit Gloria mundi»*.
И так проходит жизнь.

* «Так проходит мирская слава» (лат.)

4 декабря 2012

* * *

Я всё ещё жива,
Но умерла сегодня.
И страшные слова
Неслись из преисподней.

Они, как острый нож,
Вонзались в моё сердце,
Что правда, а что ложь,
Куда мне с этим деться...

Забиться и заснуть,
И ничего не помнить,
Но жизнь продолжит путь
Сквозь сна каменоломни.

А имя улетит,
Застынув по дороге,
И, превратясь в гранит,
Мои укроет ноги.

Душа взовётся вверх
И взглянет с высоты
На землю и на тех,
С которыми «на ты»

24 ноября 2012

* * *

Несовпадение взглядов, душ...
Тяжёлое несовпадение.
Большое надобно терпенье
Встать под холодный этот душ.

Всё реже солнца светлый луч
Рождаёт звуки новых строчек,
А дни и годы всё короче
Под толщей равнодушных туч.

Зима, зима... И быстрый снег
Летит, летит и вдруг взлетает,
Снежинок лёгких мчится стая
И зимний продлевает бег.

12 декабря 2012

Об авторе

Окончила МГУ им. М. В. Ломоносова. Работала переводчиком научно-технической и патентной литературы. Пишет стихи и прозу. Печатается в коллективных сборниках. Участница нескольких литературных объединений Москвы. Любит путешествовать, увлекается фотографией.

Стихи начала писать в 60-е годы XX века, будучи студенткой филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Но интерес, любовь к стихам зародились в детстве. В годы войны бабушка взяла меня в глухую ярославскую деревню, где и спасала от голода и холода. Моя бабушка, Евгения Константиновна Иванова, с отличием окончила церковно-приходское училище и знала наизусть много стихов русских поэтов. По вечерам она часто читала мне стихи, когда мы грелись на русской печке. Стихи по воспоминаниям детства пишутся до сих пор.

БЕРЁЗА

Грозами май буянил,
Ливнями землю хлестал,
Насмерть берёзу ранил,
В самое сердце попал.
Вытянувшись лежала,
Зелень кудрей разметав,
К мокрой земле прижалась,
Вдох последний издав.

И вдруг опомнился май,
Успокоился, стал светлей,
Наклонился, поцеловал
Берёзовых – зелень кудрей.

1965 г.

МОЛОДОСТЬ

Вот месяц серпом безупречным
По темному небу плывёт,
Идём и смеёмся беспечно,
И верим, что жизнь бесконечна,
И нас только счастье ждёт!

1966 г.

Из творческих вершин:

* * *

Вот эти леса Ярославской земли
Меня от военной беды сберегли,
Вскормили меня разнотравьем поля,
Вспоила меня своим соком Земля.
И я потому лишь живу и дышу,
Что соки целебные в жилах ношу.

2000 г.

ЯРОСЛАВИЯ

Тихая, задумчивая Сить,
Извилистою лентой на лугу
Вьёт свою серебряную нить,
Позабыть её я не смогу...

По мокрой этой луговинке
Брожу, как в детстве, босиком.
Мне жаль заросшие тропинки
И каждый опустевший дом.
Прохладный августовский вечер
Косяк, старинное крыльцо.
И расставанья, и невстречи,
Родное скорбное лицо.

Край детства милый, опустевший,
Где мне не грустно, а светло,
Костёр, почти что отгоревший,
Даривший мне свое тепло.

2000 г.

РУССКАЯ ПЕЧКА

Не было в детстве со мною матери,
Не было ласковых. тёплых объятий.
Бабушка мыла меня в печи
И ласкали теплом кирпичи.
Милая бабушка, русская печка,
Отогревали моё вы сердечко.
Русская печка, русская печка –
Не отыскать теплее словечка.

Ко мне эти строки пришли в ночи.
Поставить бы памятник русской печи.

26.03.2013 г.

Об авторе

Москвичка. Художник-живописец. Член Международного Художественного фонда. Участник выставок в России и за ее пределами. Работы приобретены частными коллекционерами Германии, Франции, Японии, Италии. Проза опубликована в периодических изданиях.

*«Случайных встреч не бывает.
Встречи посылает нам Господь»*

НАЧАЛО

В четыре года я бегло читала и писала заглавными буквами. И началось... Детские альбомчики для пожеланий, обязательно с иллюстрациями, выдумщица была...

Прошло время. За плечами художественная школа, институт – я художник. Этот период был наполнен встречами с талантливыми интересными людьми. Первые небольшие заметки в периодической печати, первые серьезные выставки.

Совершенно неожиданно – театральная студия Народной артистки СССР Серафимы Германовны Бирман. Она раскрыла во мне еще один талант.

Время бежит. Неожиданно, организовала в «Строгановке» театральную студию, невербального направления; бессловесную – мимика и жест. Мы были первыми, сценариев для нас написано не было. Написала, подобрала музыку, театральные шумы. Через четыре месяца вышли на конкурс Московских ВУЗов, заняли первое место. Студия просуществовала около десяти лет.

Время летит. Я в Литературном объединении «Дома ученых». Первые рассказы опубликованы в альманахе «Третье дыхание».

И вот, выходит в свет «Сборник произведений поэтов и прозаиков Литературного объединения Дома ученых», руководитель кандидат филологических наук Л. И. Колодяжная «Мы рождены для вдохновения...». Очередное выступление Литературного объединения в стенах родного Дома ученых. Людмила Ивановна представляет зрителям каждого из участников, представляя меня, подчеркнула – прозаик и художник. Я читала посвящение любимому детворой и взрослыми автору знаменитой «Мухи Цокотухи» – Корнею Ивановичу Чуковскому «Добро».

ЧУДО

Приехала в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру, заглянула в Церковную лавку – мне повезло. В этот день с Афона вернулся монах, который привез отснятый видеофильм на острове Кефалония, в день Успения Богородицы в местном Храме.

Только в этот день, со всей округи, ползут в Храм разных видов змеи, которые, именно в этот день теряют способность жалить. Представьте себе: – по асфальтированной дороге к Храму, вместе с идущими паломниками, множество змей, тоже направляющихся в Храм. Существует многовековое поверье: «тому, кто поможет змеям преодолеть этот путь, будет прощен один тяжкий грех»; змеи позволяют брать себя в руки, вешать на шею. Идут дети, улыбаются, на шее и руках змеи. Из Храма выходит священник, открывает настежь дверь, поднимает маленькую змейку и переносит ее через порог. Все змеи ползут в одном направлении к стоящей на постаменте Иконе Богородицы.

Одна, большая ползет по торцу Иконы и обвивается вокруг Креста, замирает. Вторая тоже крупная, ползет по торцу и по руке от локтя к кисти; она поворачивает перпендикулярно кисти голову и, замирает в поцелуе. Остальные, кто обвивается по постаменту, остаются на полу в виде сплошного круга. Закончилась служба, они бросаются к боковому выходу и опрометью расползаются в разные стороны – к ним возвратилась способность жалить.

Об авторе

Поэт. Родилась и выросла в Ленинграде. Инженер. Любовь к поэзии привила мама – педагог по образованию и призванию. Первые стихи были написаны в семь лет. В 2004 году в издательстве «Линор» вышла книга стихов «Год любви». Печаталась в газетах и журналах, таких как «Родники», «Факт», «Вокруг смеха».

ДЕТСТВО

Детство ушло неслышно,
Только взглянув на прощанье,
Как спит человек и снится
Ему впервые свиданье.
Как он подходит и бережно
Её обнимает за плечи,
Она улыбается нежно...
Так и стоял бы весь вечер.

И детство, навеки прощаясь,
Глядит на него, не спеша.
Спит человек, не ведая,
Что юность к нему пришла.
Уж нет того чудного мира,
Что сказкой он в детстве звал,
Лишь старый, смешной Буратино
О детских годах тосковал.

И в прошлом остались мальчишки,
С которыми вместе рос,
Читал про индейцев книжки,
Расчесывал кошке хвост.

Но детство ушло неслышно,
Только взглянув на прощанье,
Как спит человек и снится
Ему впервые свиданье.

1968 г.

* * *

Полюбила парня
Девница-краса
За его лихие
Синие глаза,
За его улыбку,
Песни при луне,
За смешные прядки
В русой голове.
Сколько раз, встречая,
Отводила взгляд,
Чувствуя, как щёки
На ветру горят.
И мечтала тайно,
Как осенним днём
Он ей скажет:
«Милая,
здравствуй, мы вдвоём».
Улыбнутся радостно
Солнцу небеса.
Полюбила парня
Девница-краса.

1969 г.

БОМЖ

Я встретила роскошного бомжа.
 Он Блока мне читал и Гумилёва.
 И взгляд его, то нежно, то сурово
 Меня пронзал, как остриё ножа
 Пронзает кожу спелого плода.
 И я спросила: Кто он и когда
 Утратил смысл, и веру, и надежду?
 Как мало походил он на невежду,
 Когда ответил просто: Я – артист.
 И как ненужный, пожелтевший лист,
 Несёт меня по грязной мостовой,
 Я умираю, но пока живой,
 И хоть меня совсем не узнают,
 У церкви всё же мелочь подадут...
 Он попросил помочь ему, и я,
 Себя за малодушие кляня,
 В ладони деньги, молча, протянула,
 Потом, молясь, в ближайший храм шагнула.
 И долго там, светла и горяча,
 За души нищих плавилась свеча.

2005 г.

Об авторе

Поэт, кандидат филологических наук. Член Союза Литераторов России. Руководитель ЛИТО ЦДУ РАН (с 2007 года). Один из авторов и редакторов «Словаря языка русской поэзии XX века» (издано 5 томов Словаря в изд-ве «Языки славянской культуры»). Автор 26 поэтических книг. Имеет многочисленные публикации в периодической печати и сети Интернет. Лауреат Международного Интернет-конкурса «Золотая строфа – 2011, 2012, 2013» в номинациях: «Стихи о любви, Философская лирика, Городская лирика». Официальный сайт: www.likolod-poet.ru

Людмила Колодцкая

НЕМНОГО О МОЕМ ТВОРЧЕСКОМ ПУТИ

Мое первое образование – математическое: математическая школа и Математический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова.

Но именно в математической школе я впервые услышала стихи, которые не проходили на уроках литературы – это были стихи Анны Ахматовой, а читала их дочь академика С. Л. Соболева – Татьяна. Но еще до этого был «поэтический удар» – в известном фильме прозвучала строка Александра Блока «И вечный бой, покой нам только снится...». Я прочитала двухтомник Блока и выучила много стихов поэта, в том числе и это...

А дальше – я начала «начитываться» поэзией Серебряного века, которая правда, еще не вся была доступна, но уже существовали «Самиздат» и «Тамиздат». Летом в середине 70- годов, будучи в байдарочном походе, я прочитала стихи Осипа Мандельштама (копию с издания Никиты Струве 1968 года). В этом же походе я познакомилась с очень интересными людьми – физиками и философами. Благодаря, одному из них, я

сочинила первое лирическое стихотворение, затем – второе, третье... С тех пор – продолжаю, почти без перерыва...

Я помещаю в этом сборнике одно из ранних стихотворений, которое к тому же получило признание известного барда Петра Старчика, написавшего песню на этот текст. Далее я помещаю те два стихотворения, которые я считаю одними из творческих удач... Остальные мои стихи (более 20 сборников) можно найти на моем сайте.

Начало:

В ФОРМЕ СТАРОФРАНЦУЗСКОЙ БАЛЛАДЫ

Как в жизни – нет, да и не надо
сюжета, важен лишь намек...
Но тем изысканней баллада
растянет узел темных строк
в тот нарастающий поток,
что только памятью окован,
лишь слово есть всему исток,
спеши, мой друг, вернуться в слово.

В тот мир, где славы нет и прозы,
условностей, судьбы, преград,
сквозь лабиринт метаморфозы
спеши, мой друг, в тот дальний ряд,
который будет тих, как сад,
где обитает только Бог,
где годы больше не летят.
спеши вернуться в монолог.

Забыв о ласке этих рук,
спеши в немеющей горсти
последний символ дней-разлук –
тепло земное пронести,
спеши, мой друг, произнести,
когда войдешь в иные волны,
ко мне летящее «прости» –
последнее земное слово.

Из творческих вершин:

ГДЕ СТОИШЬ С МОЛИТВОЙ – ТЫ...

Пусть береза лист уронит
на стекло... Пусть вьется дым –
дань камина в дальнем доме –
ранним сумеркам седым,

где сведется день к потере
капель, что роняет дождь...
Там на слух – еще поверят
в скрипы двери, в сердца дрожь.

Слышен шелк иных материй
там, где прошлое – не жгут,
где в смиренье ждут и верят –
в ад и рай, в терновый жгут,

где сменяется доньше
осень – сахарной зимой,
тонет ёлка в крестовине,
словно доли нет иной,

кроме той, что в дальнем доме,
где зимой горит камин,
где кармин заката тонет
в окнах, сумраком гоним...

В доме том и мне знакомы
каждой комнаты черты,
каждый угол, клин иконы,
где стоишь с молитвой – Ты...

МУЗЫКАНТУ

Позови туда, где закат
золотит горизонта оковы –
зыбким выдохом, музыкант –
гибкой дудочки тростниковой,

где березовых дров смола
омывает мольбой жаровню,
где тебе не нужны слова
на тропе тишины неровной –

в край, что мне еще незнаком –
кроме музыки, что там будет?
в край, куда бегут босиком
за тобою ангелы, люди,

дети... В край меня позови,
в край, где знаешь – уже ничей ты...
Слышишь, выдохом улови,
смелым шепотом, лепетом флейты –

самой шелковой из сетей –
в край, который еще неведом,
где я стану тише детей,
что бегут за тобою следом.

Позови, музыкант, туда,
где любовь лишь – музыки тише,
где холодных небес слюда,
где миражем брезжится Китеж,

где уже – не флейта, а звон,
словно сон колокольный, светел,
где исполнили твой закон –
люди, ангелы, я и дети...

Об авторе

Кандидат педагогических наук. Поэт.
Член Союза писателей России. Автор
четырёх поэтических сборников.

Светлана Комракова

ПОСЛЕДНИЙ ЗВОНОК*

Ну, вот и наш звонок последний в школе,
Он нам звонил в течение долгих лет,
Звонил с уроков, возвещая волю,
И на уроки, не суля побед.

Как друг, он нас не раз спасал от двойки,
Звения, когда не знали мы ответ.
Как лютый враг грозил головомойкой,
Когда спешишь, и ни минуты нет.

А вот сегодня роль звонка иная,
Звонит выпускникам в последний раз.
На жизнь большую нас благословляя,
Из школы в люди, провожая нас.

Желаем вам таких звонков побольше,
 Чтоб провожали вы выпускников
 Из школы нашей как возможно дольше,
 Звенит звонок последний вновь и вновь.

*Это стихотворение было написано мной для выпускного вечера моей дочери. Тогда я писала такие стихи – по случаю, поздравительные. О серьёзных стихах и не думала. Но жизнь повернула так, что в 1999 году я по приглашению поехала в свой родной город за Полярным кругом на столетний юбилей города. И после этой поездки стала писать стихи на любые темы – о любви, о жизни, о детях, о погоде. В 2001 году издала свою первую книжку, но мне все это было странно и непривычно. Уверенности я не чувствовала. Как-то мои стихи прочел сосед, баянист Фридрих Липс, народный артист России, и сказал: «Света, ведь это поэзия!» Услышать такое из уст творческого человека было очень приятно, и именно его поддержка дала мне уверенность в своих творческих силах. Сегодня у меня выпущено четыре книги стихов. Вот стихотворение из третьей книги:

ГОНЧАРНЫЙ КРУГ

Да, это волшебство – гончарный круг.
 Вот закружился – и комочек глины
 Под натиском проворных ловких рук
 Стал изменяться, вроде бы, незримо.

Слегка присел, и даже шире стал,
 Потом подрос, и форму изменяя,
 К себе все взоры просто приковал,
 Кружась пред нами, от воды сверкая.

Какая стать, и грация и шарм,
 В предмете том, что раньше было глиной,
 Пройдя все формы: конус, эллипс, шар,
 Предстал пред нами сказочным кувшином.

Так лепят душу каждого из нас
 Старательные жизненные руки.
 Комочки глины, мы летим, кружась,
 На шарике земном – гончарном круге.

Об авторе

Ловчикова Ирина Николаевна родилась и выросла в городе Ташкенте, в настоящее время проживает в городе Фрязино. Окончила Ташкентский государственный Университет по специальности «физическая электроника» и Московский эколого-политологический Университет по специальности «юриспруденция». Имеет публикации в федеральных и местных периодических изданиях, сборниках стихов и прозы литературных объединений Москвы и Московской области. Автор стихотворного сборника «Несколько минут». Член Союза писателей России.

БАБУШКА БАРАБАШ

(отрывок из повести, основанной на воспоминаниях
 моей мамы о событиях времён Гражданской войны 1918 г.
 в столице тогдашнего Туркестана г. Самарканде)

В доме нашем бабушка Барабаш появилась неожиданно – пришла соседка и сказала: «Мария, бабушка просит, чтобы ты взяла её к себе». Мама задумалась – эта старушка не приходилась нам родственницей, она была матерью недавно умершей маминной знакомой. Да и квартира наша была тесновата для нас пятерых. Но мама, воспитанная православными родителями в духе сострадания и терпимости, согласилась.

И вот, во дворе появился ослик, запряжённый в старую арбу. Мы перетаскивали в дом бабушкины вещи: шёлковые платья, шитые золотом, серебряные кубки и кувшины работы кавказских мастеров, ярко блестящие под знойным азиатским солнцем, шкатулки с украшениями. Она привезла все свои вещи, даже швейную машинку и шкаф. Шкаф еле втиснулся на место

комодика в маленькой комнате (пришлось занести туда кровать поуже), а машинку поставили в большой. Оказалось, бабушка приходилась внучкой какому-то грузинскому князю, и вещи эти были частью её прошлой далёкой жизни. Она любила, уединившись, рассматривать их, разглаживая сморщенными руками старинные узоры на платях, примеряя подвески и браслеты. Мы с братиком знали, что подглядывать нехорошо, но уж очень велико было искушение! Осторожно пробравшись под окошко, мы наблюдали за бабушкой. В эти минуты глаза её загорались, на щеках появлялся румянец, движения становились грациозными и уже не бабушка Барабаш, а величественная княгиня вставала перед нашим детским взором...

Жили мы дружной семьёй: мама и старшие дети по утрам отправлялись на работу, а мы – младшие – оставались хозяйничать. Бабушка двигалась мало, но дверь её комнаты днём всегда была открыта, и она помогала нам ласковым взглядом или словом.

Мама возвращалась рано – после того, как мы остались без отца, она не могла работать учительницей и нанялась мыть полы, чтобы подольше быть с нами: мне было тогда шесть лет, а братику – четыре года. Платили ей мало, и мама приносила «надомную» работу. Мы троём сразу же садились за неё: братик складывал выкроенные части, я намётывала, а мама сшивала их на машинке. Нормы были большие, мы очень уставали. Когда я выворачивала изделия, жёсткая ткань раздирала мои пальцы в кровь, мама целовала их и, плача, говорила: «Бедная моя девочка, за что же я тебя так мучаю!».

Помню солнечное воскресное утро. Вся наша семья – за большим столом. Можно завтракать не торопясь. Грозди сирени, освещённые солнцем, заглядывают в распахнутые окна большой комнаты. Мама разливает чай, а на столе в вазочке – моё любимое миндальное печенье. То самое миндальное печенье, из-за которого у меня бывало столько неприятностей! И вот почему. Обычно за хлебом в булочную посылали меня. Мама, зная о моём пристрастии к сладкому, строго определяла, сколько и какого хлеба купить. Я шла, зажав в ладошке монеты и повторяя про себя: две французские булочки и буханку серого. Но стоило мне только переступить порог магазинчика со странной надписью «Кондитерская и булочная сама собой», как взгляд, невзирая на все мои старания, устремлялся к заветной вазочке, стоящей в витрине кондитерского отдела, и ноги сами несли меня к за-

претному прилавку, где улыбчивая хозяйка мягко спрашивала: «Тебе чего, грибочек?». Язык не повиновался мне и, безмолвно высыпая деньги в её руку, я зачарованно смотрела на вазочку с миндальным печеньем. А потом стремглав неслась домой и со счастливой улыбкой протягивала маме кулёчек, забыв все её наставления.

У мамы опускались руки – «Опять?! Ведь я же говорила тебе, дочка!» (Уже позже, будучи взрослой, я побывала в тех краях и поняла свою ошибку – магазин назывался «Кондитерская и булочная Самсоновой»).

Но на сей раз миндальное печенье было куплено самой мамой по случаю окончания части надомной работы, и его можно было есть вдоволь. Это был один из тех безмятежных дней, какие бывают только в детстве...

В это утро к нам и вошли Они. Она своим высоким объёмным телом сразу заняла почти весь проём широкой входной двери, а из-под её плеча настороженно выглядывал Он – маленький, худой, на тонких цыплячьих ножках. Не произнеся ни слова, Они прошли в комнату бабушки Барабаш и плотно закрыли за собой дверь. Пробыв там достаточно долго, также молча, будто бы сквозь нас, прошли к входной двери и скрылись.

Наверное, мы вскоре забыли бы об этом посещении, если бы бабушка не сказала через несколько дней: «Знаешь, Машенька, не хочу быть тебе в тягость, да и деток у тебя много – шумно. Я, наверное, от вас уйду».

С этого момента «визитёры» появлялись почти ежедневно. Бурно обсуждали что-то в бабушкиной комнатке за плотно закрытой дверью, торопливо уходили. И наконец в один из будних дней, когда мамы не было дома, приехали с большим грузовиком и увезли старушку со всеми её вещами. Узнав об этом, мама не произнесла ни слова, только долго молча сидела у окна.

Жизнь потекла по-прежнему. Правда, делать надомную работу теперь стало тяжелее: бабушка заставила маму продать нашу старенькую швейную машинку и подарила ей свою. А когда уехала, забрала её. Пропало и серебряное яичко, подаренное ею мне, в котором был набор для шитья. Один только напёрсток сохранился случайно: моя пол, я нашла его под кроватью – маленькую блестящую слёзку.

Однажды маме принесли записку. Корявым почерком на измятом клочке бумаги было написано: «Мария, приходи, мне

очень плохо». Как была, в домашнем платье и кухонном фартуке, мама побежала на улицу, я бросилась за ней. Мы долго шли по узким кривым улочкам старого города. Мои босые ноги по щиколотку утопали в мягкой серой пыли. Солнце нещадно палило. Мама часто стирала пот со лба – дорога шла в гору, подниматься было тяжело, но мы спешили, и я еле успевала за мамой, уцепившись за её юбку. Наконец остановились у ветхого дувала. Сделав три шага вниз, к старенькой калитке, мама постучала. Всё было тихо. Толкнув скрипучую калитку и не встретив никого, по узенькой дорожке из кизяка прошли под навес и очутились в низенькой каморке. Здесь на голой железной кровати, обёрнутая рваной курпачой, лежала бабушка Барабаш. Можно было подумать, что она не жива – настолько иссохшими были лицо и руки, сложенные поверх покрытия, – если бы не большие чёрные глаза, устремлённые на маму с удивлённым выражением обиженного ребёнка, и виноватая улыбка, растягивающая сморщенные старческие губы.

Прислонившись к стене, мама беззвучно плакала, а я гладила её натруженные руки и приговаривала: «Ничего, мамочка, не расстраивайся, сейчас принесём бабушке чистую простынку и тёплое одеяло, и всё будет хорошо».

Об авторе

Родился и окончил школу в Ереване. Учился в Московском энергетическом институте и Военной Артиллерийской инженерной академии, по окончании которой начал службу на ракетном испытательном полигоне, завершив ее в Центральном научно-исследовательском институте (в Москве).

Участие в разработке системы вооружения требовало непрерывных занятий прикладной наукой и математикой. Самостоятельно изучил университетский курс философии.

Полковник в отставке, кандидат технических наук, старший научный сотрудник, имею десятки научных трудов, изобретения. Опубликовал в средствах массовой информации более ста работ, в том числе гипотезы об идеальной политической системе, оптимальных сроках деторождения, причинах разводов, о происхождении национализма, войны, леворукости, благородства, красоты, искусств, проституции, преступности; публицистические статьи, литературные миниатюры и др. в газетах «Аргументы и факты», «Аргументы и факты – здоровье», «Вечерняя Москва», «Красная звезда», «Культура», «Литературная газета», «Московский Комсомолец», «Независимая газета», «Ноев Ковчег», «Петровка, 38». «Собеседник»; в журналах «Армейский сборник», «Измерительная техника», «Метрология», «Новое время», «Спутник» (дайджест), «Энергия»; в книгах (сборниках афоризмов) и др.

Сущность опубликованных идей излагал в выступлениях по Центральному телевидению, в Политехническом музее, Центральном Доме Российской армии и др. Являюсь призером ряда юмористических конкурсов, в том числе Московского международного фестиваля сатиры и юмора «Юморина-97».

*60 лет назад я окончил ереванскую школу над Голубым ручьем,
и началось долгое дальней странствие...*

СПИСОК ПРОВИДЕНИЯ

*Не говори с тоской: их нет,
Но с благодарностью: были...»*
В. Жуковский

В школу, университеты нас приводят не только родители и призвание, но и Судьба. Связав нас братскими узами на берегу журчащего у школьных стен ручья, она же разорвала их в сорок девятом, рассеяв шумный наш поток по всей стране.

Это она, вырывая из потока споткнувшихся о рифы, вот уже 60 лет составляет Список ушедших. Их имена читают вслух при наших встречах. И каждый раз я невольно «напрягаюсь», как студент, с волнением слушающий фамилии отчисленных: «Вдруг назовут меня». И улыбаюсь странной логике своей.

Но день придет, и каждый услышит свое имя. И обернувшись вокруг, увидит ушедших ранее «друзей своих прекрасные черты»...

А ТАМ, под ярким солнцем за столом все меньше будет нас. Как в симфонии «Прощальной» мы будем друг за другом подниматься и, свечи погасив, неспешно уходить в растущий Список. До той поры, когда останется один.

И пусть этот последний из Старого иссякшего потока разрежет Список на полосы и, поднявшись к школе над Голубым ручьем, развеет наши имена над радостной его струей.

Кто бы ты ни был, наш товарищ, впредь при каждой встрече пусть тост последний будет за тебя. Пусть будет жизнь твоя такой, чтобы, вернувшись, наконец, из дальних странствий и оставшись за праздничным столом один, как проповедующий в опустевшем храме, смог бы сказать: «О жизненный поток, ты все же не «Суета сует», а «Песнь песней»!

Норик (Виген) Оганян
Ереван – Москва. 2009

ПРОЩАНИЕ СО СЛАВЯНКОЙ

*«Белой акации гроздь душистые
.....
Неповторимы, как юность моя...»*
Старинный романс

Яркий свет настольной лампы вернул меня к конспекту. Это вошёл одноклассник, возбуждённый, покрасневшийся. Значит, уже поздний вечер, с площадки ушли волейболисты. Лампа отвлекла меня от просвета между крышами общежитий с кусочком неба, прижатым кронами акаций в дальний угол.

Я проворно уставился в давно раскрытую страницу, иронично замигавшую формулами. А вошедший, что-то сказав, взглянул мне через плечо в тетрадь, с пониманием кивнул и, взяв полотенце, вышел, смешно балансируя на цыпочках.

Мне стало жаль вспугнутых видений: они вылетели в окно, зажмурившееся от слепящей вспышки лампы и сразу почерневшее. Поворот выключателя снова вернул в темноту: кровати, тумбочки, книжные полки, зато ожило окно, зашевелились, перешёптываясь, обиженно притихшие было акации, а потемневший уголок неба, замигал двумя робкими звёздочками. Но видения не вернулись...

Это были Он и Она. Я что-то говорил Ей, а Она улыбалась. Не только лицом, а всей сущностью, будто я видел овеществлённую улыбку... Он познакомил нас вчера, но я Её видел и раньше. Её невозможно было не заметить, и хотелось смотреть, не отрывая удивлённого южного взгляда от её глаз, зелёными уголками мерцающих в пепельном дыму волос. Наверное, художник, создавая аллегорию Радости, изобразил бы Её, даже если никогда с ней прежде не встречался.

Незаметно для себя я выбирал комнаты в библиотеках, время и путь следования в институт, даже место в столовой так, чтобы видеть Её. Но я мог бы всего этого не делать, потому что видел Её и с закрытыми глазами. Каждую ночь веки, опускаясь перед сном, заслоняли весь мир, но не Её. И я говорил с Ней, и с улыбкой засыпал. С каким нетерпением я ждал окончания дня, как колотилось о рёбра сердце, предвкушая желанную встречу. Но только воображаемую: увы, Он Её встретил раньше меня.

Мы с ним были соотечественниками, приехавшими в Москву с честолюбивыми мечтами о славе. Но слава была далека, а славянки – близко, и требовалась большая сила воли, чтобы не забыть про учёбу. Наши юные души заматались как стрелки компаса в магнитную бурю, а соблазны мегаполиса заглушали вспоминавшееся временами родительское напутствие: «Берегись, сынок, северных сирен, иначе, как зачарованный Одиссей, забудешь дорогу к дому, и оборвётся на тебе тысячелетиями вьющаяся нить»...

Москва не только слезам не верила: чувствуя ответственность за авторитет народа, о котором могли судить по его студентам, мы должны были оправдать свои золотые медали. Я перестарался, досрочно сдав экзамены за первый семестр на одни пятёрки. Он, не хуже меня постигавший суть сложнейших дисциплин, но плохо владевший русским языком, сдал первую сессию с «хвостами». После второй, неудачной Его отчислили и Он должен был вернуться домой. Как трудно было сказать Ей об этом!..

Оставшиеся до расставания дни мы вечерами прогуливались под окнами общежития, вполголоса напевая модные в те годы неаполитанские песни. В один из таких вечеров я издал увидал Её в окне второго этажа. Он сказал, что днём состоялся трудный разговор, и Ей известно, что осенью Он не вернётся. Когда мы поравнялись с Её окном, там никого не оказалось. И после этого, каждый день в одно и то же время мы видели Её, удаляющуюся при нашем приближении. И только накануне Его отъезда, Она не ушла, а уронила голову на руки, скрывавшиеся под плакучей ивой волос.

Говорят, мужчины любят глазами. Наверное, это и потому, что женщина может говорить, не проронив ни слова, одним своим присутствием, действительным или воображаемым...

Он уехал, запретив Ей провожать себя, а я прекратил обычные прогулки. Теперь смотрел я не в Её окно, а из окна своего – в бескрайний мир, на время заслоненный её лёгкой тенью. И снова слышал крики на спортплощадке, увидел пар над институтской электростанцией, почувствовал запах хлебозавода, до головокружения вкусный аромат свежего хлеба, смягчающий послевоенный голод по деликатесам и, может быть, скрывающую тоску по неутолённой материнской ласке, по родительскому дому, впервые оставленному на целый год...

А вот и знакомые две звёздочки. Знают ли они, что я смотрю на них? Я достал из футляра трубу, не подозрную, а ту, на которой я некогда играл в духовом оркестре Дворца пионеров. В белых рубашках, красных галстуках парадным маршем, рассекавшим восторженную толпу мальчишек-сверстников на светлых улицах, запруженных людьми, цветами и улыбками... Но здесь я был один. Подняв раструб к звёздам, я обратился к ним. Медь, привыкшая к бравурным звукам праздничных улиц, скрипичной нежностью запела «Вечернюю серенаду». И остановился топот шагов в коридоре, затих ветер за окном, перестали мигать звёзды, прислушались акации, вдруг запахнувшие хлебом.

Отстав от группы, решившей отметить успешное завершение сессии, я побрёл в сторону Её общежития. Меня не оставили крупные дождевые капли, неожиданно сорвавшиеся с безоблачного неба. Пока дошёл до Её корпуса, капли зачастили, и осторожные пешеходы поспешили к ближайшим подъездам. Я же стал прохаживаться по знакомой дорожке под окнами. Дождевая дробь переросла в гулкий ропот, временами перекрываемый мощными раскатами грома. Ещё слышались крики людей, бегущих к укрытиям с приподнятыми воротниками в прилипшей одежде.

Вспышки молний освещали заплаканные окна шестизэтажного корпуса и пригнувшиеся под ветром деревья в сквере. Сквозь глаза, залепившиеся мокрыми волосами, я увидел Её. Будто пытаюсь воспарить к окну, я потянулся к Ней. Не найдя слов, остановился с протянутыми руками, а Она засмеялась с ласковым удивлением и крикнула: «Вы же простудитесь, промокли насквозь!»

Её голос будто разрушил плотину, сдерживавшую во мне поток слов, вырвавшихся навстречу дождевым струям. Непонятных, бессвязных слов, неподвластных моей воле. Будто это говорил кто-то другой, а не я, ставший игрушкой в вихрях весенней грозы. Не понимала меня и Она. Может быть, я перешёл на родной язык?

Дождь хлестал меня по лицу, заливая глаза, и струи с такой силой били по асфальту, что я не видел в брызгах своих ног. Небо не просто гремело, а разрывалось с треском, и молнии так часто сверкали, что я видел Её в непрерывном феерическом сиянии... Что-то, легко стукнувшись в грудь, упало на тротуар.

Я, нагнувшись, поднял букетик каких-то малиновых цветочков, а когда поднялся, Её уже не было в окне... Гроза, ворча, ухнула, подгоняемая ночью, то тут, то там гасящей свет в спектре окон с разноцветными абажурами.

Завтра Она уезжала на летние каникулы. Я узнал у кого-то время и номер поезда и с большим букетом цветов подкараулил Её на перроне. Как только Она вошла в вагон, я влетел в соседний, намереваясь оставить в её купе анонимный букет, в ответ на подаренный мне накануне.

Когда поезд набрал скорость, проводница, узнав, что я без билета, молча указала на дверь соседнего вагона и закрыла за мной свою на ключ. Я оказался в её вагоне, но оттуда меня вернули назад точно таким же образом, и я очутился между двумя закрытыми дверями на ритмично вздрагивающих щитках, соединяющих соседние вагоны. В будке, похожей на телефонную, места еле хватало для меня с букетом. Вдруг через окно моей камеры я увидел Её. Она вошла в тамбур с полотенцем и мыльницей в руках. Я опустил букет, и наши глаза встретились. Не знаю, что сказали Ей мои. А Её глаза будто прошептали, что я забыл своего товарища, которого Она ещё помнит. Испуг, растерянность, обида исказили её красивое лицо, и она ушла, не зная, что оставляет меня в западне.

Потом что-то кричал мне начальник поезда, чем-то грозила железнодорожная милиция. Часа через два поезд остановился в местечке Барыбино, и я спрыгнул на насыпь. Не помню, куда дел букет, как отошёл поезд. Узнав, что в сторону Москвы первый поезд будет к четырём часам утра, я сел на пустую скамейку под тусклым фонарём в центре освещаемой им сферы. За её пределами еле угадывались контуры станции и фигура спящего на соседней скамейке мужчины; необычная тишина изредка нарушалась какими-то шорохами. За рельсами темнела груда шпал, на фоне которых мелькали голубые светлячки. Кто-то невидимый тихо, но внятно заиграл вдалеке на гитаре...

В ту ночь я попрощался с юностью. Она уехала? Обернулась утренней росой? Развевалась в ночи с гитарным звоном? Отцвела, как светлячки с восходом солнца? Она возмужала, передав эстафету – молодости.

С тех пор я не видел Её, не смотрел на кусочек неба в про свете крыш с двумя далёкими звёздочками, вскоре лёгшими на мои лейтенантские погоны. Лишь изредка, как предвестие

радости, возникает тот особый вкусный запах свежего хлеба, и сердце виновато сознаётся, что, не уведомив меня, в кого-то влюбилось.

Москва, Май 9, 2003 г.

Комментарии

*¹ Сагайдак (Лёня?) – сокурсник, перешедший в Академию Жуковского.

*² Он – образ юноши из Ленинакана, Армянская ССР.

*³ Она – Лора, студентка МЭИ, жившая в первом корпусе общежития.

*⁴ Конечно же, МЭИ!

*⁵ Дворец пионеров в Ереване.

*⁶ Армянский язык.

*⁷ Артиллерийская Академия, после четвёртого курса.

Об авторе

Кандидат технических наук. Автор
трех поэтических сборников.

* * *

Я хотел целовать твои губы
И волос завиток на виске.
Но в ответ изумленно, не грубо:
«Этот дом Ваш стоит на песке...»

Сердце замерло. Стиснуты зубы.
Как об этом подумать я мог?
Я хотел целовать твои губы.
Я целую следы Ваших ног.

Эти строки явились мне ночью,
А к утру, в зыбком сне, как воочью,

Были краски и музыка бала,
было море и брызжащий вал.
И ты робко меня целовала,
И я нежно тебя целовал.

ЗАГАДКА ТВОРЧЕСТВА

Мы говорим: «Загадка творчества...»
Что, мол, оно полно пророчества,
И что поэту видно больше,
Чем остальным, Что глубже, дольше
Его мыслительный процесс,
Что он матросов и принцесс
Соединить способен с лёгкостью,
С присущей фокуснику ловкостью.

Ну, а по мне, загадка кроется
В живущей в нём любовной троице:
Любви к труду с долготерпением,
сопутствующим вдохновению,
К стране с судьбой её изменчивой –
Связующей мужчину с женщиной.

«Московский литератор». Имея музыкальное образование, 18 лет занимается благотворительной концертной деятельностью.

Об авторе

Родилась в городе Днепропетровске. В 1959 году окончила Харьковский государственный университет. Большую часть жизни посвятила преподавательской работе. Преподавала в вузах Москвы (МИРЭА, ВЗИИТ, МАТИ) электронику и микроэлектронику. Доцент, кандидат технических наук. Стихи и прозу начала писать в зрелом возрасте. Печаталась в коллективных поэтических сборниках «Третье дыхание», «Пересечение слов и судеб», «Славянские встречи», «Вместе – к Победе», в газете

СТРЕМЛЕНИЕ К ПРЕКРАСНОМУ

Ещё не кончилась война, а люди уже мечтали о прекрасном будущем своих детей, уже строили планы на будущее.

Папа нашёл педагога по фортепиано и повёл меня к нему проверить мои музыкальные способности. Он взял меня за руку, и мы пошли пешком через весь Красноярск. Всю длинную дорогу папа мне рассказывал, какая замечательная жизнь будет у нас в стране после войны. Дети будут учиться не только в общеобразовательной школе, но и в музыкальной, художественной или спортивной. Он так ярко, так образно обрисовывал нашу будущую жизнь, что мне ужасно захотелось скорее в неё впрыгнуть.

Именно впрыгнуть. Ведь я была лучшая прыгунья во дворе. Никто не мог меня обыграть, когда мы играли в классики. И мне всё время хотелось прыгать. Прыгать и смеяться.

Мы пришли к педагогу раньше назначенного времени и, чтобы скоротать время, решили погулять в парке, который находился рядом с домом. Но педагог увидел нас из окна, окликнул и предложил пройти в дом. Когда мы вошли в комнату, то увидели

прекрасный белый рояль, стоявший у окна. Педагог сидел за роялем и играл какую-то красивую мелодию. Он сразу же усадил меня рядом с собой, сыграл какое-то произведение на рояле и, проверяя мою ритмику, предложил мне, хлопая в ладоши, отобразить ритм сыгранного произведения.

Я выполнила задание правильно. И переполненная радостью, что мне удалось это сделать, я стала смеяться. А уж если я начинала смеяться, то остановить меня было невозможно. Педагог показывал разные пассажи, и я всё в точности повторяла. И смеялась, смеялась, смеялась. Радовалась!

А папа, бедный папа, он то бледнел, то краснел, Он очень переживал, что я так несерьёзно себя веду. Потом, обращаясь к педагогу, сказал: «Вы меня извините, что я привёл её к Вам. Наверное, она ещё мала для занятий музыкой». Мне было пять лет.

«Что Вы? Всё нормально, Это – ребёнок, а ребёнок должен именно так реагировать. Познание должно быть радостным! Её обязательно надо обучать музыке. Из неё выйдет толк», – сказал педагог.

Папочка, если ты там, на небесах слышишь меня, знай, что я всё сделала, чтобы твоя мечта сбылась. Ты мечтал, чтобы я научилась играть на фортепиано, чтобы я своей игрой радовала людей. А ещё я сейчас пишу рассказы и стихи. И стараюсь всё это передать людям. Твой наказ я выполняю честно и надеюсь, что буду выполнять до последнего вздоха.

Спасибо тебе, что ты любил меня, верил в меня, и вместе с мамой обеспечил мне радостное детство. Воспоминания о моём радостном детстве согревают меня всю жизнь. Спасибо тебе.

Об авторе

Людмила Федоровна Плиско, кандидат химических наук, преподаватель Медицинского Университета, член ЛИТО Центрального Дома Ученых. Ее научные интересы – область биофизики, ее увлечения – путешествия по миру. Ее стихи – это ее представления о мире, о жизни и о себе. Опубликовано несколько сборников стихов и хроники семьи.

Начало:

* * *

Опять туман над речкой Сходней.
Осенний день. Я еду в Мох –
В благую мне юдоль Господню.
Я так от города оглох.

Я не хочу сердечных сбоев
И нервов, стонущих в натяг.
Иду я в лес, и сам с собою
Веду беседу, меря шаг.

Рассвет всегда ласкает зренье,
Будь он в Гурзуфе иль в Москве.
И это явное везенье –
Шагать в бормочущей листве.

Когда покой в душе нарушен,
Не отыскать родной мотив.
Идешь, идешь, балзамишь душу,
Ее в природе растворяив.

И боль в душе тихонько тает,
Освобождается от тьмы,
И незаметно отступает
Под бормотание листвы.

Одна из творческих вершин:

ДОЖДЬ В ГОРОДЕ

Струился дождь на зеркало асфальта,
Вызывая каплями контраalto,
По разноцветным зонтикам в руках,
Качаемым прохожими слегка.
Как будто бы прозрачная река
Палитры призрак мягко растворила,
Размытых пятен хороводы смыла,
И, словно, убегая, повторила
Цветные блики на людских щеках,
От разноцветных зонтиков в руках,
Качающихся в зеркале асфальта.

Об авторе

Познякова Нина Тимофеевна, окончила МГПИ иностранных языков. Работала переводчиком, затем преподавателем.

ПУТЬ К СТИХАМ

Я по профессии переводчик, занималась переводами научной и технической литературы с французского и английского языков. Нередко для заработка переводила статьи из французских журналов, короткие рассказы, которые предлагал мне мой бывший коллега, ставший в девяностые годы неким менеджером от литературы. Ему нравилось качество моих переводов, он хорошо их оплачивал, а где и под чьим именем они печатались – не говорил, а я не спрашивала. В разное время написала несколько рассказов, иногда писала стихотворные поздравления, пародии.

В жизни каждой женщины случается хотя бы одна великая любовь, почти всегда – несчастная. Была она и у меня. После разлуки с любимым человеком я много плакала, болела. Умная подруга, не разделявшая моих восторгов по поводу предмета моего обожания, посоветовала мне, как «избавиться от наваждения». Она предложила мне взять тетрадь, ручку и описать свою историю как можно правдивее. «Пусть это будет рассказ, повесть, пьеса – неважно, – сказала она. – Увидишь, как в про-

цессе работы все прояснится, как станет очевидным то, в чем ты сама себе не признаешься. И все как рукой снимет». Я последовала совету подруги и начала писать. В итоге получилась повесть под названием «Кумир». Работа помогла мне преодолеть тяжелую полосу в моей жизни. Моя повесть, конечно, – далеко не шедевр, но она нравится почти всем, кто ее читал. Мне она дорога, потому что в нее вложен большой труд.

Прошло немало времени. В том особенном году, который я запомню навсегда, холодная, дождливая осень пришла в самом начале октября, и я вернулась с дачи в Москву. Вечером позвонил мой внук Костя, тогда – ученик пятого класса.

«Как дела, что нового?» – спросила я.

«Новости плохие, у нас в школе теперь уклон».

«Какой? – не поняла я.

«Гуманитарный, – со вздохом ответил внук. – Меньше математики, зато каждый день – русский, литература, история и даже... этнография. Знаешь, что это такое?»

Мне было понятно огорчение внука: он с детства увлекался техникой во всех ее видах и специальность хотел в будущем избрать техническую, а тут его вдруг направляют совсем в другое русло.

«Учительница литературы ходит с таким видом, будто бы она победила математика на ринге в честном бою. Но самое главное – теперь у нас один раз в неделю проходит такой урок: нам рассказывают о поэтах, читают стихи, объясняют, как их писать, что такое рифма, размер».

«Ну и что тут плохого? – удивилась я. – Вас знакомят с русской поэзией, эти знания необходимы каждому образованному человеку!»

«Согласен. Но ты не знаешь главного. Нам дали задание: каждый должен сам написать стихотворение. Представляешь? Но ведь для этого нужен талант, ну хотя бы способности! Ведь не все могут сочинять стихи, как Пушкин или Сергей Михалков!»

«А о чем надо написать? – спросила я.

«Об осени, одно четверостишие или два. Ты говорила, что когда-то писала стихи. Поможешь?»

«Постараюсь, но пока не вполне уверена, что получится».

«Давай сделаем так: ты начнешь строчку, а я постараюсь закончить», – предложил Костик. – «И, пожалуйста, подбирай не взрослые, а детские слова, будто бы я сам их придумал».

Ну что было делать, пришлось согласиться. Так о чем же написать? Конечно, о том, что мне близко, о последних впечатлениях осени, о только что оставленной даче.

«С яблонь листья»... – начала я.

«Облетели», – закончил строчку Костя.

«Птицы к югу»...

«Улетели», – опять догадался он.

«Дождик льет»...

«С утра до вечера?» – спросил внук.

«Ну, можно и так. – И на даче делать»...

«Нечего».

Костик рассмеялся. «А что, здорово получается! Давай попробуем сложить еще одно четверостишие. Начинай!»

«Солнце светит»... – начала я.

«Очень слабо?» – предложил внук.

«Нет, не так».

«Еле-еле?»

«Ну что ж, попробуем», – сказала я.

«Солнце светит еле-еле,

Грустно машут лапы елей,

А березы, их подружки,

Разбросали по опушке,

Словно пригоршни монеток,

Листья, что упали с веток».

Я выпалила эти шесть строчек без запинки, экспромтом, не привлекая внука к соавторству, и ждала его реакции.

«Ну как тебе не стыдно!» – возмутился он. – «Я же тебя предупреждал! Ведь никто не поверит, что я это сам сочинил!»

«А тебе понравилось?» – спросила я.

«Ты еще спрашиваешь!»

«Думаю, надо будет признаться, что тебе помогал взрослый человек. К тому же ты прекрасно знаешь, что обманывать стыдно».

«Ну ладно, выкручусь как-нибудь».

Через пару месяцев мы с внуком по той же схеме написали стихи о зиме (эта история заслуживает отдельного юмористического рассказа). Но когда потребовались стихи о Рождестве, а затем – о годовщине Победы, я написала их сама. Каким образом Костик представлял их преподавателю, я не знаю. В сле-

дующем году школу, где учился внук, закрыли на ремонт, а всех учеников перевели в обычную школу, уже без уклона.

Что касается меня, то эти опыты привели к неожиданному сдвигу в моем сознании: в голове поселились ритмы, которые хотелось облечь в слова, соединить с рифмами, слить слова со смыслом, не банальным, отражающим мои чувства, мысли, наблюдения. Появился блокнот, в который я стала записывать разрозненные строки, четверостишия.

И тут случилось нечто непредвиденное. Однажды осенним вечером уже другого, следующего года, я шла по Неглинной, торопясь к метро. Моросил мелкий дождь, но было не холодно. Навстречу мне какой-то удивительно знакомой походкой шел прохожий. Капюшон куртки почти скрывал его лицо, но я узнала и окликнула его. Да, это был тот самый, дорогой мне человек, которого я не видела двадцать лет. Моя бы воля – я не рассталась бы с ним никогда, но судьба когда-то распорядилась иначе.

Мы оба были очень рады встрече. Я коротко рассказала ему о себе: где живу, чем занимаюсь, немного о детях, о внуках, и спросила, как он жил все это время. Но его не надо было спрашивать. Он стоял передо мной, как на исповеди, держал меня за рукав пальто, будто бы боялся, что я исчезну, и говорил, говорил, не останавливаясь: о прожитых годах, о немногих достижениях и многочисленных неудачах и потерях, о болезнях, о полном одиночестве и о том его варианте, который принято называть «одиночеством вдвоем». В его словах была почти предельная степень доверия и откровенности. В этот осенний день будто бы продолжился наш с ним разговор, разговор двух близких людей, прерванный двадцать лет тому назад.

И так мы стояли и говорили, наверное, целый час. Поток прохожих обтекал нас с двух сторон, мы явно мешали им, но никто не толкнул, не потревожил нас: видно, в этот день по Неглинной шли только чуткие, деликатные люди.

Наконец мы вспомнили, что каждого из нас ждут дела, наскоро обменялись телефонами и договорились больше не терять друг друга. Примерно с того времени у меня начали появляться лирические стихи.

Начало:

* * *

А знаешь, мне мало надо,
 Ты позвонил – я рада.
 Твой голос, магия звука,
 И вот уж – долой разлука.
 Мгновенные брызнули слезы,
 Забыты обид занозы,
 И вновь я – к тебе навстречу
 В надежде на новую встречу.

Одна из творческих вершин:

БЫТ

Друг мой мрачен и сердит,
 У него неважный вид.
 Он здоров? Здоров как будто,
 Но его замучил быт.

Среди миксеров и плит,
 Пылесосов и корыт
 Ты, конечно, самый главный
 И, как повар, даровит.

Балом правит вечный быт!
 Рацион еды добыт:
 Ведь известно – у семейства
 Бесподобный аппетит.

Как прекрасен этот быт!
 Кошка сытая лежит.
 Пусть бы тот кормил скотинку,
 Кто поменьше башковит.

Телевизор, как бандит,
 Из угла на всех глядит.
 В кучку мысль собрать мешает,
 Одноглазый троглодит!

Быт, быт, вечный быт.
 Пирогам будешь сыт,
 А кристалл мечты заветной
 Вот уж вдребезги разбит.

Так всеилен этот быт,
 Что к полету путь закрыт,
 Лайнер, покорявший небо,
 Был зенитками подбит.

Знаю, быт тебе претит,
 Ты же им по горло сыт!
 Так спроси себя, как Гамлет,
 То есть: быт или не быт?

Ты бросай весь этот быт,
 Ты ж у нас не лыком шит.
 Докажи, что разум светел
 И по жилам кровь бежит!

Время множит стук копыт,
 Тот успеет, кто спешит,
 Ну а кто придавлен бытом,
 Тот безвестен и забыт.

Об авторе

Член Союза журналистов России, член Творческого Союза художников.

Работал в издательствах «Высшая школа», Плакат, АПН. В газете «Вечерний клуб». Издавал газеты «ГДЕ» и «Столичный сервис». Писать прозу начал в конце 80-х годов 20-го века. Автор рассказов и прозаических миниатюр.

«КАК НИКСОН ПОСЛЕ ОБЕДА ХРУЩЁВУ СПОР ПРОИГРАЛ...»

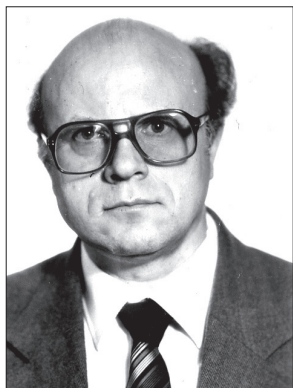
рассказ

Лето 1959 года. Воскресенье. Стоит нестерпимая июльская жара. пляж на Москве-реке напротив села Ильинского, не-
подалеку от легендарного Архангельского. Чуть ниже по реке
начинается санитарная зона Рублёвского гидроузла с полным
запретом на купание и прогулки, и потому берег здесь и при-
легающие лужайки плотно заполнены отдыхающими дачника-
ми и местными деревенскими жителями. Загорают и отдыхают
большими компаниями. Несмотря на жару, ещё и выпивают.
Мужчины в чёрных и тёмно-синих сатиновых трусах до колена,
женщины в закрытых «невинных» купальниках.

Слышится рёв моторов, и из-под Ильинского моста выплы-
вает вереница катеров с государственными флагами на корме.
Ясно, что большое начальство едет. Ур-р-р-а-а!!! Все вскакива-
ют на ноги, ожидая большой волны. Но катера вдруг приторма-
живают и, урча, поворачивают к берегу. Я с родителями лежу

на большом одеяле у самой воды. Катера направляются прямо
на нас. На переднем – Хрущёв в расшитой украинской рубашке,
с довольным раскрасневшимся лицом. С ним на глассере, со
слов моего политически грамотного отца, Ричард Никсон, брат
президента Эйзенхауэра, с женой и члены политбюро: Анастас
Микоян и Фрол Романович Козлов. И ещё – взволнованные ох-
ранники. Народ на берегу радостно взревел от неожиданного
сюрприза. пляж мгновенно заполняется огромной толпой. Ка-
тера останавливаются у самого берега, не выключая моторов.
Время послеобеденное, и румяный Хрущёв с гостями явно
«подшофе». Отец подталкивает меня в воду: «Иди, иди...поздо-
ровайся с Никитой Сергеевичем!» Хрущёв в катере на ногах.
Он размахивает руками и кричит, обращаясь к толпе: «Вот го-
сподин Никсон утверждает, что советские люди умеют только
работать, а отдыхать не умеют! А я говорю, что умеют! Умеем
мы отдыхать товарищи?» – «Да-а-а!!!» – раздаётся многоголо-
сый вопль сотен людей. Никсон бледнеет, испуганно оглядыва-
ясь по сторонам. Микоян сдержанно улыбается. У остальных
каменные лица. Я уже у борта катера, по пояс в воде, среди
ревуших от восторга людей. Пытаюсь дотянуться до главно-
го героя: «Никита Сергеевич, Никита Сергеевич!» – пальцами
дёргаю шёлковый рукав его рубашки, до локтя уже залапанной
мокрыми руками граждан страны Советов. Хрущёв тормозит
растерянного Никсона: «Скажи им что-нибудь, ну!!!» Никсон
неуверенно встаёт и, сжимая руки над головой, громко бор-
мочет: «Мир – Дружба!» В ответ – вновь восторженный рёв
толпы. Охрана суетливо убеждает Хрущёва отплыть подобру-
поздорову... Катера дают задний ход и, разворачиваясь, направ-
ляются в сторону Барвихи. Ликующая толпа сопровождает их
бегом вдоль реки до первого овражка, где стоит металлический
столбик с табличкой, запрещающей гулять по берегу.

Член Союза писателей России. «Наградами не посрамлён». Работает в Институте медико-биологических проблем, к.б.н., занимается проблемами медицинского обеспечения межпланетных экспедиций.

Об авторе

Со школьных лет увлекался литературой, сочинял стихи, учился у классиков. До литобъединения Дома ученых занимался в литературных объединениях «Медик» и «Четверги», которыми руководили Г. М. Левин и Т. Успенская. Публиковался в газетах, журналах коллективных сборниках.

В последние годы издал сборник лирических стихотворений «Силуэты». Готовит сборники стихов и стихотворных миниатюр. Ждут своего опубликования рассказы и другая проза.

Из раннего:

ВОРЯ

Вспоминаю речку Ворю,
Ту излучину и дуг,
Где излечивал я хвори,
Отгонял любой недуг.

Позади оставлен город
С неизбежной суетой.
Сыплют ёлки мне за ворот
Рыжеватую иглой.

В ледяной воде мальчишки
Шумно плещутся, горя.
Уплывают листья с книжки
Летнего календаря.

И не ведают босые,
Поднимая шум окрест,
Что во всей большой России
Не найдётся лучше мест.

Речка Воря, речка Воря,
Из ручьёв своих испей,
Разбегайся на просторе
И расти богатырей.

Из позднего:

* * *

Приходит вновь неумолимо
Чередование времён.
Осенний лист дрожит пугливо
И сиротеет летний дом.

Ночами ветер своевольно
Стучит в оконное стекло.
Прощай недавнее приволье
И лес, и речка, и тепло.

А в наступающем покое
Среди дождя и тишины
Воспоминания весны
И счастье глупое, простое.

Об авторе

Врач, кандидат медицинских наук. Пишет лирические стихи, очерки, биографические эссе. Темы её творчества – сложный мир человеческой души, природа родной земли. Автор трёх поэтических сборников, публикаций в периодической печати. Член Союза писателей России и Международной ассоциации писательских союзов.

Лауреат литературной премии им. М. А. Булгакова.

Раннее и последнее:

* * *

Нине

Ты шла спокойно и легко,
В неведомые дали глядя,
И дождь стеклянною рукой
Тихонько твои плечи гладил.

И небо, светлое, как ты,
Задумалось и замолчало,
И осень прятала цветы
В прозрачной тишине кварталов.

И сердце в этот тихий час
Росло и ширилось, и пело...
Ты шла, не опуская глаз,
И небо над тобой светлело.

ДЕЖА ВЮ

За то, что так долго и верно живу
В горниле грохочущем стольного града,
Бывает, и мне выпадает награда –
Миражная, зыбкая явь дежа вю.

Беседка в заросшем жасмином саду.
Аллея с медовым дыханием липы.
Кузен-подпоручик, ещё не убитый.
Гнедой жеребец у него в поводу.

Ржавеющий вензель над аркой ворот.
Из окон – аккорды, светло и негромко...
А то, что всё это – киношная съёмка,
Не так уж и важно. Не так уж и в счёт.

Об авторе

Селезнёв Евгений Федорович – по образованию «инженер-физик», доктор техн. наук. Поэт, автор поэтических сборников: «Верхотурье» (2000), «Плач души» (2003) и «Признание» (2006), «Ты» (2012).

БРАТ

У меня есть брат. Он с детства и до сих пор старше меня на четыре года. Когда он пошел в школу, то я должен был пойти в садик, но никуда не пошел, так как у меня была бабушка. Брат в первом классе получил красивые книги: Букварь, Азбуку, Родную Речь и стал учить буквы. Так как я пребывал всё время дома, то видел весь его труд по овладению чтением. Труд был тяжёлым. Букварь – книжка с красивыми цветными картинками, очень интересными. И, наверное, от желания как-то помочь мучениям брата или же из любопытства, я стал исполнять те же задания, что задавали ему. Так как я был абсолютно свободен и не тратил время на походы в школу, то грамотой овладел раньше брата и к пяти годам довольно сносно читал. К тому же оказалось, что чтение очень интересное занятие и очень занимательное.

На Новый год во всех учреждениях поселка устраивались ёлки. И всем детям на них: в яслях, садике и школе вручали новогодние подарки. Даже таким как я, которые никуда не ходили, подарок был обеспечен, его приносили родители. Но ещё одна ёлка была для взрослых в клубе – самом большом здании поселка. Там из кинозала выносились все лавки, лишь малая их

часть оставлялась вдоль стен для бабулек. В центре зала устанавливалась ёлка, вокруг которой устраивались танцы. Надо всем царствовал Дед Мороз.

Для подарков взрослые снаряжали делегацию, которая ехала в ближайший большой город (Нижний Тагил), где на рынке покупались самые вкусные части подарка – абхазские мандарины, которые по одной мандаринке раскладывались в подарки – бумажные кульки, в добавление к зефиру, конфетам и печенью. Подарков хватало на всех детей, но конечно, что-то оставалось. И вот эти остатки тоже раскладывались по кулкам, которые выдавались Деду Морозу на взрослой ёлке, а он раздавал их по своему усмотрению в качестве призов отличившимся.

Так как я никуда не ходил, то на ёлку я пошел в клуб, где видел, как красиво танцуют вальс. Каждая пара, кружась, двигалась по кругу вокруг ёлки по залу друг за другом, как на Венских балах. В перерывах между танцами Дед Мороз приглашал желающих к ёлке чем-то отличиться, заняв публику чтением стихов, песней или танцем. На одно из таких его предложений откликнулся я и вышел к ёлке в середину зала. Дед Мороз спросил меня, что я могу, и я сказал, что прочитаю стихи. Дед Мороз оказался умным дядькой и поставил меня на стул, и я с этого стула, как с броневики, стал читать понравившееся мне стихотворение, которое я вычитал в Родной Речи у брата. Это оказалось стихотворение Михаила Исаковского со словами «... бежит матрос, бежит солдат, стреляет на ходу...». С заключительной фразой «Но Ленин видел далеко, на много лет вперед» я выкинул вперед руку, как Ильич на памятниках. Так что зал был мой, как и подарок, который вручил мне Дед Мороз. В итоге у меня было два подарка, а у брата один. Так что цену стихам я знаю с детства.

Потом была школа, где моя первая учительница, Анна Дмитриевна Рагозина, научила меня правильно читать стихи или как тогда говорилось «с выражением». Потом были концерты, смотры, конкурсы. Параллельно этому писались стихи, но они мне не нравились и потому безжалостно уничтожались. Лишь много позже, уже учась в институте, я оставил первое из них. Я сидел ночью в своей комнате общежития и занимался. Настольная лампа давала направленный свет и освещала только небольшой круг на столе, так что я не мешал спать моим товарищам. Сидел я у окна, в котором сначала был виден свет в

окнах соседних домов, но потом и он исчез, и высоко в небе проступили звезды. Так мы и сидели: я, лампа, тьма за окном и звезды, что я и записал:

* * *

Тьма за окном,
Только лампа горит
Над моим опустевшим столом,
И звезда высоко,
Далеко в ночи.
Что ты ей ни скажи,
Сколько ей ни кричи ...
... молчит ...

1974 Москва

После этого прошло ещё много лет и у меня сложились стихи о стихах.

* * *

Из непонятных ощущений,
Из дуновений и надежд,
Ко мне приходит вдохновение,
Без спросу, форсу и одежд.

Из предпосылок и предчувствий,
По грани памяти скользя,
И с каждым разом все искусней
И отказать ему нельзя.

Меня волнует, за собою
Оно ведет в глубины душ.
Быть может, я того не стою,
И тяжёлый для меня тот груз.

Но как я рад тому, не скрою,
Как жаждущий – струе дождя.
Всего себя ему открою,
Как матери её дитя.

01.2004 Москва

Об авторе

Член ЛИТО ЦДУ РАН, член СП России. Пишет с начала века.

Сергей Селезнёв

СЕНТЯБРЬ

Славная погодка – осени начало.
Одиноко дремлет лодка у причала.
Тихо, тихо речка мимо пробегает.
Солнышко мне спинку сладко припекает.
Дерево колышет чуткою листвою.
Посижу тихонько душу успокою.

2001 г.

ОПУШКА

Дрожит осинка на ветру,
Приходят поздние печали.
Скрывая сердца маяту,
Иду бродить в лесные дали.

Стремлюсь стихом себя лечить,
Залить печалью раны в сердце.
Лишь осень может научить,
Как, не сгорев, в огне согреться.

Гудит от ветра береста,
Скрипит сосна над головою.
Начать бы с чистого листа,
Но думы полнятся тобою.

И мысли вновь к тебе летят,
Сбивая жёлтые листочки.
Сижу на пне, среди опят,
А в голове всё строчки, строчки.

Как звёзды, вновь передо мной
Твои глаза вдали сияют,
И Ангел твой с моей душой
Тебя повсюду охраняет.

ЛИСИЙ ХВОСТ

Перед выступлением в нашем маленьком обществе, духовная матушка пригладила мои вихры, и я почувствовал себя мальчишкой.

Это прекрасное душевное состояние, как приятно, когда тебя с любовью гладят по головке, и ты проникаешься умными, безмятежными мыслями, зная, что утром приглаженные вихры будут опять торчать во все стороны и это будет всю жизнь, а возможно, что и после, ведь торчком стоят не только волосы, но и непричёсанные мысли, хотя это мало кто замечает, потому что голова-то уже почти совсем лысая.

В этом обществе я чувствую себя в своей среде и дышу ею как водой определённой солёности, и для дыхания мне даже не надо делать никаких усилий, потому что в этой среде мне вполне достаточно, кожного (душевного) дыхания, как лягушке. И никаких проблем, потому что душа-то обнажена (голая) как и у большинства находящихся здесь (в литературе, в поэзии).

Более того, создаётся впечатление, что я нахожусь в курятнике, среди лис, избранных богом, где рыжий хвост является достоинством, а не причиной для гонений. Мне указали на недостатки, которые я не видел раньше. Мне открыли глаза на плюсы, за которые раньше меня укоряли в других местах и считали моими недостатками.

Результат – я принят в ряды единомышленников.

Теперь, первоначальное впечатление об этом обществе.

Личностное существование здесь сложное. Очень многие хотят иметь гораздо больше того, чего они заслуживают, и причём сразу. Но есть и святые, чаще всего незаслуженно гонимые.

Мне кажется, что жить в этом обществе можно, нужно только прямо идти к свету, не ожидая и не выискивая благ, отдавая душевное тепло людям и принимая его с благодарностью. Пусть судьба сама решает, чего ты достоин в жизни.

Я считаю себя счастливым человеком и чтобы сохранить это жизненное состояние, вполне достаточно для этого просто жить по совести и быть самим собой. Потому что жизнь изначально прекрасна.

31 Май 2004 г.

Об авторе

Поэт, член Союза писателей России. Автор четырех поэтических сборников: «Исповедание» (2002), «Твоею жаждой стать» (2002), «За живую водой» (2008), «Листаю осени страницы» (2012). Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка МГТУ им. Н. Э. Баумана.

Из раннего:

ПОВЕРИТЬ ДАЙ МНЕ...

Поверить дай мне, что тебе нужна,
как ощущение снега, ветра, солнца,
когда глотком живительным весна
в уста и строки – необъятно – льется...

Когда, срываясь птицей с высоты,
трепещет луч в руке – горячий, ломкий,
когда небесные не высохли холсты,
начертанные кисточкой ребенка...

Поверить дай мне, что тебе нужна,
и стать твоим дыханием – как воздух,
и день прож'ив, дай, милый, осознать,
что я могу зажечь глазами звезды...

И стать в пустыне – клеточкой воды,
и каплею огня – в январской стуже.

В строке моей – пульс и твоей судьбы.
Поверь же в то, что ты, как свет, мне нужен!

ДУША КОСТРА

Пусть образ твой я предала огню.
Хоть в жизни раз сжигает память каждый...
Сожгла и я ... Но вскрикнешь – напою
тебя рекой своей бессонной жажды.

Осенней стужей захлестнет пожар.
Сухого ветра стынувшее пламя
окаменело... Так откуда жар,
взметающий вновь искры между нами?

Не надо слов... Но чей порыв души
душа костра, скажи, по свету ищет?
Да тот, что не страшась разворошит
завещанное страстью пепелище...

МЫ ОБА ПОМНИМ ...

Мы оба помним: лунной ночи хмель,
тумана парус... дикий клевер в росах...
Колдуя, в изголовие... меж сосен
стелил нам август звездную метель...

Дурманя элем, в предрабасной мгле
дрожало эхо счастья... океана
плескалась нега... мудро, первозданно...
Вселенная плыла на корабле...

Ах, если б в странствиях своих летучих
могла бы я крылом раздвинуть тучи
и на чужбину залететь – в твои края...

И теплым бризом проскользнув на сушу,
тебя коснуться и шепнуть: – Послушай,
той ночи дуновенье – это я...

Из позднего:

ШЛА ПО ГОРОДУ ЖЕНЩИНА...

Переулками, скверами шла по городу женщина,
настроение скверное, в сердце – скрытая трещина.
От недоли усталая,
нелюбовью измаялась.
А весна запоздалая перед нею не каялась.

Лишь сулит одиночество и бессилье уныния:
вот, мол, годы простроятся в кудрях стежками инея.
Ничего не обещано!
Но с надеждою смутною,
шла по городу женщина в синеву бесприютную.

Время стрункою тонкою отливало в молчание,
свилось сердце воронкою из листа ожидания.
С талой ноткой беззвучия
снег стелился порошею.
Жизнь вдруг стала излучиной,
уходящей от прошлого....

И внезапно за сквериком, за соседнею булочной
стала улица берегом в междуречии будничном.
Стала встреча случайная
среди изношенной ветоши
светлой пристанью тайною...
И пристанищем вечности...

Об авторе

Заведующая Отделом культуры и искусства Центрального Дома Ученых РАН. Поэт. Автор книг: «Зеленый луч» и «Запоздалый романс».

Анна Станиславовна

* * *

«Умейте домолчаться до стихов...»

Мария Петровых

Молчу
который день подряд.
Как чётки, сутки монотонны,
часы ночные не бессонны,
и сухо-молчалив мой взгляд.

Чужой вулкан
рождает лаву,
землетрясение и обвал
другим краям приносят славу,
в других морях девятый вал.

Но час придет –
и все стихии
со дна души

поднимут крик
и выплеснут слова
такие,
каких достоин будет миг!

* * *

Мне снился сон:
вокзал аэрофлота.
Поднялись мы по трапу самолета
и сели рядом.
Это было счастье –
к локтю локтем...
Окно открылось настежь!?
Ты руку протянул,
мы вышли –
красивые,
моложе всех и выше.
Ступали мы
по облакам из ваты.
Шли, как парили,
не стремясь обратно.
Парили души,
не дробясь на части,
космической гармонии
во власти.
Мы вместе – ты и я!
Вселенная замкнулась.
Над нами Солнце-бог!

И я ...проснулась

Об авторе

Стасенко Людмила Ивановна, по профессии педагог. Руководит поэтической студией Московского государственного университета печати имени Ивана Фёдорова. Автор пятнадцати поэтических сборников, четырёх повестей. Корреспондент альманаха «Лазурь», в котором публикует очерки о многочисленных путешествиях по России и зарубежью. Имеет награду – медаль «Золотое перо»

Людмила Стасенко

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СЕБЕ

Писать стихи я начала тогда, когда прошла через целый ряд жизненных испытаний – плохих и хороших. Занималась в литературной студии поэта Эдмунда Иотковского. Выступила в клубе АЗЛК. Приняли на «Ура!» Это вселило в меня надежду на то, что я действительно пишу. Впоследствии опубликовала 15 поэтических сборников и 4 повести. В моём становлении прозаика большую роль сыграли два человека, которым я бесконечно благодарна. Это – литературный критик, писатель, главный редактор журнала «Вопросы литературы» Дмитрий Михайлович Урнов и писатель Юрий Александрович Пшонкин.

Из раннего:

РОЗА

Как пахнет роза? Расскажите!
Сыграйте, изваяйте, опишите!
Как раскрывается бутон,
Как набирает силу он,

Чтоб стать роскошнейшим цветком?
Поведать можете о том?
Как на заре роса блестит,
От дуновенья как дрожит

Соцветие элиты?
Сыграйте, опишите!
«Нью-Даун». «Глория» и «Супер Стар»,
Пред вами ниц и млад, и стар.

Вы волшебство и вы кумир.
Был нищим бы без вас сей мир

Из позднего:

НОЧНОЙ ПАРИЖ

Бокал вина, ещё один,
Французский лёгкий ужин.
Маэстро, вы наш властелин,
Репертуар ваш нужен,

Чтобы вскружилась голова
Не от вина, – от песен.
Нам так знакомы все слова,
Да, мир, конечно, тесен.

Ночной Париж у наших ног,
И Эйфелева башня,
Неописуемый восторг,
Прелестна и изящна.

Пляц Этуаль, и пляц Конкорд,
Монмартр, Гранд-Опера,
Ещё, маэстро, ваш аккорд,
Готовы до утра

Мы по Парижу всё бродить,
Без устали, без сна.
Париж всем сердцем полюбить,
Мы пьём, мы пьём до дна.

Вино французское «блан», «руж»...
Эдит Пиаф – «Милорд»...
Вот закрутилась «Мулен Руж»...
Ещё аккорд, аккорд!

Бокал вина! За что мы пьём?
Да за Париж, конечно!
Ещё нальём, ещё нальём,
С тобой, Париж, – навечно.

Ткачевская Елена Петровна (03.12.1958). Доцент кафедры Химии и технологии биологически активных соединений Московского государственного университета тонких химических технологий им. М. В. Ломоносова, кандидат химических наук. Написание научных трудов сочетает с трудами литературными (чаще – поэтическими, иногда – прозаическими). С 2010 г. – участник ЛИТО ЦДУ РАН. С 2011 г. – публи-

кации стихотворений в сборниках ЛИТО ЦДУ РАН, в сети Интернет. E-mail: elenatkachevskaya@yandex.ru

Об авторе

НАЧАЛО БЫЛО ТАК ДАЛЁКО...

Совсем не могу вспомнить тот момент, тот период жизни, когда начала писать стихи. Сейчас кажется, что писала всегда. Совершенно точно помню, что стихи окружали с детства. Мои мама, бабушка и дедушка – земляки Есенина. Часто у нас были семейные поездки в родные, чудесные Рязанские края, в деревни и сёла, рядышком стоящие на высоком берегу Оки: Аксёново, Кузьминское, Константиново...

Под моим окном тоже росла огромная берёза и, вполне понятно, что в ответ на есенинское:

Белая берёза
Под моим окном
Принакрылась снегом,
Точно серебром.

появились мои детские строки:

Берёза, белая берёза
Склонила ветки у окна,
Как будто просится с мороза
Погреться в дом она.

1968 г.

Но детство неизбежно заканчивается. И замечательно, если остаётся прочувствованная в детстве тяга к творчеству. Способность и желание творить – это настоящий ценный клад, именно об этом одно из новых моих стихотворений:

* * *

Мир детства моего исчез...
На том же месте луг и лес,
Степная течёт река,
Но я от детства далека.
В стенах, что раньше были домом
Уже не вижу лиц знакомых
И душ родных не отыщу.
Что тут поделать. Погрущу.
К реке спускаясь босиком,
Всё думаю о кладе том,
Что спрятан мной на чердаке.
Покинув детство налегке,
Я помню про коробку-клад.
Наверно, будет очень рад,
Её под крышей обнаружив,
Искатель ценностей ненужных,
Мне незнакомый, неизвестный.
Ему-то будет интересно
Найти мой клад на чердаке.
Ушла из детства налегке...

Жить легче детям гнёзд – имений родовых,
Дом детства не закроется для них...

17.02.2013 г.

Литература и, в особенности, поэзия действовали завораживающе, затягивали как в воронку и кружили, и захлёстывали с головой так, что дыхание перехватывало. Особенно это относится к авторам «Серебряного века». Именно благодаря им появились мои первые стихотворения – посвящения, стихотворения – подражания.

* * *

«И чем случайней, тем вернее
Слагаются стихи навзрыд.»
Б. Пастернак
Стихи как стихийное бедствие,
Вулкан, оживающий резко,
Идут не от благоденствия,
От шоковых молний отвесных.
От рокота грома душевного
Потоками ливня – строки
Тяжёлые камни замшелые
Шлифуют с упорством стойким.

И эта воронка потока
Затягивает как магнит.
От каждого выдоха – вздоха
Стихи истекают навзрыд.

10 февраля 2012 г., 122-летие Б. Л. Пастернака

* * *

Б. Пастернаку, О. Ивинской и В. Вульф

Вам гулять бы зелёным английским лугом,
к океану с шипеньем волны, на маяк.
Только женщина с русской душой ранимой
стала самым надёжным другом
и любовью, пронзающей так,
что ложится путём среднерусской равнины,
обуянной туманным недугом,
где важнее рубля может стать – пятак,
пригвождённый повадкой орлиной.

Вам Вирджиния стала бы верной подругой –
поздний чай, и печенье имбирное, крошка и мак...
И секунда у чайки кричащей – становится длинной.
так могло бы сложиться...
Сложилось не так.

2012 г.

* * *

М. Цветаевой

Утекают со скоростью разной
Годы, месяцы, дни и часы.
Но окрашены светло краской
Те мгновения, где на весы
Наше брошено единение
Против пройденного пути.
И колеблет весы волнение
У черты той, что не перейти.

2012 г.

* * *

«Ненаписанных стихов – не жаль»
(М. Цветаева)

Несделанного не жалеть не трудно.
Но всё же где-то в глубине, подспудно
Досада и обида настигают
И обязательства такие налагают,
Что поиск смысла будет жечь и мучить,
Пока судьба не предоставит случай
Задуманное завершить,
по строкам путешествовать,
и жить...

2012 г.

* * *

А. С. Пушкину

По миру путешествуя, пишу,
 Пушкиногорьем медленно брожу,
 Ищу пристанище Учёного Кота.
 Понадобился Кот мне неспроста,
 Покой и волю я не нахожу,
 Коту об этом сказку расскажу,
 Уеду. И останется с Котом
 Воспоминанье обо мне, потом
 Кот о беседах наших сказку сложит.
 И сказку эту Пушкину доложит!

В последние годы ощущение причастности к литературному процессу связано не только с прочтением классиков, но и с общением в Литературном Объединении Центрального Дома Учёных Российской Академии Наук. Поэтому, наряду с посвящениями А. С. Пушкину, пишутся посвящения собратям по перу – моим современникам, родным и близким.

* * *

Галине Колобовой

Нам помогают облака
 Стихию воздуха заметить.
 Их траектория легка,
 Когда силён и резок ветер
 Летят стремглав, ему подвластны,
 Не чуя под собой земли,
 Для пешеходов – не опасны.
 Остановись, смотри, замри!
 Стихийная заморозённость,
 Изменчивость и простота.
 И правит бал незавершённость.
 И осень – с чистого листа.

Ноябрь-Декабрь 2012 г.

* * *

Людмиле Колодяжной

Душа тонка и осторожна,
 Ведь позабыть ей невозможно,
 Как лепят формы облака
 И, исчезая на века,
 Становятся дождём иль снегом.
 А жизнь сравнима с рваным бегом
 То по полям, то по горам.
 Тебе я повода не дам
 Хотя на мгновение усомниться,
 Что отражают наши лица
 Всё, что в глубинах у души.
 Так прикоснись, смотри, дыши
 На проявления жизни эти!
 Бог даст – и станем мы как дети,
 Всё различим, и тьму, и свет,
 Где можно, скажем «да» и «нет».
 Душа тонка и осторожна,
 Ей по-другому невозможно.

15.08.2012 г.

* * *

Владимиру Полякову

Возможно, что награда странствий – сад Эдем...
 Иду туда тропой, освещённой лунным светом,
 В том кратком сне уж яблок соблазняющих не ем,
 Ищу я благодатных встреч с прозаиком, поэтом
 Всему внимаю, наострив глаза и уши,
 Совсем не чувствую реальности оков,
 Настраиваюсь понимать и слушать
 Как летописец из глубин веков
 Сюжеты пишет – рифмой или прозой –
 Не так уж важно, но изысканно красив
 И философских не лишён вопросов
 Его невиданно затейливый курсив.
 Коль выпадает быть прозаиком, поэтом,

Имея острый глаз к столь важным мелочам,
Нельзя забыть, что есть река с названием Лета.
И в вечном поиске начала всех начал
Строка течёт, с волной дробится в скалах,
Для слова ищет место, смысл, значение,
Или с шампанским пенится в бокалах,
Давая доброе, искристое свечение.

Ноябрь – Декабрь 2012 г.

* * *

*«Как говорится, после выстрела
Обратно пулю не вернёшь...»
(Е. Селезнёв)*

Мы сторонимся слов заученных,
Они – по сердцу острый нож.
Мы избегаем слов озвученных,
Ведь что озвучено – то ложь.
Не всё, возможно, только отчасти,
Но эта часть всего страшней.
Коль имя будет рядом с отчеством,
Быть суждено ему мудрей.
Душа, притихнув, ждёт открытия
И озарения, и слов...
Слова – как корабля отплытие,
Как с тайны сорванный покров.
Ведь мы словами заморожены
И плотно так окружены,
Неосторожными и нужными,
Они важны и не важны.
Боимся слов, подобных выстрелу,
Увязнуть страшно в недоверии.
В неверии возможно ль выстоять
И мыслить чётко и размеренно?
Как не принять слова трескучие,
Коль порох, дым и страсть, и кровь!
Их приручаем, учим, мучаем –
Такая сложная любовь!

И эту степень соответствия
Дел – помыслам и чувств – словам
В благополучии и в бедствии
В себе находит каждый сам.

1.12 2012 г.

* * *

Вигену Оганяну

Букет – из одного цветка,
А упаковка – из листка,
Где сказка напечатана когда-то...
И несказанно я богата
На проявления теплоты
И лета добрые мечты!
Букет – из одного цветка.
И жизнь беспечна и легка.

26.08.2012 г.

Если прочитанное литературное произведение побуждает к написанию нового, к необходимости и желанию выражения своих мыслей, к поиску новых образов, то это высшая похвала прочитанному. Бывает так, что возникает переключка литературных творений. Переключка такая возможна не только с современниками, но даже и с А. С. Пушкиным. А вот и пример такой переключки на вечные темы прегрешения и возмездия:

* * *

*«Как с древа сорвался предатель ученик...»
А.С.Пушкин. Подражание итальянскому, 1936 г.*

Взаимосвязь небесного с земным,
Наверное, лучом проложена прямым,
Иль ожидаемым Звезды паденьем,
А может белокрылым вдохновеньем?
Служа иль внемя вечной Лире,
Бесследности искать не стоит в мире

Ни в том, ни в этом, где душа,
 Всегда и всюду Вечность вороша,
 Из закоулков все сомнения выметая,
 Вновь возрождается – другая!
 В Иерусалим пройдя тернистый путь,
 Ни позабыть нельзя, ни отвернуть
 От прожитого. И немые уста,
 Ни разу в жизни не позвавшие Христа.

Никогда заранее нельзя сказать, как долго продлится это единение с литературным пространством, с этой неуловимой творческой субстанцией, прикосновение к которой подобно озарению. Но пока есть эта взаимосвязь, есть ощущение счастья...

* * *

Словам иную жизнь дарю
 И мысли в форму облакаю.
 Хочу сказать – и говорю
 Или чуть слышно окликаю
 Те образы, что сохраняю,
 Страницы памяти листая.
 Живу, дышу, пишу, люблю...
 Возможна разве жизнь другая?

2013 г.

Об авторе

Член Союза писателей России. Писать прозу начала с 1999 г. Окончила Высшие литературные курсы в Литературном институте им. А. М. Горького. Автор двух книг: «Она» и «Милосердие» и многочисленных публикаций в альманахах и журналах. Лауреат 3-х литературных конкурсов, в том числе – Ю. Мамлеева. Государственный стипендиат России по категории «Выдающиеся деятели культуры и искусств» 2003-2005 г.г.

Эл. почта: zinaidalit@mail.ru

КАК Я НАЧАЛА ПИСАТЬ ПРОЗУ

Я пришла первый раз в первое своё литературное объединение в библиотеке на Щукино в 1999 г. Руководителем был объявлен конкурс, посвященный двухсотлетию со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина, на произведения в прозе и в поэзии. Пока шла домой, я мысленно уже набросала рассказ о своём детстве и влиянии на меня стихов Пушкина. Этот рассказ занял 2-е место. Окрылённая успехом, я продолжила писать в прозе.

08. 12. 2012

ВЕЛОСИПЕДИСТ

По деревенской улице молодой мужчина вёл велосипед. За забором сквозь зелень акации и цветущего шиповника, росших вдоль дороги, он увидел пожилых мужчину и женщину и остановился.

– Здравствуйте хозяева! У вас не найдётся ли случайно насоса? А то – вот колесо у моего транспорта спустило.

Немолодая пара сидела на лавочке в кружевной тени плакучих берёз. Раскидистые, трепетавшие на лёгком ветру каждым листочком, высокие деревья в этот летний зной давали приятную прохладу и свежесть. Мужчина, разглядывая прохожего, пошёл открывать калитку. Тот, не стесняясь, завёл велосипед во двор.

– Жарко сегодня. – Он стянул тёмную рубашку и остался в майке. Ловко снял покрышку с заднего колеса и стал искать прокол. – А я так подумал, насос у вас должен быть. Дом добротный, вон машина стоит.

На вид ему было лет сорок пять. Загорелый, коренастый, мускулистый. Чёрные волосы стрижены «ёжиком».

Хозяин принёс насос и ящик с инструментами. – Вот, выйрай.

Женщина спросила: «Вы, наверное, из Зарайска?»

– Отгадали. Пожил там немало. Местечко неплохое... – он криво усмехнулся.

– А зовут тебя как?

– Георгий. Победитель, значит.

Женщина улыбнулась. – Ну, победитель, положим, это Виктор.

Георгий засмеялся. Его суровое лицо показалось ей симпатичным и даже привлекательным. Чтобы не мешать мужчинам, она ушла в дом. Когда вернулась с кувшином темно-бардового компота, они уже отдыхали на траве под деревьями в позах Перовских «Охотников на привале».

В ожидании, пока приклеенная заплатка на колесе схватится, все с удовольствием пили компот. И тут неожиданный гость разговорился.

– Я ведь в Зарайске как очутился? – Неспешно начал Георгий. Один дружок мне подсказал, что проживает тут одна дамочка из богатеньких. Дом в два этажа, машина. Хозяина ищет. А поскольку я холостой, решил поехать, да посмотреть. – Он отпил из стакана красный напиток. – Бабёнка оказалась хорошая, постарше правда. Видать и я ей по вкусу пришёлся. Стал у неё жить. Сытый день, жаркая ночь. А что ещё мужику надо?

– Разве уж больше ничего? – спросила женщина.

– Ну, по мне это самое главное. Она домовитая, варит, парит; кастрюли, тарелки гремят. А это самый приятный звук в доме.

– Ну, а ты что делал? – поинтересовался мужчина.

– Работал в местном водочном заводе. По выходным с машиной возился. Вроде как семьёй жить стали...

– Случилось что?

– Вот именно. – Он заговорил оживлённее. – Посылает она меня в магазин: «Хлеба свежего к обеду принеси». Ладно, пошёл. Хотя не люблю у женщин на побегушках быть. Да, разговорился с двумя молоденькими продавщицами. А те меня подкалывать начали: «Зойка-то снова замуж вышла. Ну, а ты, что не мог – посвежей-то себе выбрать?»

– Посвежей – это как они что ли? – Переспросил мужчина.

– Наверное, себя имели в виду. – Согласился Георгий. – Тут вбегает моя Зоинька. И давай отчитывать меня: «Я его жду. Обед стynet». Схватила меня за рукав и зло так: «Пошли домой». Ну, дома я ей показал...

– То есть как? – удивилась женщина.

– Очень просто. Говорю ей: «Голубушка, я Афган не для таких унижений прошёл. В глаза смерти смотрел и ранен был не ради сладенькой жизни. Дороже всего для меня есть и будет свобода. Я мужик и не позволю, чтоб женщины мной понукали».

– Может она любя?

– Может. И в слезы, и прощения просила. Но, я собрал рюкзак и на велосипед. Благо он меня никогда не подводил.

– На этот раз подвёл, – возразил мужчина.

– Ничего. – Георгий оседлал велосипед. – Найду и покруче невесту. Вон, сколько объявлений в интернете. А нет – поеду в деревню. Бабке моей девяносто лет, а дедка ещё молодой, ему восемьдесят два года. Поживу у них, а там посмотрим, – и быстро покатыл по улице, замелькал вдоль штакетника.

– Прямо – перекасти-поле, – проводил его взглядом хозяин и неторопливо стал собирать инструменты.

Хозяйка вздохнула: «Может, это не он, а война во всём виновата?»

Об авторе

Родилась на Урале, влюбилась в этот удивительный мир чудесной природы, пишет стихи с 20-ти лет. Изданы два сборника: «Снегопады любви», «Святые родники», издан диск песен (2000 экз.), написан цикл песен для Смоленской АЭС. Редактором первого сборника был Мишин Алексей Викторович, смоленский поэт, был на презентации первого сборника в гор. Десногорске в 2001 году.

Татьяна Хатина – учитель с тридцатилетним педагогическим стажем, высшей категории, любит

свою профессию, детей – это единомышленники. Поэзия – это способ выживания в нашем таком странном мире.

«Благодарю, я с вами до конца,
Мне ваша искренность необходима...
Я кожей чувствую, поют сердца
Пронзительно, легко, неодолимо...»

Стихи печатались в периодической печати, в поэтических сборниках гор. Десногорска Смоленской области, в газете «Российский Чернобыль». Издан в гор. Смоленске фотоальбом, посвящённый 200-летию М. И. Глинки, где есть стихи Татьяны Хатиной. Участвует в альманахах Литературных объединений Москвы: в ЛИТО «Дом Учёных», «Складень», «Царское Село». В 2010 году, со сборником «Святые родники» стала дипломантом конкурса в Москве – «Чернобыльская биль», Дипломант нескольких фестивалей на Смоленщине. На стихи – пишут музыку: Юрий Бадалл, Владимир Веске, в интернете звучат эти песни.

Из раннего:

РОМАНС «ВЕТКА ЖАСМИНА»

В объятьях трепетных цветущего жасмина,
В волненье долгом, обрывая лепестки.
Я Вас ждала, сомненьями томима,
А сердце разрывалось от тоски.

Вы не пришли, как больно и как сладко
Дурманит сон мной сорванный жасмин,
А на скамье забытая перчатка,
В сердцах разорвана – любви остывшей дым.

Пусть иногда у жаркого камина
Холодным вечером, в предзимний час.
Мне вспомнится та веточка жасмина,
Что так негаданно разъединила нас.

В любимой книге тонким отпечатком
Цветёт в надежде той поры жасмин.
Души моей разорвана перчатка,
Но ты, как прежде дорог и храним...

Из позднего:

ПЕСНЬ О СУЛАМИФЬ

Тёмная медь волос,
Диких кудрей упругость.
В таинстве рыжих кос
Алого мака цвет.
Смуглый лица овал,
Тонкого стана тугость.
Гордость высокой шеи,
Юность прекрасных лет.

Стройная Суламифь
В бедном платье пастушки.

Собран в её ожерелье
Ягод пурпурный свет.
Ты босой танцевала,
Травы были послушны.
Музыке той высокой
Вторили звоны монет.

За цветущей лозою
Танец твой наблюдали
Тёмных агатов очи –
Небо в лунную ночь.
Этот взгляд Соломона
Из виноградной дали
Прелесть юной пастушки
Было забыть невмочь.

Тёмные кипарисы
Тайну их окрыляли.
Лишь о любви шептали
Сладкие листья олив.
И виноградные лозы
Свой аромат источали
Этой мечты далёкой –
Песни о Суламифь.

Были так откровенны
В нежных желаниях, ласках,
Будто вся тайна Востока
Щедро подарена им.
Нега шафрана и мирры
В этой дышали сказке,
И на века дарили
Песню любви двоим...

Об авторе

Доктор технических наук. Кандидат
экономических наук.
Поэт, участник ЛИТО ЦДУ РАН.

Татьяна Чернова

Раннее:

ЗАРЯ

Удаляется ропот колёс,
И рассеянный отсвет зари
Не вплетет твоих чудных волос
В осторожные пальцы мои,

Но в глазах моих сумрачных –
тайна с тех пор,
Как в ложине туман закачался,
И потух огонёк, и затих разговор,
Ожидай, и жалей, и печалься....

Из позднего:

БЛИЗОРУКИЙ ФОТОГРАФ

Художнику дано иное зренье –
Гомер, как будто, вовсе был слепец?
И, вежливое вспомнив приглашение
Явилась я сниматься, наконец;

На задний план – кусочек перспективы.
 Мне будет фоном ранняя весна.
 Не быть необъективным объективу,
 Я буду точно запечатлена.

Через неделю, снимок отдавая,
 Очками добродушными сверкнул,
 И, личность с фотографией сверяя,
 Он мне свою работу протянул.

Ты слеп, фотограф, что всё это значит,
 Здесь только фон, очки твои пусты?
 В его руке обиженно заплещет
 Фотоэтиюд «Предчувствие весны».

НИМФЕТКА (диптих)
(читая Владимира Набокова)

1
 Словно весенняя веточка,
 Я тебе «милая деточка»,
 Мне б для тебя, постаревшего –
 Сбыться последнею женщиной.

Резкая, хрупкая, шалая,
 Как бы твой мир украшала я.
 Выхватит вспышка из памяти
 Нимфу в полуденной заводи...

Юные сны так изменчивы,
 Где-то теперь мой не венчанный –
 Непоправимо осеннее
 Солнце сквозь тучи просеяно.

2
 Словно это был обряд венчанья –
 Лепестками бархатных, осенних,
 Жарко полыхающих цветов
 Нам с тобой осыпали машину
 На автостоянке у отеля.

ЛИТЕРАТУРНОЕ АССОРТИ

ТАИНСТВЕННАЯ СТРОЧКА

Когда искала яркие слова,
Вдруг появлялся радужный сонет
И стихотворной повести глава...
А самой главной строчки что-то нет.

Ищу строку и днём и в лунном свете
О шелесте минут ушедших лет,
О мудрости, осеннем долголетье,
О вечности мечтающих планет.

Неуловимая, откликнись звонко
Я знаю ты, наверное в пути.
Пусть затерялась строчка незнакомка,
Искать её занятней, чем найти.

2012

СМЫСЛ ЖИЗНИ

Смысл жизни – полезное творчество
На благо разумного общества, –
Земного содружества светлого,
Спокойного сна предрассветного.

Для солнечной, мирной влюблённости,
И в мудрых словах убеждённости, –
Духовное, сложное зодчество,
Искусство познания –
творчество!

2012

ТАЙНА СОЗВУЧИЙ

Тайна буквенных созвучий
Есть в названии Эльбрус, –
Может быть на всякий случай,
В окончаньи буквы «рус».

Русский слух лаская снова
Много раз повторены,
Есть они и в корне слова,
И в названии страны.

Но зачем давно и ныне,
С мудрых древних лет и зим,
«Рус» есть в самой середине
Слова Иерусалим?!

2012

МОНОЛОГ ЛОХМАТОЙ СОБАКИ

Эй, хозяин, вам сторож не нужен?
Лаю громко, да только – простужен,
На сугробе, на вашем сию
Зорко дом ваш уже сторожу.

Ну и пусть я лохматый, невзрачный,
Мне понравился домик ваш дачный!
А вокруг то метель, то мороз...
Эх судьба, беспризорный я пёс.

Вижу, здесь моей службе не рады,
За ограду иду без награды.
Я не спорю, не забияка...

Накормите зимою собаку!

2013

МИР ОСЕННИЙ МЕЧТАМИ ЛУЧИСТ

Ветер кружит берёзовый лист,
Вверх влечёт от земной карусели.
Небосвод бесконечен и чист
Для лихой окончательной цели.

Жёлтый вихрь разгулялся сильнее.
Лист поднялся над кронами сосен,
Затерялся в потоке лучей, –
Солнце цветом похоже на осень.

Это счастье – свободный полёт,
Если зимние сумерки вскоре,
И на ветреных крыльях восход
К высоте с облаками поспорить.

Улетает берёзовый лист,
И чем выше – свободы всё больше.
Мир осенний коварно лучист,
Но парить в нём хотелось бы дольше.

Мир осенний мечтами лучист,
Очень важно – остаться в нём дольше!

2012

СВЕТ НАДЕЖД...

Антонине

Пела в церкви, в юности
Голос звонкий был.
Строгости, послушности
Звук под своды плыл.

Берегла любовь свою,
И семья была...
Но убит Иван в бою –
Всех война взяла.

Гурий, старший сын, пропал
В девятнадцать лет.
Алька, младший, воевал...
Их на свете нет.

Боль потери долго жжёт,
Слёз слепила соль.
А она их с фронта ждёт.
Не сломила боль.

В каждом доме свет надежд
Заглушает стон,
Даже в черноте одежд
Ярко светит он...

Век вознёс молитвы сны,
Скорбь эпохи той.
Где вы:

Бог отец,
Бог сын,

Жизни
Дух святой?!

2010

МЕЧ И КОРОНЫ

Сонет

«Время рождаться и время умирать...»
Екклесиаст

Сны Лондона лучами не согреты.
Коварно казнь готовит скрип пера,
Невинной головой платить пора –
За трон на девять дней и все советы.

Так крепость Тауэр хранит секреты
И тайны королевского двора.
Не спится узнице до самого утра,
До появления роковой кареты.

Здесь три короны пали с королев.
Её черёд – меч на гербе и лев...
Ждут строчки – мыслей отражения.

Джейн Грэй письмом в свои шестнадцать лет
Передаёт отчаянный завет:
«День смерти лучше дня рождения...»*

2010

* Леди Грэй казнена в феврале 1554 г. из-за амбиций родственников, выдавших её насильно замуж. Теперь эти строчки хранятся в Британском музее.

* * *

Новогодний карнавал! Чьи же маски будем мерить?
Только, чур, не лицемерить!
Я примерю для себя шкурку мудрого кота,
Песню я вложу тогда в сладострастные уста.
Приодену сапоги, шляпу, шпагу и в кусты,
Жаль карманы все пусты.
И еще одна беда, есть хозяин у кота,
Сто идей, но шерсть линяет и в желудке пустота.
Нет, пусть буду Дон Кихотом.
Бедным, вольным доброхотом.
Что мне мельницы, когда в жерновах я – колеса!
Вроде мир, а не война, что ж в ходу опять коса?
Косит смерть своей косой,
Кто же скажет ей: «Постой»!
Тут я женское начало
На мужское поменяла.
Вот опять зашла в тупик,
Лес растет из грозных пик.
Нет мужской мне воли, знаю,
С нею вместе пропадаю:
Пьянство, лень... Исчез мужик.
Я скажу всем напрямик:
«Маски мерь, не мерь, всегда
Ты надейся на себя!»
Маски каждый волен мерить,
Но не надо лицемерить,
Стой горой за идеал.
Лицемеру – свой причал,
С ним тебе не по пути,
За мораль меня прости!
Это – маска, но она
Ко мне прочно приросла.

* * *

Ты с корзинкой, я с корзинкой,
 В лес знакомою тропинкой
 По грибы идем,
 Как нам весело вдвоем.
 Заповедь одну я знаю, с детских лет несу:
 Каждый лист тебе подмога, коль ты добр в лесу.
 Посох выстрогай из ветки, разгребь листву,
 Вот он – белый, белый, белый гриб к тебе несу.
 Все по правилам, как дед нас учил с тобой,
 Ножку режь, а не ломай – здесь закон такой.
 Белый, в шапке набекрень,
 Низко кланяюсь грибу, это мне не лень.
 Белый гриб, грибам он – царь!
 Насушу грибов и в ларь,
 В зиму про запас.
 Эх, похлёбочкой, друзья, угощу я Вас!

Осень 2012 г.

* * *

Туманом утро упаковано,
 Цветы на клумбах ждут луча.
 Спас яблочный и я прикована
 К красотам сада, время чтя.
 Мгновенье осени сверстается,
 Подарки сада я приму.
 Какое утро улыбается,
 Гостей сегодня позову.
 Я жду внучат, мне очень хочется
 Ведь урожай обильный снять.
 Зарделись яблоки и просятся
 Весь дар по святости принять.
 Спас яблочный сегодня празднуем,
 На горку яблоки снесу,
 Пусть осветят, природа здравствует,
 Всем радость жизни принесут.

19 августа, 2012 г.

* * *

Мне твой портрет писать нетрудно,
 Зеркальный триптих распахни,
 Анфас и профиль – все прилюдно,
 Оцепенение стряхни!
 В каком сегодня ты начале?
 Как растревожить колдовство?
 Свечу любви зажги в печали,
 Раскроют краски естество.
 Пируй душа, сегодня можно!
 Я для тебя пишу портрет,
 И в тусклый взгляд вкратить несложно
 Из прошлого живой привет.
 Последний росчерк я поставлю,
 Закрою зеркала, вздохну.
 Секрет зеркал себе оставлю,
 Вуаль я времени стряхну.
 И ты в восторге: «Вот так так!
 Точь-в-точь Малевича квадрат!»

* * *

В веранду вдруг синица залетела
 И бьется о прозрачное стекло,
 И клюв в крови, уже поникло тело.
 Доверься, птица – выпущу в окно.

А птичий взгляд доверчивый и страстный,
 Знакомой струйкой просочился в грудь.
 Замлело всё в душе иглой опасной,
 Готова я пойти в желанный путь.

В руке затихла странница синица,
 Привет от всех ушедших принесла.
 Грядет, грядет последняя страница
 И челн плывет, не надо мне весла.
 Лети, лети спасенная синица,
 Журавликом до тех, кем послана была.

СОНЕТ БАЙКАЛУ

Весенние росы и иней осенний –
 Вы в переключке природных стремлений.
 Раскрыты красоты родимой природы,
 Чудес превращения, могучие воды:

Озера и реки, моря, океаны,
 Снега, водопады, тумана обманы.
 Туманом сокрыта дорога нам в горы,
 Слеза умиления туманит мне взоры.

И радуги мост летит в поднебесье,
 Душа воспаряет, уносится песней.
 Байкал грандиозный в этой стихии.

Ничто не сравнимо с могучею силой,
 Сибирской природой такой горделивой.
 Байкалу дарю я эти стихи!

Март 2013 г.

* * *

Миг
 Не затмится
 Когда Ты
 Уйдёшь
 И звёзды
 Не подёрнутся
 Туманом
 За голубым
 Небесным
 Океаном
 Ты Свет
 Неугасимый
 Обретёшь
 Меня
 Весной
 И ветром
 Позовёшь

2012

* * *

Когда я
 Стану
 Забывать
 Тебя
 Апрельский ветер
 Что Надеждой
 Светел
 Которую
 Как сон
 Уносит ветер
 Когда Стихи
 Слагаются
 Любя
 Когда я
 Стану
 Забывать
 Тебя

2012

ДАЛЁКИЙ СЕВЕР

* * *

Восьмое
 Небо
 Мириады
 Звёзд
 Да воздадут
 По нашей
 Слёзной
 Вере
 Планета
 Грёз
 Далёкий
 Милый
 Север
 Край
 Перелесков
 Золотых
 Берёз
 Восьмое
 Небо
 Мириады
 Звёзд

* * *

Завтра
 Я Тебе
 Открою
 Дверь
 Завтра
 Будет
 Солнечный
 Апрель
 Звёздная
 Рассветная
 Капель

Нас с Тобою
 Согревать
 В метель
 Ты
 Такой
 Приедешь
 Молодой
 Лебединой
 Песней
 И Мечтой
 Неразгаданной
 Моей
 Волной
 Завтра

* * *

Я стою
 У Подножья
 А Ты
 Опускаешься
 Вниз
 Ты
 Вершины
 Любви
 Покорил
 И Душою
 Измерил
 В Небесах
 Твой
 Серебряный
 Веер
 Что в мой
 Стих
 Словно
 Ветер
 Весенний
 Проник

СТРАННО

*Вот идет по свету человек-чудак
Сам себе печально улыбаясь...*

*Что же мне так одиноко?
(Из песен С. Никитина)*

Однажды я повел знакомого англичанина на экскурсию в Третьяковскую галерею. Мы смотрели картины Нестерова. На одной из них – «Странник» – изображен паломник в бедной одежде на фоне северного осеннего пейзажа. Мой знакомый спросил: «Что значит слово «странник»? Он что – странный?». – «Да, – ответил я, – отчасти. Он не похож на обычных городских жителей. Но главное то, что он странствует по святым местам; он – паломник, пилигрим».

В словаре Даля слово «странный» толкуется так: чужой, необычный, особенный, чудак. Более позднее определение звучит: «странный – непонятный, вызывающий недоумение».

Мне близко это слово в обоих смыслах. Я сам, видимо, странный человек. Не смотрю телевизор, не поддерживаю разговор о знаменитостях, их браках и разводах, равнодушен к страстям вокруг преимуществ той или иной спортивной команды.

В общем мнении необычный человек вызывает сначала удивление, а иногда и страх. В романе «Евгений Онегин» о Ленском сказано: «Ум пылкий и довольно странный». Ленский и Онегин беседовали о возвышенных предметах:

*«Племен минувших договоры,
Плоды наук, добро и зло,
И предрассудки вековые
И гроба тайны роковые,
Судьба и жизнь в свою черду...»*

Совсем не то интересовало их соседей-помещиков: «Вечный разговор про дождь, про лен, про скотный двор». Оба собеседника кажутся соседям странными, «не от мира сего». Большинство людей предпочитает разговор на бытовые темы...

Такой подход был близок и Байрону. Он писал:

*«Конечно, человек – престранный зверь,
И странное находит применение
Своим чудесным склонностям...»*

В книге братьев Стругацких «Трудно быть богом» странниками называется своего рода рыцарский орден разведчиков Земли в архаичном тоталитарном мире другой планеты. Им нельзя вмешиваться в эту жизнь. Однако они пытаются спасти отдельных талантливых людей, а также любимую женщину главного героя. Но это у них не получается. А главное – их не понимают. Героиня романа, прекрасная девушка так говорит своему избраннику: «Иногда я не могу понять, почему ты не бьешь меня» – «То есть как это, почему не бью? – растерянно спросил он. – Разве тебя можно бить?» – «Ты не просто добрый, хороший человек, – продолжала она, не слушая. – Ты еще и очень странный человек. Ты словно архангел...»

Во все времена существовали люди, не разделявшие общепринятые подходы. Таким был русский поэт А.К.Толстой – «Двух станов не боец», пытавшийся всю жизнь идти «против течения».

Байрон также большую часть жизни «плыл против течения». Он пошел наперекор своему обществу, времени, и, отчасти, власти. Из-за этого ему пришлось покинуть родину. Поэтому творчество Байрона до сих пор не в почете в Англии; его наследие пытаются замолчать, не изучают в элитных учебных заведениях.

Однако, присутствие таких людей придает особый оттенок современной им эпохе. И, случается, что со временем их идеи и взгляды находят большее понимание в обществе.

**МОЯ ПОЕЗДКА В ВЕЛИКОБРИТАНИЮ,
или КАК Я ОТКРЫЛ АНГЛИЙСКИМ ФИЛОЛОГАМ
ТВОРЧЕСТВО БАЙРОНА И ВАЛЬТЕРА СКОТТА**

В свое время я познакомился в Москве с английской парой, Беном и Софи – выпускниками лучшего в мире университета в Оксфорде. Как-то раз я сообщил Бену, что читаю поэму Байрона – «Дон-Жуан». На что Бен мне меланхолично ответил: «Сэргей Никитич, а мы Байрона нэ проходили». «Стран-

но», – удивился я. – «Вы ведь слышали о том, что был такой поэт? Наверняка можно найти его стихи в оригинале и у нас, в Москве». При следующей встрече Бен с благодарностью сообщил мне, что отыскал эту поэму и читает ее с удовольствием. Впоследствии я узнал, что Байрон в Англии считается чем-то вроде «врага народа» – потому что был бонапартистом.

Но это было позже... А пока я показывал моему знакомому русское искусство и архитектуру, водил в Кремль и в Третьяковку. Бен стал немного лучше понимать русский язык и культуру.

Со временем мы почувствовали друг к другу всё большее расположение и вскоре Бен пригласил меня в Англию.

...Я в Лондоне Конец июня, +30 С. Молодежь плещется в бассейне у колонны Нельсона. Интересуюсь – где же знаменитые лондонские туманы? И слышу в ответ: «Это не более чем коммунистическая пропаганда». Всё, конечно же, сложнее. Во-первых, туманы бывают – осенью и зимой. Во-вторых – раньше было много смога из-за того, что лондонцы углем топили печи и камины, и город был от этого черно-серым. А сейчас разрешается пользоваться только древесным углем – но это дорого, камины простаивают, экология улучшается!

Лондон – очаровательный, чистый, разноцветный город. Строек очень мало. Проходя по городу целый день, я заметил, что обувь совершенно не запылилась!

Наши экскурсии мы начали с Британского музея. Я, как поклонник античности, направился прежде всего туда, где хранятся фрагменты фриз работы Фидия, скульптуры Парфенона и античные камеи. Непредвиденное затруднение – я не знал, как по-английски будет звучать слово «камея» и Бен не мог меня понять. Тем не менее, гуляя по музею, мы случайно набрали на нужный зал. Приятно!

Помимо всего прочего, мне посчастливилось присутствовать на заседании палаты общин. Оказалось, что Бен происходит из знатной семьи и его отец, ни много ни мало, лорд.

Мне показали Лондон, в том числе мемориал Виктории и Альберта, но больше всего запомнился памятник Нельсону – простой, устремленный ввысь, без излишних реалистических подробностей. Очень интересен Гайд-парк – там собраны деревья со всего света; некоторые из них с красной или желтой листвой во все сезоны.

Бен с женой занимали половину небольшого старинного двухэтажного дома. К вопросу об английских традициях: в ванной краны с холодной и горячей водой были отдельные, без смесителя. Англичане в старых домах не знают, что такое душ и вытираются сразу после ванны.

Дня через три хозяин объявляет мне, что они с женой должны завтра улететь на свадьбу друга и я остаюсь один! Сначала было страшно находиться одному в чужом городе да еще со слабым знанием языка. Но, несмотря на это, мне дали ключ от квартиры, проездной на метро и «помахали ручкой». У меня была карта Лондона, ориентируясь по которой, я продолжил свои путешествия по музеям и паркам. Через три дня звонок в дверь: хозяева вернулись! Иронично спрашивают: «Вы еще живы?». Оказалось, что жив!

Мы продолжили наши экскурсии. Вестминстерское аббатство, где проходят коронации, очень красиво, но прежде всего пышно и помпезно. Елизавета и Мария Стюарт (сводные сестры) лежат под одним сводом; но здесь не принято вспоминать, что Мария была казнена по приказу Елизаветы. Здесь же похоронены английские премьеры и многие знаменитости. Скромная доска с именем Байрона установлена лишь в XX веке и, похоже, больше для иностранцев.

Озерный край, северо-западная Англия... Для меня было важно посещение этих мест, связанных с именем поэта Вордсворта. Осматривая его мемориал, мы остановились у книжного киоска. Бен увидел, в числе прочего, романы Вальтера Скотта, и спросил меня, какой из них стоит прочесть для начала. Я посоветовал ему начать с романа «Роб Рой». Так он и сделал.

На следующий день мы были уже в Шотландии и остановились на ночь в одном маленьком городке. Ночью нас беспокоили не комары, а мошка (как у нас на Севере) поэтому окна пришлось закрыть. Наутро я заметил, что Бен как-то «не в себе», и поинтересовался, не болен ли он? «Я вашего Вальтера Скотта до двух часов ночи читал!» – был ответ. «Ну вот, приехали!» – подумал я. – «Вальтер Скотт – мой, Байрон – тоже мой...» Тут уместно спросить – если выпускники Оксфорда не изучали творчество двух выдающихся английских писателей, то чем же они там вообще занимались? Наверное, компьютерами...

Мой хозяин спросил между делом о том, как в России относятся к шотландцам. «Никак» – ответил я. Конечно, образованные люди слышали о Шотландии – кто больше, кто меньше. Главное же – стихи шотландских поэтов. Благодаря переводам Маршака тиражи книг Бёрнса в Советском Союзе превзошли его тиражи на родине. У нас было известно о том, что шотландцы – свободолюбивый народ, веками отстаивавший свою независимость от Англии. Но мало кто знал о том, что две страны объединились в тот момент, когда в Англии пресеклась очередная династия, в связи с чем английский парламент пригласил править Англией шотландского короля.

...Потом был Эдинбург. Этот город гораздо меньше и беднее Лондона. Там не было кардинальной чистки стен от вековых отложений сажи и копоти. Поэтому Эдинбург остался, в основном, темно-серым – в отличие от Лондона. Эдинбургский замок стоит на горе – создается ощущение вертикали; каменные лестницы, ведущие наверх, очень круты. Сам город ограничен в площади и не может развиваться вширь, там много необычных зданий и памятников. Эдинбург можно легко обойти, но расставаться с ним не хочется...

Во время посещения шотландского национального музея Бен внезапно спросил меня: «Сэргей Никитич, а Вы – джентльмен?» Я растерялся и неуверенно ответил: «Да-а». По возвращении домой я вспомнил этот эпизод в разговоре с сыном. Он заметил, что для англичан джентльмен только тот, кто окончил закрытую школу и после этого – один из английских университетов, лучше Оксфорд или Кембридж.

...О Шотландии я слышал давно, от двоюродного брата, члена общества «Шотландия-СССР». Когда-то он сказал мне, что начал читать романы Вальтера Скотта и не может остановиться. Потом я сам стал читать все его книги, какие только удавалось найти. Наконец, я получил в подарок собрание его сочинений. К моменту поездки в Англию и Шотландию я просто жил Вальтером Скоттом. Это – мир границы, где с виду ничего не происходит, но в любой момент может что-то случиться – начнутся стычки, появится отряд разбойников или начнется война.

Может быть, не все знают, что оба они (Бёрнс и В. Скотт) писали по-английски. По-английски же говорили жители больших городов: Глазго и Эдинбурга. А дальше начинался мир кла-

нов, где все разговаривали по-гэльски. Обитатели южных районов занимались земледелием. Те кланы, что жили повыше в горах, помимо этого, были и скотоводами. Те, что укрепились выше, еще и охотились. Горцы верхнего яруса могли только охотиться, и иногда разбойничали. Выше всех, на голых скалах жил клан «Мак ду» (клан духов), где разбой был единственным промыслом. Но их южные соседи совсем не были овечками. В ответ на нападения они разоряли утлые хижины жителей высокогогорья. Однако через какое-то время жители скал (хайлендеры) возвращались на свои пепелища и все начиналось с начала...

Характерным для горных кланов был мрачный гимн под названием «Проклятие трусу»:

А тот из нас, кто бросит бой,
И клан в беде оставит свой,
Не жди пощады никакой!
Нет, с прахом предков жалкий свой
Прах не смешать ему!

И этот грозный клич во мгле
Орла встревожил на скале,
И, словно отклик боевой,
В лесу раздался волчий вой.

На всё это накладывались религиозные и династические распри. Реформация в Шотландии шла медленнее, чем в Англии, а север долго оставался оплотом католицизма. Если очередной претендент на шотландский (или английский) трон бывал разбит, то просто отступал в горы Шотландии; в крайнем случае – отплывал во Францию. Через некоторое время он мог вернуться во главе отряда и поднять знамя восстания. И всегда находились люди, которые были чем-то недовольны и считали мирное хозяйство делом совсем не мужским, а вот войну... Этим они напоминали жителей Кавказа.

Вернувшись в Москву, я написал своим гостеприимным хозяевам письмо с благодарностью, но ответа, увы, не получил. Иногда мне кажется, что я вел себя в гостях как-то не так, наверное, много разговаривал. Не джентльмен! А может, это психологическая компенсация за то, что я позволил себе знать что-

то об английской литературе больше англичан?... А может быть, дело в том, что Бен – аристократ?

Мне кажется, что Шотландия чем-то похожа на Россию...

ИСТОРИЯ МЫШОНКА

Мышонок нечаянно отстал от выводка и мамы-мышки. Остался он один... всё вокруг стало тревожным. Писк других мышей слышался слабо. Он заглядывал в разные щели, закоулки, но никого не находил. Вдруг перед ним оказалась большая мышь и спросила строго:

– А ты кто?

– Я – Ник, – ответил мышонок.

– А где твоя мама?

– Не знаю... я отстал от своих.

– Ну ладно! Иди со мной – у меня как раз пропал мышонок твоего возраста. Его съела кошка.

– А кошка очень страшная?

– Очень. Главное – не зевай! Она большая, пушистая и любит мурлыкать... или притворяется спящей, чтобы внезапно наброситься на кого-то из нас. Будешь жить со мною, не отходи от норки.

Мышонок Ник стал жить с приемной матерью – большой мышью. Она была похожа на родную маму – и непохожа. Мама его любила больше, но у него было еще два брата и две сестры. А здесь он был один, и чувствовал, что его новая мама всё время думает только о нем. Она обучала его всем мышиным делам: поискам еды и осторожности. Постепенно Ник начал видеть кошку издали, стал понимать, кто быстрее добегит до спасительной норки – он или кошка. Потом он научился внимательнее различать звуки, запахи, внимательнее смотреть на окружающее и пытался выглядывать в заманчивый и опасный верхний мир, где жила кошка и огромные страшные люди. Оттуда доносились удивительно вкусные запахи.

А потом нужно было освоить время суток – день, когда всё хорошо видно и поэтому опасно, и ночь, когда видно хуже, но спокойнее...

В мышинном сообществе Большую Мышь уважали. При ее приближении можно было услышать: «Эта мышь – Большая

Мышь, ей никто не скажет: “Кыш!”; или так: «Это мышь, а вот мышá, тоже очень хороша!» Но вот как-то раз обитатели подвала услышали ужасный шум, грохот опрокидываемой мебели и громкий голос незнакомого зверя. Но Большая Мышь уже все знала: «Наверху появилась собака и кошке будет плохо. Громкий голос собаки называется лаем». Остальные мыши удивлялись. Они считали, что сильнее кошки зверя нет. «Что же теперь с нами будет?» – волновались они. – «Неужели у нас появился новый, еще более страшный враг?» Большая Мышь поспешила их успокоить: «Нет, собака мышей не ловит, напротив она преследует кошку». И действительно, вскоре, спасаясь от собаки, кошка спустилась в подвал. На этот раз хищница никого не преследовала, только зализывала раны, а потом и вовсе исчезла.

Мышонок набирался опыта и выросл.

НЕРАЗДЕЛЁННОСТЬ

Она, как Нимфа, появилась из реки, –
Сам перст судьбы её одну отметил сразу,
Был пыл надежды, были так уже близки,
Что даже солнце улыбнулось добрым глазом,

И в брызгах радужных стекающей воды,
В игре лучей переливалось и блестело,
Небрежно сбросив белой лилии цветы,
Её изящное в изгибах линий тело;

Полуулыбкой рот жемчужный чуть прикрыв.
С глубоким взглядом, увлажнённым поволокой,
Укрыв стремительность, внезапность и порыв,
Лила вокруг флюидов томные потоки; –

Был импульс больше, чем охотничий азарт,
Забылись все, что были прежде в этом мире,
И буйно вспыхнул всех нейронов миллиард, –
Хотелось петь, летать, играть на сладкой лире,

Хотелось с нею... трепетать на берегу
И долго, с чувством изучать... в ночи... светила, –
Её я в памяти надолго сберегу, –
Всё, что в тот вечер страстный между нами было...

Но... связь вдруг хрустнула... и всё оборвалось, –
Она ушла и даже слова не сказала,
Как будто вздрогнула рывком земная ось, –
А было сил души истрачено немало;

Движеньем форм чуть-чуть вильнув, она ушла,
В груди навек оставив только боль и муку, –
Лишь сувенир один блестящий забрала
...А ведь была... не меньше метра эта ЩУКА!

ПО САМЮЭЛЮ КОЛЬРИДЖУ

Стихо-огородное

*«Поэзия есть – лучшие слова в лучшем порядке»
Сэмюэл Тэйлор Кольридж*

Бывая нервным, рваным или гладким,
Бывая острым, горьким или сладким,
Но общий замысел поэзии таков –
Стихи – есть строчки самых нужных лучших слов,
Что в наилучшем шествуют порядке, –
И гармоничном, и афористичном;
Стихи – они как в огороде грядки,
Где мятный дух и аромат... клубничный, –
Слова в строке – как разные посадки –
Есть хрен да редька, стрелы лука с чесноком,
Бывает, заумь тоже лезет сорняком, –
Её – долой с пределов огорода,
И лить нельзя в больших объёмах воду,
Долой зловредных всяких паразитов –
Таких, как «уж» и «так сказать» и «как бы», –
А то, жуками этими побиты,
Идеи жухнут, стебли мыслей – слабы;
Ещё на грядках, между строчек, там да тут
Порой фантазии цветастые растут,
Блестят конфетки, для ушей висит лапша,
Бальзам на душу каплями свисает, –
И от камней освобождается душа –
Лапша с бальзамом, видимо, спасают...
И сквозь обложку, как калитку в огород,
На строчки-грядки ... иногда идёт народ.

О ГЛАГОЛЬНЫХ РИФМАХ

Поэт – свои вирши верши и пиши,
 Но рифмой глагольной грешить не спеши,
 И лучше глагольные вспышки души
 Словарным запасом туши и души.
 Глагольные рифмы несложно найти,
 Но мало искусства на этом пути,
 А если глагольная рифма нужна,
 То острой и точной должна быть она,
 Уж коли нетленные мысли пришли,
 То Музу ты рифмой глагольной не зли –
 Ведь Музу, как Мать, все должны понимать,
 Любить и лелеять её – вашу Мать!

ВОЛНОВОЙ ПРОЦЕСС

Стою на рейде, вдаль гляжу – в морской простор,
 А такалаж с бакштагом травят разговор,
 Вон бригантина – элегантная весьма, –
 В ней что передние обводы, что корма,
 А как приспустит белый парусный наряд –
 Какая палуба волнует сразу взгляд,
 В ней томных специй тонкий чайный аромат,
 А я – простой патрульный пушечный фрегат,
 Насквозь пропахший солониной, табаком,
 Немного – грогом, ромом, пороха дымком,
 Привыкший пушечным грозит кулаком,
 И выражаться неформальным языком;
 Там имя – «Санта...» – дальше трудно разобрать, –
 Мешает пены блеск, да волн гребнистых рать,
 И как сережки, якоря блестят её...
 И...что-то, силится волнение моё,
 Как нежно склянок голосок ее поёт,
 И как дельфин, над рябью волн вершит полёт,
 А приукрашена, как будто вышла в свет,
 И в ожерельях брызг свой дарит силуэт.

И вьётся рядом белых чаек ореол,
 Вот зацепила.., – что бушприт мой в ней нашёл?
 И мостик тоже мой в волнении дрожит –
 Душа его ко шхунам прежним не лежит.
 Она – не старая посудина и хлам,
 И как виляет всяким встречным кораблям,
 Им, как платочком, машет флагом на ветру,
 – Ну, – это явно, мне совсем не по нутру;
 Увы, мой голос не умеет нежным быть, –
 Как надоело – всё гонять, стрелять, топить, –
 Вот если б вдруг на ней решился капитан
 К моим бортам её приблизить стройный стан
 С ней борт о борт могли б тереться на волне, –
 Какого ж дьявола торчу я в стороне, –
 Могли б иметь весёлых славных кораблят, –
 Хотя бы тех, что в лужах по ветру скользят,
 А то ведь, нету личной жизни никакой
 В моей просоленной волной судьбе морской,
 И силы есть пока немалые во мне,
 И по постройке я весьма ещё вполне, –
 Свистать наверх! Живее выбрать якоря! –
 Чего, как щепка, на волне болтаться зря?!
 Пора в кильватер к ней пристроиться давно, –
 Там разбёремся – что судьбой предreshено...
 Она ж ... махнула белым платьем, и...увы... –
 Такой сюжет в судьбе могли иметь и Вы,
 Но, может, мне когда случиться на пути
 От скал, пирата, иль беды её спасти...
 Ну что – прошляпили? – уходит вдаль она!..
 Но как волнует всё же... новая весна...

ЗИМНЯЯ ИДИЛЛИЯ

Белый пух за узорным морозным стеклом,
 И малиновый звон над рекой и селом,
 Снегири гроздь змией рябины трясут,
 Вороньё с высоты свой вершит пересуд,

О дымах из печей и овинах в снегу,
 О саях с ребятей на крутом берегу;
     Дышит паром лошадка, фырча под уздой
     И клоч сена из торбы считая едой,
 А из кузни доносится молота стук, –
 Видно, чуют весну борона или плуг,
     На чужого кота вяло гавкнул барбос, –
     Кот степенно залез на плетень от угроз;
 С коромыслом грудастая баба плывёт,
 Рубит прорубь при баньке весёлый народ,
     Под пешнями осколками брызгает лёд, –
     Скоро к проруби рыбка дышать подойдёт, –
 Может, волка хвостом порыбачить слегка
 Надоумит лиса, да сподобит река, ...
     Поп от бабы вильнул, как от ладана чёрт –
     То ли вёдра пусты, то ли возраст не тот,
 Где-то блеет несмело скотинка в хлеву, ...
 В этих строчках, кажись, – в старине я живу.

ЧЕРЕЗ ИСКУССТВО ИМЕЕТЕ СВЕТ

Живописное полотно знаменитого русского художника-пейзажиста XIX века «Грачи прилетели» Алексея Кондратьевича Саврасова редко кто не знает в России. Кто не смог побывать в Третьяковской художественной галерее в Москве, где оно занимает почетное место среди творений знаменитых художников-передвижников, то, начиная с букваря, каждый грамотный россиянин эту картину там видел, запомнил, полюбил.

Потому что, запечатленный Саврасовым пейзаж – это родная природа, это знакомые места, это любимые картины Родины.

Саврасов, как и многие русские художники, оставил нам богатейшее духовное наследие – искусство русской души.

Кроме созданных гениальных лирических пейзажей, он воспитал гениальных своих учеников, в числе которых Константин Коровин, Исаак Левитан и другие.

«Ступайте в природу. Там красота неизъяснимая. Весна. Надо у природы учиться. Видеть надо красоту, понять, любить. Если нет любви к природе, то не надо быть художником. Природа вечно дышит, всегда поет, и песнь ее торжественна. Нет выше наслаждения созерцания природы. Земля ведь – рай и прекрасная тайна. Прославляйте жизнь. Художник – тот же поэт. Нужно любить. Форму любить, краски... Без чувства нет произведения». Такое вдохновенное, воистину поэтическое напутствие Саврасов адресовал не только своим ученикам, но и своим непосредственным потомкам.

Природа разумна. Надеясь талантом человека, она не забывает свои вложения, а стремится их продолжить и передать от предка к потомкам.

Вот такое и произошло в династии талантливых художников, от Саврасова к его сыну, внуку, а затем и к правнуку.

Сын Алексея Кондратьевича Саврасова – Петр Петрович Павлов рос среди художников, актеров, музыкантов. Эта среда стала полем его деятельности. Профессиональный фотограф, он создал фотолетопись Москвы рубежа XIX–XX веков.

Кроме многочисленных снимков московской архитектуры, он запечатлел почти весь литературный, артистический и художественный бомонд Российской Империи того времени.

Многочисленные портреты знаменитых художников, в том числе и своего отца – Алексея Саврасова, актеров МХАТА, членов абрамцевского кружка.

Внук Саврасова – Павлов Борис Петрович – агроном и пчеловод по профессии, по призванию – художник и философ.

Как художник, он создал целую серию живописных работ, а как философ написал «Целеустремленность жизни».

А правнук Алексея Саврасова – это наш современник – Олег Борисович Павлов – талантливый художник, опытный педагог, исследователь, философ.

Олег Павлов – художник, который соответствует творческому таланту и масштабу своей потомственной знатной фамилии.

Имена великих предков, и вдохновенное напутствие прадеда художника и педагога, стали для Олега Павлова камертоном жизни.

Уже после окончания художественной школы, на просмотре работ выпускников, его талантливые работы отметил известный искусствовед и художник И. Э. Грабарь, пригласив учиться в Художественный институт им. В. И. Сурикова, где он был ректором.

Повезло Олегу и с учителями: Н. М. Чернышев, С. А. Чуйков, Л. А. Казенин, которые оказали влияние на формирование его как художника.

После окончания Института Олег много путешествует – эта смена мест и впечатлений вдохновляет его к созданию многочисленных пейзажей и портретов.

В своей творческой мастерской он проводит гостям «экскурсии», показывая работы своих творческих этапов.

«Это работы написаны на Алтае. Это Алтайский период. Алтайская серия. Я восемь раз ездил к отцу на Алтай, там и были написаны эти работы. А здесь работы Заполярья. Я совершил путешествие к Баренцеву морю. Завораживает суровая красота. Бушующее море, скалы, синие волны, а небо – будто припавшее».

В его рассказах о природе невольно всплывают из памяти вдохновенные, поэтические слова его прадеда Саврасова, сказанные о природе: «Ступайте в природу. Если нет любви к природе, то не надо быть художником».

И, конечно, третий цикл работ Павлова – юг России.

Про Олега Борисовича можно говорить бесконечно: это художник, это педагог, который проработал в Художественном институте им. Сурикова 23 года, это ученый, исследователь древнерусской живописи, это изобретатель, имеющий свой патент на создание уникальной монументальной фосфатной живописи.

Мне хочется сказать самое главное – правнук великого лирического живописца Алексея Саврасова, он унаследовал от своего прадеда духовную силу, мудрость, необыкновенную поэтичность и духовную чистоту творчества.

Как и его великий прадед, Олег Борисович – всю жизнь проводит во вдохновенном общении с природой, в поэзии странствий и в напряженной творческой работе.

Очень точно охарактеризовал его творчество, его личность как художника, его состояние души и его образ жизни известный искусствовед, профессор, действительный член Академии художеств СССР Михаил Алпатов на персональной выставке Олега Павлова:

«Одно из основных впечатлений от выставки – это душевное благородство человека и художника. Эти качества: благородство, чистота, какая-то душевная скромность... Они потону так сильны, что выражены художественно, эстетически».

Слово «выставка» содержит в себе что-то такое, что созвучно желанию «выставлять себя», «показать себя», понравиться публике. Это абсолютно отсутствует здесь. Как будто вы слышите песню, которую человек поет для себя – не актер, который ждет аплодисментов, а человек, который один где-то находится... может быть, в лесу поет, и вы случайно подслушали его песню.

Это, мне кажется, драгоценное свойство его искусства, и мы к этому не привыкли...»

Все творчество Олега Павлова пронизано восторгом бытия, любовью к простору, тишине, свету.

Он там, где свет! И это стремление к свету проходит через все его творчество.

«Через искусство имеет свет...»

ВОСТОРГ

Смотрел с восторгом на тебя,
Ведь ты – неповторима!
И мысль, что я живу любя,
Теперь неугасима.

Тревожно сердцу в пустоте, –
В туманной бездне рока –
Ты вдруг исчезла в темноте
В ночной тиши без срока...

Мне страшно радость потерять –
В вопросах без ответа,
Мгновенья счастья вспоминать,
В печалих ждать рассвета...

Мечтаю снова о тебе,
О нашей встрече жаркой, –
Горишь звездой в моей судьбе,
Из тысяч – самой яркой!

ТУФЕЛЬКА

Ты сидишь, играя туфелькой своею,
Полусняв ее, качая – ножкой на весу...
Очарован взглядом, а сказать не смею,
Как хочу запомнить я твою красу!

Не видал ни разу я таких красавиц, –
До чего изящны тонкие черты,
До чего ж прекрасен нежный твой румянец –
В сердце разыгрались пыльные мечты!

Как изящны ножки, озорна улыбка,
Искорки желанья светятся в глазах –
Взглядом зажигаешь, вижу без ошибки, –
И в любви грядущей нам неведом страх!..

В ЛЕСУ

Вновь задумчивый лес затуманил мне душу –
Шум листвы разбудил в сердце жажду любви,
Но волненьем груди – тишину не нарушу, –
Я боюсь заглушить нежный шёпот листвы.

И стою, очарованный шелестом листьев,
И не знаю зачем, и куда мне идти...
И смотрю сквозь листву в занебесные выси –
Заколдованный лесом, в земном забытии.

* * *

В глухой немоте крик души разбужу
И в сердце раскрытое – песню вложу,
И солнце взойдёт над землёю –
Растает – туманом глухая тоска
И Вечность далёкая станет близка –
Звездой над моей головою!

Ладонью дотронусь до края звезды,
И сердцу не жаль будет робкой слезы –
Слезы бесконечного счастья!
Наполнится светом горячая кровь,
Любовью нальётся бессмертная новь –
И нет в жизни страха ненастья.

В любимых глазах вновь увижу мечту,
И светлую радость улыбки прочту –
Улыбки, что нету роднее...
Бездонной душою ловлю этот свет –
Из Вечности слышу сердечный привет –
И нет в мире счастья светлее!

* * *

«Знойная женщина – мечта поэта».
Остап Бендер

Вновь тревожно на сердце, – и томится душа,
И не спится в ночи беспокойной,
И не стоит страданье моё ни гроша,
Если нет рядом женщины знойной.

И томится душа в бесконечной тоске,
И колотится сердце впустую,
И пульсирует жилка, гремя на виске, –
Неужель, эта ночь – вхолостую?..

ПОЗДНИЙ ЗВОНОК

Я звоню и звоню через сумрак тревожный,
Мне так нужно твой голос услышать сейчас!..
Но в ответ тишина – и озноб невозможный
Сотрясает меня тьмой невидящих глаз.

Вспоминаю глаза – те глаза, что любили –
Из которых шёл свет изумрудных лучей!
Неужели они мою душу забыли?.. –
И уже не разжечь среди ночи огней...

И всем сердцем не веря молчанию ночи,
Я уверен – ты слышишь мой поздний звонок, –
И пускай телефон у тебя обесточен,
Дрогнет сердце твоё...

И я – не о-д-и-н-о-к!

ЗА ЧУДЕСАМИ

Не думаю о горечи
От разочарований, –
Всегда найдутся сволочи
С коробкою страданий...

Смотрю вперёд с желанием
Увидеть знаки свыше, –
Любуюсь звёзд мерцанием,
Но ничего не слышу...

И даже гром и молнии
Меня не вразумляют, –
Ищу глаза зелёные,
Которые влюбляют!

Гонюсь за удовольствием
И прочь гоню печали, –
Мне звёздное спокойствие
С небес, видать, прислали!..

* * *

Расскажу я тебе о загадочных снах,
О скитаньях ночных в иллюзорных мирах...
Там светло и легко, но не знаешь путей, –
Забываешь про всё у волшебных огней.

И не помнишь где был, не найдёшь тех дворцов,
Где счастливо бродил среди тысяч цветов, –
Остаётся в душе только сладкий туман,
Опьяняющих грёз мировой океан.

А начнёшь размышлять, попадёшь в никуда, –
Растворится с рассветом ночная звезда...
И на краешке сна ты очнёшься опять,
Чтобы снова страдать и стихи сочинять...

* * *

Серебристо-ясный вечер
Был прохладен у реки, –
Шелестел листвою ветер,
Звёзды были высоки.

И качалась тихо лодка
На волнах у камышей,
И смотрели в воду кротко –
Ива с девушкой моей.

И Луна теряла строгость,
Розовея в небесах, –
Я разжѐг прибрежный хворост,
Чтоб согреться в жарких снах...

И река ласкала косы
Тѐплой чистою водой,
И упали утром росы –
На заречный луг цветной.

Шелестел листвою ветер
Тихой музыкой вокруг,
Серебристо-ясный вечер –
Это счастье страстных рук!

ВОСКРЕСЕНИЕ

Ты была молчалива в тот вечер со мной,
Я вдыхал аромат незнакомых духов –
От тебя весь в огне, совершенно шальной
Я шептал заклинанья безумных стихов.

Ты присела к торшеру с бокалом вина,
И лицо осветилось и стало милей,
Прямо в душу твою заглянул я до дна –
И в момент загорелся от страстных огней.

И разбился бокал, и стекло на полу...
И откинулась ты, о прощенье моля...
И сгорали тела, превращаясь в золу, –
Чтоб воскресла в любви –
вся планета Земля!..

ЗЕРКАЛО ДУШИ

*Посвящается Токаревой
Валентине Викентьевне*

Наступил послевоенный 1946 год. Последствия беспощадных и кровавых событий тех лет коснулись и семьи Токаревых. Вернулся из ополчения отец Валечки. Изможденный и смертельно уставший, он задыхался в приступах мучительно-го кашля. Диагноз, поставленный докторами, сокрушал своей безысходностью: туберкулез. Отца поместили в специализированный диспансер. Валечка часто навещала папу, приносила ему кастрюльку с горячей картошкой, завернутую в шерстяной платок. Отец ласково смотрел на дочь: он всегда очень радовался ее появлению, но есть отказывался. Больной медленно угасал, и только глаза его на исхудавшем лице сияли при виде Валюши. В один из очередных дней посещения отца заведующая отделением попросила Валю зайти к ней.

В кабинете царил полумрак. Немолодая грузная женщина уже сняла с головы белоснежную шапочку и сосредоточенно курила за столом, заваленным исписанными бумагами. Она испытующе посмотрела на девушку. «То, о чем я сейчас Вам скажу, знать не должен никто. Слышите: никто», – врач отчеканивала каждое слово, – «Официальная медицина ничем помочь не может Вашему отцу. Забирайте его домой и лечите народным средством. Запоминайте рецепт». Валечка настолько внимала каждому слову доктора, что запомнила не только состав чудодейственного снадобья, но даже оттенки голоса, которым о нем говорили.

Дома папу уложили на кровать с белоснежным и накрахмаленным постельным бельем и начали обсуждать, где приобрести необходимые ингредиенты для лекарства. Свежее молоко можно купить на рынке, так как им каждое воскресное утро торгуют деревенские жители. А вот с овсом сложнее. Его, конечно, продают в числе прочих злаковых в магазинах, но, скорее всего, он залежалый. Валюше пришла в голову мысль съездить за свежим зерном на ипподром. Лошадей, участвующих в скачках, наверняка, кормят самым лучшим овсом. Не мешкая, Валюша отправилась в путь. Ей повезло в том, что комплекс для конных состязаний, эвакуированный в начале войны, уже

полноценно функционировал, так как в 1943 году его вернули на прежнее место. Девушка подробно рассказала строгому начальнику ипподрома, в чем ее нужда. При этом ее необыкновенные голубые глаза, наполненные состраданием к отцу, огромным желанием помочь ему, излучали уверенность в том, что ее поймут и обязательно помогут. Конечно, ей не отказали. Глядя вслед уходящей девушке, взвалившей на себя полмешка отборного зерна, начальник манежа с грустью думал о том, что среди его близких нет таких заботливых и любящих людей.

Валечкин папа пошел на поправку. День и ночь не затухала печь в их доме, в которой томился овес на молоке. Через полгода туберкулез был побежден.

Пролетели годы. Да что там годы, один век сменился другим, и вот уже не Валечка, а почтенная дама Валентина Викентьевна, рассказывая мне эту историю так живо и образно, как будто она произошла совсем недавно, задается вопросом, почему именно ей врач, под страхом разоблачения в невежестве, доверила метод излечения отца от страшной болезни, почему на ипподроме ей не отказали в странной просьбе и одарили первоклассным зерном. Я слушаю эту необыкновенную женщину и знаю ответ на ее вопрос.

Та прежняя молодая девушка несла в себе столько чистоты, столько кристальной веры в лучшие душевные качества человека, что сердца людей раскрывались ей навстречу. И каждый, общаясь с ней, всматриваясь в ее ясные лучистые глаза, хотел стать, хотя бы на миг, лучше, благороднее, искреннее, хотя бы на миг, стать самим собой, таким, каким изначально предназначено быть любому из нас.

«Доброта для души то же, что здоровье для тела: она незаменима, когда владеешь ею, и она дает успех во всяком деле». Это высказывание великого Льва Толстого напрямую относится к героине моего рассказа. Валечка с юного возраста обладала талантом душевной доброты. Она и сейчас, несмотря на тяжкие испытания, выпавшие на ее жизненном пути, в своем солидном девяностолетнем возрасте не растеряла этот талант. Как и прежде покоряет она окружающих сердечным теплом и открытым взглядом молодых и все понимающих глаз.

май 2013 г.

ВЕНСКИЙ ВАЛЬС

*«У меня сегодня много дела:
Надо память до конца убить,
Надо, чтоб душа окаменела,
Надо снова научиться жить...»*

Анна Ахматова «Реквием»

Сегодня ночью ей приснилась нежность. Она овладела всей ее сущностью. Волны тепла и ласки обволакивали, убаюкивали, успокаивали, и от этого где-то глубоко внутри нее появлялась робкая надежда, что все будет хорошо, обязательно все будет хорошо.

Проснувшись, она опять окунулась в состояние бескрайнего горя от осознания своей утраты: никогда, никогда уже не будет рядом такого родного и бесконечно любимого человека.

Ей давно не снились сны. И вдруг – этот, странный. Обычно снятся какие-то события, действия, предметы, а тут – чувство, состояние. Мыслями она возвращалась к этому сну, пыталась физически воспроизвести ощущение, возникшее ночью. Это удавалось, и потому хотелось верить, что отчаяние, в котором она пребывала последнее время, уйдет и уступит место светлой грусти по минувшему.

Приближался Новый год, который впервые предстояло встретить в одиночестве. Не хотелось ни о чем думать, ничего планировать. Подруга, вместе с которой они учились еще в школе, предложила отвлечься и побывать на новогоднем балу.

И вот, вечером 31 декабря, они оказались в старинном особняке, сохранившем, к полной для них неожиданности, обстановку, интерьер и даже, казалось, саму атмосферу балов прошедших времен. В овальном зале с большими, во всю стену, окнами стоял рояль, около него – празднично наряженная, вся в переливающихся огнях, елка. Под звуки танцевальной музыки кружились пары. Ведущий вечера, во фраке и с элегантною бабочкой на белоснежной манишке, бархатным баритоном объявлял название танца и предлагал поочередно, то кавалерам, то дамам, приглашать партнеров. В зале было многолюдно. Всеми присутствующими владел общий беззаботный праздничный настрой.

Мягкий свет от старинных люстр струился с потолка, освещая потолочную лепнину, картины на стенах и отполиро-

ванный деревянный паркет, по которому перемещались танцующие. Подруга выходить на танцпол не спешила, а ей не терпелось – отчаянно хотелось, забыв обо всем на свете, танцевать, танцевать и только танцевать. И она танцевала. Конечно, весельем в полном смысле этого слова происходящее назвать было трудно, но обычное ее состояние хотя бы отодвинулось на второй план. Задумчивость сменилась оживлением, но глаза ее по-прежнему выражали грусть. Она всеми силами мысленно старалась быть здесь, в этом зале, и нигде больше.

Тем временем, вечер продолжался. Танцы чередовались с исполнением народных песен, романсов и оперных арий.

Внимательно слушая выступления участников концерта, она про себя отмечала лучшие из них. И вдруг душа ее встрепенулась: зазвучала давно забытая, но такая знакомая мелодия вальса. Вальса, пришедшего из глубины времен, волновавшего воображение и заставлявшего сильнее биться сердца не одного поколения женщин. Вальса, словно возникшего из мира заветной мечты, тайного желания. Вальса, известного всей вселенной под названием Венский. Очарованная музыкой, она страстно желала оказаться среди вальсирующих пар. Ее стремление было столь выразительно, что оно не осталось незамеченным, и вскоре она получила приглашение на танец. Партнер закружил ее уверенно и умело. И ничего для нее больше не существовало вокруг: только волшебная музыка, только скольжение по паркету, только ощущение необыкновенной легкости и полета. Мелодия лилась и лилась, заполняя собой все окружающее пространство, унося ее в неведомую даль. Музыка чарующего вальса дарила ей минуты истинного блаженства. Впервые со времени рокового события робкая надежда коснулась ее души: у тебя все будет хорошо, дорогая, все непременно будет хорошо.

январь 2012 г.

БЫТЬ ТАНЦОРОМ БАЛЬНОГО ТАНЦА,
или
ЖИЗНЬ ВАДИМА ГИРШГОРНА
НА ОБИТАЕМОМ ОСТРОВЕ
БАЛЬНЫХ ТАНЦЕВ, РАССКАЗАННАЯ ИМ САМИМ

Когда мне было тридцать лет, приятель по исследовательскому институту, где я работал, предложил: «Пойдем в школу танцев: научимся танцевать, – будем ходить на вечера». Приятель ушел из танцев через два – три месяца – я остался на тридцать лет. По тем временам я не очень опоздал, раньше было принято оканчивать институт и тогда заниматься танцами.

В конце семидесятых годов балльные танцы были также бешено популярны, как в шестидесятые – семидесятые годы был популярен хоккей. Жаждающая эстетики молодежь на крупных конкурсах балльных танцев заполняла спортивные арены, ломилась в двери дворцов культуры, где проводились конкурсы меньшего масштаба. Если конкурсы проводились в фойе кинотеатров или в танцевальных залах, мест для публики традиционно не хватало и только выступления, проводимые на сценах кинотеатров или в концертных залах дворцов культуры, могли принять толпу зрителей. Чем же так увлекали участников и зрителей конкурсы балльных танцев? Возможностью прожить мечту наяву, войти в роль Золушки или Принца, станцевать свой сказочный бал, почувствовать гармонию музыки и движения, почувствовать жар и легкость тела, ощутить полет. Зал ярко освещен, прожектор слепит глаза, блестит платье партнерши, она как цветок в петлице твоего фрака. Танцоры реализовывали действие, а зрители наслаждались эстетикой танца и легко себя ассоциировали с той или иной парой, которая им нравилась. Ощущения у танцоров и зрителей по силе были сопоставимы, это оставляло глубокий эмоциональный след. Мой товарищ по танцам Юра любил спрашивать: – Ты принимал участие в конкурсе? – Да. – Поздравляю тебя с праздником! А в качестве кого ты был на конкурсе, в качестве танцора или зрителя? – Так он подчеркивал равноценность зрительского и исполнительского участия.

На подготовку к конкурсным выступлениям у меня ушло два года. Несколько раз прошел программу школы танцев, участвовал в выступлениях ансамблей на сцене и потом перешел к активным выступлениям в конкурсах. В ходе изучения тан-

цев мне очень нравилось, что каждый из них имеет внутреннее фольклорное наполнение, свою «начинку». Например, в танго нет такого естественного шага – переката с каблука на носок, как в фокстротах и вальсах. Это объясняется тем, что аргентинские пастухи «гаучо» приезжали танцевать танго прямо в сапогах со шпорами и, если идти с каблука, споткнешься или испортишь пол. Поэтому они шагали с боковой кромки подошвы, которая ближе к каблуку перекатом на другую кромку подошвы, которая ближе к носку, тогда шпоры оставались в стороне, партнерши копировали их стиль. Из-за ношения сомбреро в танго не принято держать голову так высоко, как в фокстротах и вальсах, ведь шляпа, теперь уже воображаемая, могла бы свалиться. Когда я выполнял в бразильской самбе фигуру «ботафого», я знал, что это река под Рио-де-Жанейро и, судя по танцу, резко меняющая направление. А когда мы танцевали в испанском посодобле фигуру «бандерильи», мы имитировали вонзание этих копий в тело быка. Здорово!

Наверное, прежде чем вспоминать о конкурсах, мне нужно сказать несколько слов об отношениях партнеров и партнерш для понимания атмосферы, в которой творится красота танца. Никакой такой особой «клубнички» в этих отношениях нет и вряд ли правомерно мысленно примерять атмосферу пьяных корпоративов на занятия спортивными танцами на льду или на паркете. Конечно, длительные совместные занятия спортом сближают молодых людей, в период 18-25 лет заключаются браки; иногда, но не как правило, возникают близкие отношения в паре и танцы благодаря общей спортивной карьере стабилизируют их. Профессиональные танцоры, преподаватели, женятся в танцевальной среде, укрепляя свою танцевальную пару или создавая новую. Танцоры и танцовки старше тридцати лет, не ставшие профессионалами (то есть не зарабатывающие на жизнь преподаванием танца) редко меняют свой образ жизни или личную жизнь ради увлечения танцем. Я в своем танцевальном коллективе, состоявшем из людей тридцати – тридцати пяти летнего возраста, не вспомню случая изменения семейного статуса человека, связанного с танцевальной конъюнктурой. Танцы вовлекали в свою орбиту и много одиноких людей. Возможно, для кого-то это был наркотик, дававший ощущение счастья, дефицитного в реальной жизни, для кого-то местом общения, средой.

Когда Золушка или Принц собираются на бал, их охватывает множество приятных хлопот. Костюмы и туфли либо подарены феей, либо сшиты у портных и куплены в магазинах. Для ансамблевых выступлений одежду шили специализированные мастерские. Конкурсные костюмы и платья заказывали либо у частных мастеров на дому, либо в театральных мастерских. Как пользоваться косметикой нам дал мастер – класс гример. Партнерши взяли это на вооружение, а партнеры решили в основном воздержаться, только один из нас танцевал с макияжем. Когда едешь на конкурс в другой город, партнерши везут с собой не только платья, но и косметику. Однажды в Москве я смотрел конкурс, где танцевала приятная юниорская пара из Воронежа. На обратном пути я встретил их в метро: партнер нес костюмы, а девушка два пластиковых мешка (два мешка!) косметики. При выезде на конкурс лучше захватить с собой и булавки для крепления номера на спине партнера – не всегда организаторы конкурса заботятся об этом.

Каждый из нас может пойти и, купив билет, посмотреть конкурс бальных танцев, поэтому я не буду описывать пластичку исполнителей, лучше я расскажу вам, о чем думает танцор в ходе конкурса и что является предметом его забот. Вот ты приехал в ДК или клуб, где проводится конкурс, ваша пара в полном составе. Публики еще нет, но уже звучит музыка; надо зарегистрировать свою пару для протокола конкурса и, пока без костюма, надев только обувь, провести разминку, почувствовать паркет, скольжение. Надо быть бдительным уже сейчас: судьи народ ответственный – некоторые, возможно, уже приехали и наблюдают за тобой, решают какой паре отдать предпочтение. Потом участники конкурса одевают костюмы в раздевалках и партнерша либо твой знакомый участник конкурса прикалывают присвоенный номер тебе на спину. Теперь нужно посмотреть объявление, в каком заходе (то есть в какой группе исполнителей) ты танцуешь, с кем одновременно ты будешь выходить на площадку: заходам присваиваются порядковые номера, и через громкоговоритель ведущий будет объявлять их. Малые конкурсы имеют полуфинал и финал, большие предваряются четвертьфиналом, а иногда программу приходится танцевать четыре раза, когда есть одна восьмая финала. В этом случае для облегчения начальную фазу конкурса урезают на один – два танца.

Конкурсным танцам предшествует парад-алле. Звучит музыка в ритме марша, и пары из-за кулис проходят одна за другой через центр зала. Я, как партнер, с поднятой головой, повернутой слегка в сторону моей партнерши, должен вести ее, следуя за передней парой, и улыбаться партнерше и публике. Этому уделено мое внимание, здесь элемент настроения и актерской игры. Затем, разбившись на правый и левый ручейки, пары возвращаются и снова проходят зал уже не по одной, а взявшись за руки шеренгой в две пары. Если моя пара правая, то сближаясь с другой парой, я должен повернуть голову к чужой партнерше и, улыбнувшись, предложить ей руку; при расхождении пар – снова улыбка уходящей паре. В остальное время парада край поля зрения все время обращен на мою партнершу: я создаю ореол обожания вокруг нее, – бриллианту надо дать достойную оправу. Пары останавливаются по обе стороны зала, смолкает музыка. Начинается представление пар: называется номер пары, фамилия и имя сначала партнера, затем партнерши и клуб, который они представляют. В момент окончания объявления партнер должен вывести партнершу на поклон. В основном есть два варианта поклона пары, исполнение которого партнер и партнерша между собой оговаривают. Первый – рука об руку выйти с партнершей немного вперед и, подкручивая ее, с руки дать ей ускорение от себя, к центру зала. Вращаясь, она пролетает несколько метров и делает реверанс, партнер, оставшийся сзади, синхронно кланяется. Очень эффектное представление, но обычно здесь один реверанс и один поклон партнера. Второй вариант – выйдя на несколько шагов вперед и подкручивая партнершу, перевести ее со своей правой руки на левую руку и вместе поклониться, затем, оставаясь на месте обоим развернуться на сто восемьдесят градусов, и снова поклониться, другой стороне зала. Этот вариант хорош тем, что можно поприветствовать и судейскую коллегия и публику. Под музыку пары уходят.

Последнее, что можно сделать перед выходом, если туфли слишком скользят, это постоять на тальке, специально насыщенном в уголке. Но вот объявили номер вашей пары, вы вышли на паркет, зазвучала музыка. О чем думает партнер, ведя свою партнершу? Открываю тебе, читатель, кухню бального танца. Мысли приблизительно такие: «Сейчас надо выйти на длинную сторону зала, чтобы все эффектные фигуры были

станцованы на длинной линии танца и не смазывались необходимостью поворота. А вот эта пара намеренно нас прессингует. Идут наперерез, чтобы мы застопорили и выглядели нелепо, а они пойдут по чистой воде. Нет, мы обойдем их с этой стороны и выполним движения без снижения амплитуды». С намеренным прессингом сталкиваешься редко, но спорадические свалки и заторы бывают. Раньше пилоты в воздушном бою вертели головами, чтобы не быть сбитыми – партнер же должен осматриваться вокруг, не меняя положения головы и выражения лица, к которому приклеена легкая улыбка. Если на паркете четыре пары, то оглядываться достаточно два – три раза за танец, но если число пар приближается к восьми, необходимость контроля становится постоянной: опыт и чутье в этом твои союзники.

О чем думает танцор, выступая в составе ансамбля? «Мы идем хорошо, расстояние между парой перед нами и последующей выдерживается. Вот здесь сосед недосмотрел, надо это компенсировать. Внимание! Ансамблевое исполнение фигуры».

В начале восьмидесятых годов танцы сильно помолодели, обучение стали начинать с пятилетнего возраста. Очень перспективный танцор лет двадцати пяти жаловался нам: «Мы вышли на паркет, а рядом тринадцатилетние пары – и у всех у нас глупый вид». Чтобы избежать таких казусов, возрастные границы стали четче. Танцоров за тридцать выделили в группу «сеньоров». Помню такой показательный мини конкурс для утверждения этого статуса, когда в двух заходах (то есть параллельно) участвовали четыре пары до тридцатилетнего возраста и четыре пары старше тридцати лет, в этом заходе танцевал и я. В составе судейской бригады был и Станислав Попов, лауреат Всесоюзных конкурсов, виднейший организатор бальных танцев в стране. Поскольку он был выездным, то проходил стажировку в Англии, и это дало ему возможность, как я слышал, войти в десятку лучших танцоров мира. Неплохой результат для начинающей спортивной федерации. Попов привозил из Англии новые манеры исполнения, на которые у нас был информационный голод, не без юмора эти новинки называли «поповщиной».

В числе трех пар, вышедших со мной на паркет, был тренер, у которого я занимался года за два перед этим. От него мы тогда тоже требовали новинок, и он, в конце концов, привел к нам на

семинар пару, занимающуюся у Попова. Но, отбиваясь от нас, он любил поговорить об отсутствии у нас классности исполнения и фактуры. Когда касалось меня, делались прямые намеки на уже тогда слабую шевелюру. – Как же так, – удивлялся я, – вчера на большом конкурсе во дворце ЦСКА от студии Раздвогина выступал танцор без шевелюры и он занял третье место? – Всего лишь третье, – неудачно парировал тренер. Оказавшись на одном паркете, я выиграл у моего оппонента европейскую программу, занял первое место при судействе ведущими танцорами страны и тем поставил точку на его недобросовестности. В латиноамериканской программе выиграл он, я взял второе или третье место, но это уже ничего не меняло.

Была ли оборотная сторона у бальных танцев? К сожалению, да, но это есть везде. Вспоминаю, на фуршете, последовавшим за этим конкурсом, напротив друг друга поднимали бокалы за развитие бального танца один набиравший влияние танцор и его виз-а-ви, известный танцор, опасавшийся этого усиления. Последний недавно вышел из тюрьмы, отсидев за то, что заказал своего конкурента, но исполнители физической акции его сдали, и незадачливый организатор получил срок. Об этом скандале писали газеты, и это было одним из первых публичных дел за передел сферы влияния в нашей стране. Что еще сказать об издержках в бальных танцах? Здесь мне нужно выдержать меру, чтобы не свалиться в пересуды. Иногда конкурсы судились несправедливо. Приблизительно по тем же причинам, что и договорные матчи в футболе. Полагаю, в восьмидесятые годы за этим не стояли деньги, но вопросы карьеры – конечно. К примеру, помню конкурс юниоров в ДК «Крылья Советов», там танцевала прекрасная пара из Ленинграда, но по сговору судей она в европейской программе не получила даже призового места. После того, как ведущий объявил результаты в европейской программе и наградил пары, пользуясь малым размером зала, я сказал в голос: «Ну, а ленинградцы?!» И тут судьи поняли, что король голый. Я расстроился за, в общем, незнакомых мне ребят и ушел с конкурса (кстати, там судил и тренер, у которого я выиграл европейскую программу). Потом мне сказали, что в латиноамериканской программе ленинградцы взяли первое место. Конечно, надо же было судьям отмыться.

Какие проколы при конкурсном исполнении танца? Бывают. Например, падения, потеря туфли, открепление номера

на спине, муссировались слухи о расстегивании женских бретелек, улете мужских париков. Не забуду падения пары при исполнении быстрого фокстрота на конкурсе в кинотеатре «София», по моему в 81-м году, организатором конкурса был Кузнецов со своим ансамблем. Поскольку в какие-то моменты исполнения контактного танца танцоры стоят на двух точках: на носке одной ноги и на каблук другой, – неверный шаг одного из партнеров может привести к падению пары. Ребята, падая, проехали по полу, но сразу вскочили и продолжили танцевать.

В конце 70-х и первой половине 80-х годов в Москву часто приезжала из Литвы пара муж и жена Норвайши иногда со своим коллективом. Они до начала поступления к нам информации из Англии привозили европейские новинки. В показательных выступлениях Норвайшей был сценический трюк, когда партнерша теряла туфлю и дотанцовывала без нее, показывая всем, что даже это не может повлиять на классность исполнения танцорки. На одном из конкурсов на медленном фокстроте у моей партнерши Танюши Логиновой подвернулась туфля и полтора – два метра мы танцевали на трех ногах, после чего она встала на обе туфли. При этом наша пара не дрогнула ни головами, ни плечами. Я поразился, как она смогла так обезвредить свое тело, но чисто технически это объяснялось хорошей центровкой корпусов и жесткой постановкой рук.

Наиболее примечательным из судей на том конкурсе был известный танцор Кондрашов, который все время ставил нам первые места, кстати, он судил меня неоднократно. Когда я сталкивался с ним в метро, мы уже узнавали друг друга, и он успевал поздороваться первым, мне было приятно его внимание. Хотелось бы сказать о нем несколько слов. Игорь Кондрашов – очень талантливый танцор международного класса, заслуженно носящий звание чемпиона СССР в латиноамериканских танцах. Его привезла в Москву чуть ли не с Дальнего Востока известная в 80-е годы исполнительница «латины» Пикарская, и было что везти: Кондрашов подкупал всех своим исполнительским обаянием. Когда Станислав Попов закончил свои выступления, думаю, неслучайно он передал свою молодую партнершу Ирину Остроумову для публичных выступлений именно Кондрашову. Конечно, это объясняется близостью их художественных вкусов. Много на моем танцевальном

пути не позволила реализовать жизнь и околотанцевальная конъюнктура, но я могу себя утешать надеждой, что положительное суждение этих двух легендарных исполнителей не было случайным и мое танцевание как-то соответствовало их эстетическим установкам.

Подобно тому, как планеты солнечной системы, вращаясь по орбитам, участвуют и в движении Галактики, мы (такое ощущение было) участвовали в процессе взаимного обогащения танцевальных культур разных стран. В 1979 году Чемпионат Социалистических стран проходил в Москве. Помню, мне понравилось очень хорошее исполнение европейских танцев танцором из ГДР (вытаскивая информацию из интернета, думаю, это был Франк Вигант). Об этой манере исполнения нам говорил и тренер, но немецкий танцор впечатал мне это в память и при этом дал наглядный эстетический урок. Позже стали приезжать англичане и мы наряду с великолепными танцами почувствовали английский юмор, их манеру публично подтрунивать над партнершами, к которой, может, не все были готовы и не сразу привыкли. Например, когда после танца партнер картинно стряхивал пот со лба, партнерша отбегала от якобы летящих капель. Как-то во Дворец Молодежи на Комсомольском проспекте Станислав Попов привез для показательных выступлений английскую пару чемпионов мира, и это опять было сочетание высочайшего мастерства и шуток. В промежутке между танцами Попов обратился к партнеру: «Ваша партнерша одна из самых красивых женщин мира танцев, если не самая красивая!» Англичанин ответил: «Станислав, я бы Вам посоветовал надеть очки!».

9 мая 1984 года наш коллектив выступал со сцены зеленого театра в парке Горького. Сюда пришло несколько тысяч чрезвычайно доброжелательных москвичей встретивших и проводивших нас аплодисментами. Но не это запомнилось мне: перед выступлением, разминаясь, мы с партнершей танцевали на сцене под фонограмму медленный вальс. Зеленый театр был практически пуст, может, несколько человек. И юноша, одиноко сидящий на скамейке, в середине исполнения крикнул мне: «Парень, браво!» Он, наверняка, просто пришел погулять в парк, не был фанатом-балликом, но он увидел танец и сам, без ажиотажа толпы, сформировал отношение к нему и выразил это отношение. Такое чрезвычайно дорого.

Но почему, почему у него именно такая реакция? – Я объясню. Наряду с тем и вопреки тому, что мы усваивали правила танцевания и западные тенденции, мы впитывали также индивидуальность исполнителей близких нам и дополняли ее своей, именно это ценно, это не купишь, и это видит зритель. Например, я был в восторге от исполнения европейского стандарта школой Валерия Раздрогоина, его ученики – это божества! Индивидуальность и самобытность латыша Балдериса заставила рукоплескать Лужники и вызвала у меня потребность переосмыслить манеру исполнения латиноамериканских танцев.

Судил ли я конкурсы? Да, судил. Чаще всего подростковые или старшеклассников в школах, дворцах пионеров. Мои оценки мало расходились с оценками других судей, даже бывали случаи, когда коллегия судей, перестраиваясь, принимала мою версию оценок. Но со временем выставляемые мной места начали расходиться с оценками других коллег: я начал судить не техническую оснащенность, а культуру движения. Казалось, такие ребята в ближайшие месяцы сделают тренировочное усилие и будут на две головы выше всех. Однако со стороны оценки сложности технического исполнения ко мне могли появиться вопросы, поэтому я наложил на себя узду и прекратил судейство. Но вот сейчас, спустя годы я начинаю находить некоторое оправдание своей позиции. Мысленно возвращаясь к той встрече с английским чемпионом мира. Он сказал нам следующее (привожу не дословно, но суть): «Мы в силу возраста уже не можем выполнять сверхсложные виртуозные элементы, как это делает молодежь, но свои фигуры мы танцуем очень чисто». Значит, пальму первенства он получил за культуру исполнения, и именно это, а не виртуозность судили арбитры, вручившие ему чемпионство! Мнится, это перекликается с моей судейской позицией.

Когда учителя пестуют учеников, те постепенно приближаются к их уровню. Если не по объему знаний, то по мастерству. Перед тренерским корпусом всегда возникает вопрос: как относится к тому, что ученик вырастает (или в ближайшее время вырастет) до твоего исполнительского уровня? В связи с этим я хочу рассказать следующий примечательный эпизод. Во второй половине восьмидесятых годов во Дворце спорта «Лужники» проходил конкурс балльных танцев. На паркет вышли пары, танцующие в студии Станислава Попова и в студии его ученика

Петра Чеботарева. Петр и Алла Чеботаревы были чрезвычайно популярными танцорами, для показательных выступлений их приглашали в Кремль. В ходе конкурса мы осознали, что ученики Чеботарева перетанцовывают учеников Попова; таким образом становилось ясно: ситуация вносит поправки в сложившуюся иерархию участников конкурса. Я сидел на трибуне и ближе к концу зрелища вышел в фойе, оно было пусто, ни души. И вдруг метрах в двадцати – тридцати от себя я увидел вошедшего Станислава Попова, по-видимому, он хотел в удалении от людей пережить поражение учеников. Лицо его отражало навалившееся на него напряжение, но было ясно, что воля и контроль над ситуацией не покинули его. При завершении конкурса в ходе подведения итогов Станислав сказал зрителям слова о том, что одной из задач танцора является «воспитать ученика, чтобы потом учиться у него». Такой философский подход к событиям полностью сохранил вес и авторитет Попова. Со временем он перешел в танцоры профессионалы, продолжал заниматься большой организационной работой, оставаясь все той же глыбой, на которой многое держалось в бальном танце.

Наверно, постепенно стал подходить к уровню классности своего тренера и я. Мой тренер позиционировал себя как танцора В класса, условно можно говорить о соответствии в спортивной иерархии этого звания кандидату в мастера спорта, но ценилось это выше: в СССР в 1970 году была лишь одна пара такого классности. Я танцевал и был аттестован как танцор «С» класса, то есть перворазрядник. За год – два до описываемых событий тренер публично высказался о том, что после «С» класса Вадиму будет проблематично получить В класс. Я тогда терялся: какие же недостатки мне надо преодолеть и как работать над собой? Но открытое первенство Москвы по «С» классу в европейской программе 1991 года ответило на все вопросы. По правилам тогдашнего судейства первое место на городском конкурсе давало паре право переходить в следующий класс, в моем случае – в «В» класс. И так это была весна 1991 года, конкурс собрал порядка сорока пяти пар. У меня была опытная, чисто танцующая партнерша, и в числе шести пар мы вышли в финал конкурса. Помнится, ввиду важности конкурса бригада судей состояла не из пяти, а из семи человек, среди судей был и мой тренер. Нам предстояло исполнить пять танцев. После первого танца, медленного вальса, все судьи поставили нам первые

места, кроме моего тренера, давшего нам третье место; после второго танца, танго, – тот же результат. И если после первого танца судьи восприняли третье место, поставленное нашим тренером, как техническую ошибку, то после второго танца они поняли, что наш руководитель нас топит. В этих условиях им оставалось только прекратить объективное судейство и вытаскивать наиболее близкие им пары на более высокие места. Так вместо первого места мы получили шестое из сорока пяти. – Ну, ты смотри, что наш делает, – сказала партнерша. Вопрос о следующем классе был закрыт.

Как участник этой ситуации я не вправе давать ей публичную оценку, однако чувства, владевшие тренером, я могу понять на примере служебных коллизий: много ли вы видели начальников, которые растят подчиненных до своего уровня? К сожалению, таких людей очень немного. Кроме того, как я заметил, у тренера было системное нежелание готовить танцоров более высоких ступеней, полагаю, он опасался грязных интриг против себя в среде преподавателей. Но отказавшись от ведения своих пар дальше, он не раскрылся в полную силу как преподаватель, стал дышать в профессии неполной грудью, а потенциал у него тогда был.

Возможность выступать на конкурсах хотя бы локальных была затруднена теперь и тем, что тренер предлагал мне в партнерши свою ассистентку, в общем, компанейского человека, но на паркете, несомненно, командира, часто эмоционально несдержанную. Вести в танце партнершу, имевшую меньший опыт выступлений и руководящую тобой, было выше моих сил, я терял уверенность в построении танца. Оргвыводы последовали: устраивалась чехарда со сменой партнерш, и работать на результат в этих условиях стало бессмысленно.

Однако был ли мой тренер первопричиной создавшейся тупиковой ситуации, или он был неукоснительным и беспощадным (но только) исполнителем рока? (И здесь, учитывая многогранность жизни, я вынужден перейти в мистический регистр изложения.) Конечно, может в другом варианте событий я получил бы следующую ступеньку классности, но публичные выступления в паре в течение двух – трех лет наверняка были бы свернуты. И сейчас я не удивляюсь, что дальнейшие четырнадцать сезонов я тренировался без выступлений. Часто мы не догадываемся, что первопричиной кризисных явлений бывают

обстоятельства, создавшиеся, казалось бы, на другом краю событийного поля нашей жизни. Не сразу это понял и я. К 90-м годам стало ясно, что государство потеряло интерес к созданию в стране «искусственной почки» и мой проект не будет реализован. Чтобы как-то помочь людям и выполнить свой долг, я решил заняться народной медициной, целительством. Но последнее требует аскезы, где вы видели целителя публично танцующего на сцене? В пределе целитель это монах-затворник: провидение внимательно следит за тем, чтобы правила духовной этики в этом отношении не нарушались. Благословленный Православной Церковью, как мог я помочь людям, но духовное право на публичные выступления утратил.

Хотя у меня нет и сейчас взаимопонимания с тренером по поводу моей танцевальной судьбы, в условиях этого странного симбиоза мне удалось сохранить отношения с ним: когда его жене не помогали антибиотики, я мог ночью приехать и лечить ее, всегда давал медицинские советы, он перестал брать деньги за уроки, в связи с тем, что в девяностые зарплату нам не платили. Когда я жил вне Москвы, чтобы не беспокоить родню, приезжая мог остановиться у него. Многое можно рассказать еще, но итоги, которые я подведу и сами по себе интересны:

Я узнал и полными пригоршнями зачерпнул и пил эстетику бального танца. В трудные минуты, в минуты болезни воспоминания о ней уходят, но возвращаясь, согревают душу.

Танцевальная среда состоит из разных людей, но они объединены служением танцу.

Иерархия бального танца многообразна по возрастам и разрядам. В своей стае я летал хорошо, и известные танцоры отмечали меня.

Я поддержал традицию рода в танце: ведь мой дядя по отцу, театральный администратор театра на Таганке в «долюбимовские» времена, в юности танцевал в кордебалете; бабушка с материнской стороны в последние годы 19-го века танцевала на московских балах.

Подводя итоги, не могу не сказать о том, что (подобно земным поклонам в традиционных религиях) в восточных религиях танцы являются атрибутом развития духовности и облегчают проникновение духовного начала в человека. Поэтому танцор, обратившись к религии, легче воспримет божественные начала, укрепит душу. Используйте это в жизни!

Что мог я сделать и для своего молодого поколения. Сына моей жены от первого брака я два раза в неделю возил на балльные танцы. У мальчика были слабые ноги, и бассейн не помогал, но танец его очень укрепил и раскрепостил. После тренировки он даже не хотел ехать на наземном транспорте, а отдав мне вещи, пробежал две остановки по тротуару. Стали проявляться и танцевальные задатки, но упрямое нежелание заниматься положили конец тренировкам. Слава Богу, он хоть ноги вылечил. Кровного сыночку, тогда ему шел пятый год, я обучал в доме отдыха на лесных прогулках стилю «диско». Он сразу же обрел популярность, отплясывая вечерами на танцплощадке, где собирался народ. Когда мы гуляли, местные девчонки лет девяти – десяти встречали нас криками: «Танька, Танька! Вот этот мальчишка вчера!!!...»

То о чем я рассказал, разумеется, не реконструкция событий и не их оценка. Скорее это репортаж о спортивных событиях прошлых лет, залежавшийся в письменном столе моей памяти. Идут годы, но в праздничные дни первого или второго января я прихожу к тому, кто когда-то пестовал меня и научил летать. Зимним вечером я захожу в подъезд его дома, еду на знакомом лифте на пятый этаж и нажимаю кнопку звонка. Распахивается дверь: здравствуй, Степаныч!

Осень 2012 – зима 2013

Автор выражает благодарность Заслуженному деятелю искусств РФ Бруно Борисовичу Белоусову, наставнику Станислава Попова, за консультации по технологии танцоров.

* * *

Н. А.

Для моей подруженьки Наташки
Рассказать мне хочется о том,
Что, то поле, где цвели ромашки,
Заросло сегодня сорняком.

И давно не колосится хлебом,
Лишь пожухлая трава, дожди.
Жизнь идёт между землёй и небом.
Скорых перемен теперь не жди.

Но простор, открывшийся с пригорка,
Так широк и сказочно красив.
Стало на душе светло и горько,
Слёзы не сдержать, и не проси.

В роще сыроежки, даже белый,
И берёзок дружеская речь,
Их Господь писал углём и мелом.
И картина эта стоит свеч.

Небо в тучах, или ярко-сине.
В космос путь, но оглянись и в старь я –
Ах, Россия, ты моя Россия,
Мать и мачеха, Иван да Марья...

* * *

Трава зелёная
Высоко выросла,
Дождём поёная,
Цветами выстлана.
Теплом согретая,
Да не кошёная,

Трава заветная,
Трава зелёная.

Как рано поутру
Трава в росиночках.
Пошла бы по воду,
Да нет ботиночек.
Пошла бы по воду,
Пошла бы по свету,
Да нету повода,
Да нету посвиста.

Трава зелёная,
Тропинка узкая.
Ох, я весёлая,
Да песня грустная.

* * *

Я одна, как тыщу лет назад,
Я одна, как через тыщу лет.
Ливни промывают мой взгляд,
Снегом запорошен мой след.

Ветры волком воют в полях,
Холодом сверкает луна,
Тыщи лет плывут в облаках,
А дорог у них – тыща одна.

Надо мной миллион чёрных дыр,
Подо мною – отверстая тьма.
Где ты, дорогой мой Шекспир?
Где же я заблудилась сама?..

25 ноября 2001

БЕЛЛЕ АХМАДУЛИНОЙ

Нитки жемчуга на шее,
Камни крупные на пальцах,
Мысль изогнута затейно,
Будто вышивка на пятаках.
Голос льётся и течёт,
Как журчанье родника.
Слово к слову вяжет плот,
За строкой плывёт строка,

Как петельку за петелькой
Спицы ловят при вязании...
Из-под чёлки взгляды мельком,
Слово слышу осязаньем.
Голос льётся, голос длится,
Стих – ладью по реке,
Пенье – в небо синей птицей,
И слезою по щеке.

21 мая 2006

РЫЖИЙ И ЛЕССИ

*«И зверьё, как братьев наших меньших,
Никогда не бил по голове...»*

С. Есенин

Впервые я увидела их на перроне, уезжая с дачи. Она (тогда я ещё не дала Ей имени) вставала перед дачниками на задние лапы и растроганные женщины кормили её. А он стоял рядом и внимательно наблюдал за происходящим. Оба тогда были молоды и отличались от других собак хорошим воспитанием. Может быть, у них были хорошие хозяева, кто знает?

Их часто видели на платформе вместе. Однажды одна пожилая дачница захотела взять Лесси к себе и стала заманивать её в электричку. Я услышала, как местный пьяненький мужичок сказал ей:

– Дамочка, у ей мужик есть, не увози.

– А где он?

– Да вон бежит, сурьёзный пёс. С ним шутки плохи. Они же, как муж с женой, неразлучные. Люди бы так жили.

Рыженькая, пушистая, она была, как лисичка, некрупная и женственная. Особенно хороши были глаза. Заглядывали любому прямо в душу. Рыжий был постоянным её спутником. Красавец! Говорили, что он охотничьей породы, с прямым жёстким взглядом настоящего мужчины. Они прижились в нашем посёлке. Многие дачники кормили их. И всегда их видели вместе. Я дала им имена, ему Рыжий, – ей Лесси. Часто они приходили на наш участок Муж специально подрезал для них низ калитки. Рыжий приходил, ложился на дорожку. К этому времени у нас появился кот Василий. Первое время Рыжий рычал на него. Но кот чувствовал себя хозяином. А мы боялись за него, уговаривали: «Рыжий, Рыжий, не надо». Он понимал нас и ценил наше гостеприимство. От отвращения, что должен считаться с котом, он закрывал глаза, когда тот переступал через его лапы и гордо проходил мимо, распушив хвост. Первое время нам казалось, что вот-вот Рыжий схватит его, не стерпит унижения. Но он терпел. Пришло время и у Лесси появились щенки. Красивые, круглые, как бочонки. Лесси лежала с ними, кормила, а Рыжий уходил и приносил ей, что находил. Потом она убегала, а он ложился к щенкам. Однажды они нашли себе

другое место на соседней дачной линии. Рыжий иногда лаял по ночам, отгоняя других собак от Лесси и щенков. Как-то вышел недобрый дачник и швырнул палкой и перебил Лесси лапу. Она взвизгнула от боли, а Рыжий бросился на обидчика. С этих пор Лесси надолго стала хромоножкой. Потом лапа зажила, но случилось другое несчастье: щенки один за другим стали болеть и умирать. Рыжий приносил их к нам под крыльцо. «Потравил их кто-то» – говорили дачники. Муж хоронил их в лесу. Как-то я собралась уезжать в Москву, дошла до ворот, у которых расположились сторожевые собаки. Рыжий и Лесси меня провожали. Я с Лесси прошла вперёд, а Рыжий задержался. Оглянувшись, я увидела, что он остановился перед собаками, поваливая хвостом, как бы говоря: «Подружки, я с женой, извините, не могу уделить вам внимания». Я поразились – это так было похоже на нас, людей... Рыжий часто провожал меня до станции, несмотря на мои просьбы: «Рыжий, хватит, иди домой. Я дойду одна. Иди к Лесси». Но он не уходил. Как-то он провожал меня и навстречу шёл мужчина. Рыжий вдруг громко залаял и бросился бы на него, не удержи я его. Что за человек это был? Что-то недоброе почуял пёс в нём. Кто знает? Муж даже зимой ездил на дачу, шел, пробиваясь через сугробы. «Поеду, покормлю собак» – говорил он. У меня и сейчас сохранилась эта привычка. Не могу я смотреть спокойно в голодные глаза собачьи...

СОВРЕМЕННАЯ СКАЗКА «ИВАН ДА МАРЬЯ»

*«Во всем есть своя мораль,
нужно уметь ее найти»*

Кэрролл Льюис

Жил-был директор клиники всевозможных и страшных болезней. Он не только был директор, но и сам лечил больных. Он был в расцвете сил, в здравом уме, с твердой памятью. Очень приятный мужчина во всех отношениях. Одна особенность была у него – не был женат ни разу. Поклонниц было видимо-невидимо, и все такие, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Еще в пятилетнем возрасте одна ясновидящая сказала о нем: «Женится в пятьдесят один – раз и навсегда». Помня об этом, он жил себе да поживал. Одевался только «от Кутюр». А стрижка какая, обувь, руки! Увидишь – будешь думать, что снится. Как полагается в настоящей сказке, звали его Иван Иванович Иванов. На днях ему стукнуло пятьдесят. Сегодня – третий день его пятидесятилетия. Приехал в клинику, поднялся в свой кабинет, сидит, ждет пациентов. Зазвонил телефон.

– Алло!

– «Простите за беспокойство. Скажите, пожалуйста, адрес, где Вы находитесь», – произнес в трубке мягкий женский голос.

– Для жены голос подходящий, – отметил про себя директор. Назвал адрес, объяснил, как проехать и номер кабинета, где находится. А Марьюшке-то как его голос понравился – тут же захотела приехать в клинику, увидеть его хоть одним глазком. Полное имя нашей героини – Марьюшка Царевна, Царевна – фамилия такая.

Приехала Марьюшка в клинику, стоит перед кабинетом директора, посмотрела вокруг – никого. Нагнулась Марьюшка и в замочную скважину посмотрела, да чуть не ослепла. Красавец писанный – настоящий директор. Робко постучалась. Дверь открывается, он приглашает ее в кабинет, предлагает сесть в кресло напротив.

– Это я Вам звонила, у меня осталась одна единственная надежда на Вас.

– Пожалуйста, не стесняйтесь, рассказывайте, что привело Вас ко мне?

– Не знаю, с чего начать.

– Начнем с головы.

Он взял чистый лист бумаги, положил перед собой ручку с золотым пером.

– У меня стали плохо видеть глаза, – начала Марьюшка, оба и по-разному.

– Так, меня видите?

– Вижу.

– Хорошо, продолжайте.

– Память плохая стала.

– Таблицу умножения помните?

– Помню.

– Хорошо, продолжайте.

– Остеохондроз... и так далее. Пятнадцать минут Марьюшка перечисляла болезни и недуги, обнаруженные у нее в родной поликлинике.

Он наслаждается звучанием ее голоса и очаровательной внешностью.

– С остальным... у меня все в порядке – закончила, слегка краснея, Марьюшка.

– Ничего не забыли?

– Ой, чуть не забыла – спазмы верхних и нижних конечностей и сосудов головного мозга.

Он берет телефонную трубку:

– Прошу Вас, оформите историю болезни. Сейчас к Вам подойдет пациентка.

Лечащий врач – я! Дайте талончик ко мне на завтра. Фамилия – Царевна.

Марьюшка поблагодарила, взяла протянутый директором листок, направилась в регистратуру. Подходит, посмотрела на листок, а это – два билета на вечер в Консерваторию! Бегом обратно к кабинету директора, а он закрыт. Надо пораньше приехать, встать у памятника Петра Ильича, постараться не проглядеть директора.

И вот Марьюшка у памятника, поздоровалась, ждет. Кто-то, стоящий за ее спиной, руками закрывает ей глаза. От неожиданности Марьюшка спрашивает:

– Иван Иванович, это Вы?

– Угадали – отвечает Иван Иванович и протягивает букетик ландышей.

– Нюхайте на здоровье, Марьюшка Царевна!

Марьюшка взяла букетик, понюхала, и в раз все болезни исчезли. Через месяц отыграли они свадьбу, а через девять месяцев у них родился сын Иван.

Богатырь, красавец, а голос какой сладкий, точь-в-точь директор в молодости.

Стали они втроем жить да поживать и добра наживать. Вот тут сказке конец, а жизнь – жизнь продолжается!

ЛЕТНИЙ СЮЖЕТ

Такой денек выдался... Проснулась в пять, небо голубое-голубое; брезжит солнышко; роса просто сказочная. Потопталась, побегала босыми ножками по травке; позавтракала свежесжатым красносмородиновым соком и потянуло меня в сад поработать. Взяла этюдник, складной стульчик, чистый натянутый на подрамник холст, краски, зонт и устроилась писать куст пионов. Периодически вставала, делала легкую гимнастику и опять за работу. Незаметно прошло время.

Вечер наступил, а светло как днем; посмотрела на часы – двадцать два. Когда дни такие длинные и светлые, успеваешь не только многое сделать, но и увидеть свою жизнь, как бы со стороны. Несмотря на кризис в стране и естественную освещенность – ровно в двадцать два часа зажигают уличные фонари. Люблю вечером что-нибудь перекусить на улице. Набрала с дерева тарелку спелых вишен, уселась на скамеечку около террасы, недалеко от калитки. Быстро опустела тарелка. Держу ее в обеих руках и смотрю в небо, будто манну небесную жду; стало весело и озорно. С детства была готова на шалости – сейчас не знаю, как это получилось; только я удивилась, отчего моя тарелка не летает, а что если ее запустить прямо в открытое окно дома напротив – знаете попала! Я в ужасе – сижу сама не своя.

Открывается моя калитка и в нее входит сосед с моей тарелкой. А от нее такой запах; а в ней ...картошка жаренная с малосольным огурцом. Сосед здороваается и протягивает тарелку мне: – «Я вас правильно понял, что есть – тем и делюсь». Я не отказалась; он продолжает: «Сегодня первый раз решился это окно открыть, все боялся, что пыль с дороги налетит, но, чтобы тарелка влетела, когда ужинать соберусь – не ожидал. По-

звольте полюбопытствовать – мне всегда в это время окно открывать?» Я извинилась, призналась, что не ожидала, что моя мысль материализуется. «Да не смущайтесь, я сам любитель неожиданных сюрпризов. Завтра, я тоже, если позволите, хочу сюрприз вам сделать». Что мне оставалось – согласилась.

Вечером следующего дня, как договорились в назначенное время, сижу, жду. Распахивается калитка и в нее въезжает небольшой столик на колесиках, а на нем торт-мороженое, французское шампанское и два бокала. Он, немало не смущаясь, поднимается на террасу и выносит два стула. Мы устраиваемся поудобнее: – «Первый тост – за меня, мне сегодня шестьдесят стукнуло! Второй – за вашу летающую мысль!»

Теперь, еще более тщательно слежу за своими мыслями, а то...

Честно, я не пожалела, что тарелку в окно соседу забросила! Не промахнулась – это главное!

ЛЮБОВЬ

*«Любовь – это когда ворона соловьем заливается,
а брак – когда соловей каркает».*

(Светлана П.)

О птичках поговорим.

Так вот: каркал, каркал один соловей, состариваться начал; как говорится, «седина в бороду, а бес в ребро...» Развелся. Через неделю вновь соловьем заливается. Слышит, на его пение кто-то откликнулся. Радостный полетел на голос: – «А вдруг, молодую соловушку встречу...» Прилетел, и что? На своем гнезде ворона сидит, соловьем заливается.

Какая страшная, жуткая история.

Соловей от неожиданности insult получил, а ворона от смеха – инфаркт. Без предварительного досудебного урегулирования не разобраться.

Одно ясно – когда ворон каркает о любви вороне, а соловей заливается песней любви соловьихе – никто ни insultа, ни инфаркта не получает!

Шутка.

«ОН» И «ОНА»

Последний раз они были вместе тридцать лет назад. Сегодня они вновь вместе. Укладываются спать.

Она – «Не зажигай свет; и в темноте не смотри на меня, а то – пожалеешь!»

Он – «А ты, не прислушивайся ко мне, а то – оглохнешь!»
Утро.

Он – «Я тебя обожаю, не будила меня ни разу. Так храпел, что сам себя слышал – проснуться не мог».

Она – «А ты мне всю ночь снился – молодым!»

– Я ревную!

– Ну, наконец-то!

НАШИ ДНИ

По мотивам басни И. Крылова «Стрекоза и муравей»

– Ну что, всё в своём колхозе муравьином трудишься? Поди, разбогател, запасов на зиму заготовил. А я-то всё лето пела и плясала на гастролях по Европе. Иди, посмотри, сколько зелёных за это получила. Виллу на Мальдивах купила. А какую тачку! Какую яхту! Да что там, пластику себе сделала круговую.

А что это ты за собой былиночку сухую тащишь? На что она тебе?

– Да мало ли на что. В хозяйстве пригодится. К примеру, электричество отключат за неуплату, а я былиночку в буржучку положу, да подожгу и согреюсь.

– Ты бы лучше петь да плясать стриптиз научилась, глядишь, не только богатым станешь, на виллу заработаешь. На весь мир прославишься. Да что там! Пока, недотёпа!

* * *

Счастье, счастье, какое ты?
 Как разглядеть мне твои черты?
 Как разобраться, где песня твоя?
 Ну, кто ты, скажи мне,
     придумай слова,
 Такие, чтоб сердце забилося от них,
 И землю заполнил их радостный крик,
 И долго, протяжно, чтоб эхо звучало.
 Ты слышишь меня?
 Что же ты замолчало?

Счастье, счастье, скажи мне, где ты?
 Иль ты затерялось в огнях суеты,
 На что ты похоже?
 На реки весной?
 На зимнюю стужу?
 На летний покой?
 На ясные – ясные белые ночи,
 Где ты обязательно с кем-нибудь бродишь?

Где ты? Откликнись!
 Иль может быть я
 Давно проглядела того журавля,
 Который всем счастье приносит...
 Не знаю.
 А, может, я что-то не понимаю...

1969 г.

* * *

Ты оплела меня сетями
 Своих воздушно-нежных слов.
 И, прикоснувшись раз устами,
 Сорвала с чувств моих засов.
 И хлынули они потоком
 Из тихих заводей души

К твоим чарующим истокам
 Любви блаженной.

Не спеши.
 Не превращай мои желанья
 В тяжёлый крест, тоску и боль,
 Ты наше первое свиданье,
 Как талисман, носи с собой.
 И не забудь слепящей сини
 Моих, тобой зажжённых глаз,
 Когда в тончайшей паутине
 Одна судьба с другой сплелась.
 Я рвусь к тебе.

Счастливый пленник
 Твоих, обвивших шею рук,
 И самый яростный соперник
 Друзей старинных и подруг,
 Мечтающий о сладкой ночи,
 Когда стыдливая луна
 За облаками скроет очи,
 Чтоб ты могла царить одна.

2002 г.

* * *

Он чертил на снегу:
 Я люблю тебя, милая.
 Он кричал на бегу:
 Без тебя жизнь унылая.
 И тюльпаны дарил
 Разноцветными вёснами,
 И шалаш сотворил
 Под огромными соснами.
 И желал, обладал,
 Восторгался и плавился.
 Всю любовь ей отдал,
 Не грешил и не каялся.
 А она приняла
 И душою ответила.

В город счастья вошла,
 Как – сама не заметила.
 И дарила, брала,
 Восторгалась и плавилась.
 Всю любовь отдала,
 Не грешила, не каялась.
 И полвека, как миг:
 Я люблю тебя, милая.
 Он совсем не старик,
 Да и жизнь не унылая,
 Когда тянет обнять
 И от нежности плавиться.
 И союз их прервать
 Даже Бог не решается.

2006 г.

* * *

Волна за волною торопится,
 Ей так познакомиться хочется,
 Шептаться, кружиться, качаться,
 До берега вместе домчаться
 И слиться в единое целое,
 И в пенное облако белое
 Из тысячи брызг превратиться,
 И медленно в море скатиться,
 И там, на морской глубине,
 Остаться наедине.

2010 г.

Аллюзии на сюжеты всемирной литературы: женские образы

ЛОТОВА ЖЕНА

Последняя горная вьется стезя
 Перед женою послушною...
 Шла, зная – оглядываться нельзя,
 чтоб Ангела – не послушаться.

Но что там ждет, в чужеземной дали? –
 Судьбы неизвестен очерк...
 А перед нею за Ангелом шли –
 Праведный Лот и дочери.

И за спиной пламенел Содом...
 – Что, если случайно споткнуться,
 на миг прощальный увидеть дом –
 нет, нет – нельзя оглянуться,

ведь город Божьим казнен судом,
 на камне не станет камня,
 но неужели и милый дом
 охвачен небесным пламенем?

Так – в горней шла она тишине
 по камням скользким и гладким...
 – Господь велик, пусть простится мне
 последняя в жизни оглядка.

Она оглянулась... И Тишиной
 Вдруг стала – навек, бессрочно...
 Не слышал Лот шагов за спиной,
 и вздоха – не слышали дочери.

Она стала меньшею из утрат,
 Но доля её – тревожит...
 Отдавшая жизнь за последний взгляд,
 который, как вызов брошен...

МЕЛХОЛА

*«В душе ее боль и обида,
но хочет Мелхола Давида...»*
А. Ахматова

Порою ждешь, чтоб всё уснуло,
чтоб тишиной свечу задуло,
пробились лунные лучи,
чтоб за печатью дней, за гулом,
сквозь мглу столетий различить –
о чем Давид поет Саулу...

Какою силой мог он, отрок,
рассеивать потоки мглы –
ведь песни путь, как жизнь короток,
и злом обвиты все углы...
Но перед тем, кто сердцем кроток

сдается зло... И лишь Мелхола,
ко прочим женихам суха,
не избежав судьбы укола,
клянет Давида-пастуха,

но от предчувствия сердце ноет,
и, странным пламенем горя,
она мечтает стать женою
то ль бедняка, то ли – Царя...

САМСОН И ДАЛИЛА

«И усыпила его Далила на коленях своих»
Книга Судей, глава 16

Эта ночь оказалась бессонной,
зажигали мы свечи с ладаном.
В эту полночь ты был Самсоном,
пряди-локоны на пол падали.

Называл ты меня Далилой и дарил
шелковистые волосы,
но не в них была твоя сила,
а в высоком зовущем голосе.

Долго в комнате не было света,
кроме пламени свечек смутного,
тени тонкие длинных веток
тебя сетью ночной опутали.

Эту сеть легко разрывая,
уходил ты от темных окон –
в бесконечность, голос свивая
в тот, с небес спадающий локон.

Утром – голос легко касался
белоснежной пустыни тетради...
В эту ночь – ты Самсоном казался,
на пол падали шелковы пряди...

МАРГАРИТА

*«Слушай беззвучие, слушай...» –
память рыданиями смыта.
«Плещут нам райские кущи!», –
шепчет, смеясь, Маргарита.*

Сад, невесомые чащи,
рай для любовников верных,
тех, что наполнили чашу
древнею кровью фалерна.

«Яду мне, Господи, яду!» –
только страданье бессмертно,
неотвратима прохлада
и тишина Того Света.

Время цветения вишен,
берег средневековый,
слушай же, слушай затишье,
пали земные оковы.

Здесь завершается чудо –
дом и зажженные свечи,
сон охранять твой я буду
завтра, сегодня и вечно.

Сброшен страдания камень,
пали земные оковы,
там – гаснет грешное пламя,
здесь – несгоревшее Слово.

СОЛЬВЕЙГ

«Сольвейг прибегает на лыжах...»
Ибсен

Звездный луч прольется солью,
свет оставив на судьбе,
я сегодня – буду Сольвейг,
прибегавшею к тебе.

Я приду к тебе на лыжах,
когда кончится пурга,
чтоб огонь увидеть рыжий
сквозь оконце очага.

Я мелькну легко, как веха,
на пути, на рубеже,
чтоб войти осколком смеха,
вспыхнувшем в твоей душе.

Я найду твою избушку,
на опушке, близ сосны,
пусть любовь над нами кружит,
вечерами – до весны.

Чтоб не знали – ночь ли, день ли,
что нам делать? – встать, уснуть...
Чтоб могла неслышной тенью
сквозь калитку ускользнуть

в жизнь свою, где солнце брызжет,
неподвластное судьбе –
от тебя сбегу на лыжах,
от тебя сбегу – к себе...

* * *

У любви нет преклонного возраста,
Поражения нет и побед,
До амбиций и прочего «хвороста»
Настоящей любви дела нет.

Окрыляет она всех и каждого,
Кто в любовной горячке горит,
Для нее ничего нет неважного,
Если все о любви говорит.

* * *

Никола летний, а у нас весна –
Холодная, дождливая, сырая.
Уж третий месяц, как идет она,
Нас не любя, теплом не согревая.

Она пришла, как будто не родня,
Спокойна, равнодушна, отстраненна,
Нам подарив четыре теплых дня,
И в эти дни все сделала зеленым.

И что случилось с нашею весной?
Мы ждем ее всегда нетерпеливо,
Убеждены – она не будет злой,
Подарит радость, светлую на диво.

Ну, а весне, похоже, не до нас.
Весна-красна, а может ты влюбилась?
С другой страны не сводишь нежных глаз,
И ей сдалась со всем теплом на милость?

* * *

А Бог и сегодня здесь!
Спокойно следит за нами,
Отринув хвалу и лесть,
Владея душой и снами.

Росинкой блестит в цветке,
В улыбке парит ребенка.
Кувшинкой плывет в реке,
Волной разбиваясь звонко.

Упала дождинок дробь,
И вновь засияло солнце,
И если сам Бог – любовь,
То вот Он – глядит в оконце.

И слышит души полет,
И знает души смятенье,
Обиды больной налет
И сердца в груди биенье.

Да, Бог и сегодня здесь!
Но знает о том не каждый.
И только отбросив спесь,
Поймет, наконец, однажды!

* * *

Не бывают случайными встречи,
Если жизнь познакомила нас.
Положила нам руки на плечи
В очень трудный иль радостный час.

Человек был тебе не известен,
Весь он – тайна – стоит пред тобой.
Появленьем своим интересен.
Вдруг он станет твоею судьбой?

Не спеши, принимая решение,
И рукою махнуть не спеши.
Может, послан он был в утешенье
Для твоей одинокой души.

Это правда, что время нас лечит,
Что слышана наша мольба.
Не бывают случайными встречи,
Все заранее знает судьба.

* * *

Сыпались минуты, словно дождик,
Собираясь в лужицы часов,
Нам от них не спрятаться под зонтик,
Не закрыться дома на засов.

Лужицы часов перетекали,
В дни переходили, как в ручьи,
Словно ежечасно намекали,
Что они ничьи, ничьи, ничьи.

Ручейки из дней сливались в реку,
Шире становясь день ото дня,
Время говорило человеку –
Не постигнуть никогда меня!

ВОСЬМАЯ ПЕСНЬ

*Лучшее средство привить детям любовь к отечеству
состоит в том, чтобы эта любовь была у отцов.*
Монтескье

Моего отца звали Арам Оганян. Увидев закат девятнадцатого века, он, наверное, взглянет на восходящий двадцать первый из Ереванского университета. С портрета на стене географического факультета, одним из основателей которого он был, и где работал деканом и заведующим кафедрой в течение многих лет.

Портрет повесили его коллеги, помнившие, что отец подготовил сотни специалистов, написал десятки трудов, многократно издававшиеся учебники, был известен как переводчик и детский писатель.

Помнили отца и ветераны армии, как он в первой армянской военной школе воспитывал будущих известных военачальников, прославленных участников Великой Отечественной войны. Знали, что отец был в коллективе, составившем русско-армянский военный словарь.

Помнили отца и пассажиры поезда с беженцами, спасенные от турок пулеметчиками под командованием поручика Оганяна. Помнили самые разные люди из благодарности за помощь или просто из уважения к «беспартийному человеку, сумевшему многого добиться в партийной стране», как сказал один из его учеников...

Но для меня главное было не это. В песне известного барда есть слова: «Боже, зеленоглазый мой». Если Бог есть, то мне он являлся в образе отца, говорящего об Армении. В эти минуты зеленые глаза отца загорались, вызывая мурашки на спине. Мурашки, которые я ощущаю до сих пор, когда тема Родины, вырывая меня из суэты «общечеловеческих ценностей», гипнотизирует, как Гамлета перед призраком датского короля.

Это отец мой песней о Вардане-зораваре заронил в мое юношеское сердце боль об утраченном величии Армении. Но не безысходную скорбь, а возмущенную обиду за поруганную честь, жажду мщения и реванша. Это он мне дал прочесть «Самвела», утверждавшего приоритет отечества над родителями... Как завороченный я слушал его рассказ о матери античного героя,

принявшей известие о гибели сына в бою за родину словами: «Для того его и родила я». Об армянском воине, сказавшем вражескому полководцу, сына которого он ранил в сражении: «Если удар нанесен моей рукой, то он не выживет!» О генерале Раевском, поднявшемся в атаку, взяв за руки несовершеннолетних сыновей...

Это отец внушил мне идею о нации как высшей форме человеческой общности и убедил меня в том, что возраст народа измеряется не всеми прожитыми веками, а лишь теми, что были свободны от чужеземного ига. Что нация – это народ, имеющий собственную армию – атрибут государственности.

Иногда, оплакивая свою судьбу, армяне спрашивают – если Бог есть, то где он был во время геноцида нашего народа? Бог есть, но, как сказал Вольтер, «Он на стороне больших батальонов». Тех, что сотни лет армяне-полководцы вели к победе под чужими знаменами, оставив осиротевший Арарат.

А нужно нам свое, единственное в мире, прозрачное, как воздух долины, зная, с двуглавым символом Армении, чтобы на одной стороне полотнища мы видели его образ с севера, а на другой – забытый вид с юга. И нужны нам не солдаты-армяне во многих армиях мира, а свой Армянский солдат.

Он есть теперь у нас. И пусть тени наших предков склонят свои головы перед ним. А вместо плача нам нужно вспомнить песнь восьмую – боевую, чтобы не замолкли «Семь песен об Армении».

И хватит жаловаться на Бога и судьбу. На Бога надейся, но армию имей. Что же касается судьбы, то где сегодня народы-соседи, вместе с которыми мы поднимались на арену истории? Без них мы вступаем в новое тысячелетие; может быть, и потому, что в тяжелые времена Бог являлся нам в облике отцов, разжигая их глаза, как угли в гаснущем костре.

В душной ночи рабства под пеплом постыдного гнета эти угли хранили огонь, чтобы вспыхивать время от времени, оправдывая наше существование, возрождая национальное достоинство, являющееся синонимом достоинства человеческого.

Сегодня этот огонь вспыхнул снова. Он высветил эпитафию на памятнике моего отца: «Если когда-нибудь придут к моей могиле внуки, пускай они грустят на языке моем; иначе сердце, даже прахом ставшее, застонет...»

Пусть же не погаснет вспыхнувший огонь, и пусть горит он по-армянски, чтобы сердце отца не стонало, а радовалось. Я надеюсь, что так и будет. Потому что есть теперь у нас Армянский солдат. И потому что моего сына зовут Арам Оганян.

К АРМЕНИИ

Если спросят у меня, где на нашей планете можно встретить больше чудес, я бы назвал прежде всего Армению. Так сказал американский художник Рокуэлл Кент.

Сколько чудес в Армении? Одно – мой народ. Никто не знает точно, откуда и когда пришел он. Не с неба ли спустился, воздвигнув в месте сошествия Арарат? Тысячелетиями он низвергается с нагорья, оглашая мир звонкой Богом данной речью. В знак благодарности народ наш памятник поставил алфавиту; мысля и безумствуя, ненавидя и одаряя счастьем, бранясь и молясь по-армянски, он бережно хранит подаренный язык, давно уже оставшийся один, без сверстников, ушедших в небытие.

Мертв язык римлян, штурмовавших армянские горы, но жив язык армян, защищавших «Колыбель цивилизации». Гостей незваных было много, и проросла наша страна памятниками героев, отбивавшихся от них. Вот Вардан, обороняющий крест от персидского огня; Давид, выдворяющий арабов из Сасуна; легендарный Андраник, внушавший гордость нам и страх нашим врагам. А в Парке Победы смотрят на нас прекрасные лица героев недавней войны.

«Но не вечно же нам оставаться в колыбели!» И волнами выплескивается за рубежи армянский гений, удивляя Землю россыпью чудес.

О народ мой, даривший родине Цицерона – Древнему Риму – ораторов, Второму Риму – императоров, Третьему – полководцев; поднимавшийся на высокие трибуны великих народов, чтобы прославить родину свою. Как Айвазовский, взмывший на «Девятый вал» в морях России, Хачатурян, облагородивший эфир искрометным звоном своих сабель...

Но рвется твое сердце между славой мировой и долгом перед родиной, тоской по «Колыбели». И вот ты, в дальних странах возводя дворцы, вплетаешь в их наряд орнаменты СВОИ; поешь на разных языках, надеясь втайне передать язык и голос

СВОЙ; сражаешься ты в армиях держав, величие и мощь их утверждая, чтоб отблеск славы их АРМЕНИИ коснулся: ну где тебе найти миллион солдат армянских, чтоб маршалами становились сыновья твои!

Как, чудо – мой народ ты великодушен к блудным сыновьям – политикам, художникам, ученым, тебя забывшим; к полководцам, лишь прахом собственным сумевшим приумножить твои земли: когда уставши на чужбине, они идут к тебе не отвергаешь их ты, понимая, что жизнь вне тебя всего одно мгновение по сравнению с вечностью в твоей земле...

И как строптив ты, как вольнолюбив: веками простиравший свои руки к «видению свободы», сегодня ты обрел ее, а потому достоин древней славы, о мой народ армянский, жемчужина средь мировых чудес!

О РУСЬ, ВЗМАХНИ КРЫЛАМИ!

Нет дела более правого, чем защита родины и охрана ее величия.
Монтень

Боги наказали Икара за восковые крылья: не плоть человека, а дух его крылат. Когда и где родился ты, о Русский дух? Быть может, в Древнем Риме, побеждавшем всех, кто жил в пределах досягаемости легионов? Где пренебрегали благосостоянием ради величия государства и гордились тем, что могут, как сказал Гораций, «Народами править державно, милость покорным являть и смирять войною надменных».

Не ты ли, долетев с орлами римскими до океанских волн, Британию оставив англосаксам, орлом двуглавым обернулся и осенил крылами Рим второй. Когда же тесно стало в Византии, не ты ли сделал бескрайние на севере поля полями славы, где мудрые великие князья и грозные цари воздвигли Третий Рим?

Вот взмах твоего крыла – крошатся льды на Ладоге, вот взмах другим – и в Куликовом поле – сеча. Взмахнул обоими крылами и снова оказался на краю земли, теперь уж на востоке. Будто, оттолкнувшись от Европы и Землю обогнув, славяне с англосаксами сошлись у побережья Тихого океана.

Лишь Русский дух мог защитить страну такую – от океана до океана и с южных гор до северных морей. И ты переселил-

ся из героев павших в тех, кого согнул свинцовый град в траншеях, и поднимал ошеломляющим ура в атаку под Москвою, Сталинградом, Курском; вел на Берлин. Могло ли быть иначе у народа, причислявшего к лику святых...воинов своих?

Но тесно стало на Земле, а дух мятежный ищет бури и слышит чей-то голос вновь: «О Русь, взмахни крылами!» – И гордый внук славян взмывает в вышину под рокот космодрома.

Кто может верх взять над тобою, Русь? Россию может победить... Россия же. То белых одолеют красные, то красных – триколор...И оживляются в дни смуты супостаты. Но кто б ни посягал на величие России, и кто б ни правил ею, в ней тот же неукротимый Русский дух.

А потому, орел двуглавый, расправь ты молодые маховые перья и подними упавшее из рук советских знамя сверхдержавы, принадлежащее тебе.

О Русь, взмахни крылами!

РОЖДЕНИЕ ПРИМЕТЫ

Первого апреля пошел к соседу Серёже обманывать. Шлифуя по дороге «домашнюю заготовку», чуть не столкнулся у подъезда с почтальоном.

– Коли есть письмо к Погосовым, – сказал ему, – могу прихватить с собой, как раз к ним.

– Есть денежный перевод, но с извещением о доставке, так что придётся мне самому подняться к ним на третий этаж. – Сказал и начал раскладывать корреспонденцию по ящикам.

Я побежал к Погосовым, позвонил. Дверь открыла мать Серёжи, и тут же из комнаты послышался звон бьющегося стекла.

– Ой, – вскрикнула Мария Ивановна, – внук уронил настольную лампу!

Отбросив «домашнюю заготовку», я сориентировался:

– Какого цвета абажур?

– Зелёного.

– Не огорчайтесь, – говорю – Мария Ивановна, это к деньгам.

– Э-э, молодой человек, я-то не верю в приметы, – сказала она, убегая к плачущему внуку.

Затем, отдав его мне на руки, она побежала за веником и совком. И тут позвонили в дверь.

Мария Ивановна пошла открывать, как вы уже догадались, почтальону. А через некоторое время из передней послышались возгласы растерянного удивления и такой восторженной радости, которую не могли бы вызвать никакие деньги. Когда же она вошла в комнату с лицом, выражающем все названные выше чувства, у меня просто духу не хватило сказать, что я разыграл её.

Да и кто его знает, может быть и в самом деле зелёный абакур бьётся к деньгам, а я оказался лишь случайным свидетелем некоего загадочного феномена.

РОЖДЕНИЕ ЖАНРА

Великий адвокат Плевако как-то поспорил, что произнеся всего одно предложение, добьётся оправдания церковного служки, растратившего кружку с подающими прихожан. Он сказал: «Господа присяжные заседатели, всю свою жизнь подсудимый отпускал вам ваши грехи, – отпустите и вы ему один раз, люди добрые...» Сказал и выиграл пари. Так вот, этот рекорд побит.

Недавно в Московском клубе сатириков и юмористов «Чертова дюжина» проходил конкурс по заранее объявленной теме – «Кирпич». Соревнующиеся читали рассказы, басни, стихи... «А что подготовил товарищ полковник?» – спрашивает ведущая. «Сначала, – отвечаю я ей, – задание мне показалось мало выполнимым. Ведь нужно было найти решение лаконичное (краткость – сестра таланта), весомое и умное (я из Литературного объединения Дома Учёных), и в то же время смелое, прямолинейное (форма обязывает). Думал, не найду решение, но помог случай: нашёл буквально в соседнем дворе». И тут я вытащил из чемоданчика ... Кирпич. Самый настоящий! Восторженно и единогласно зал присудил победу мне.

Возможно, в тот день родился новый жанр, так как оказалось, что не только графику (например, карикатуру), но и литературные произведения можно «творить» без слов.

* * *

*По прочтении сборника стихов
Юлии Друниной «В двух измерениях»»*

Лицевая сторона обложки:
В каске профиль девичий – темный силуэт;
Рядом – абрис женщины росчерком пера –
Это наступившая мирная пора.

Тоненькая книжица – сто страниц стихов –
Память ратных подвигов и земных грехов.
Каждая из тысячи в этой книжке строк
Ударяет по сердцу, как электроток.
Плащ-палатка с раненым, бруствер – и в окоп.
И цена за книжечку – двадцать восемь коп.

ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Военное детство безумно далёко,
Но цепкая память надёжно хранит:
На весь переулочек – разбитые стёкла,
В осколочных ранах асфальт и гранит.

Сирена – тревога – в убежище, быстро!
Упал на «Вахтангова» первый фугас.
На крыше – песком по сверкающим искрам;
Огонь, разгоравшийся было, погас.

В убежище тесно. Оглядки с опаской.
Детишки – не видно ни щёчек, ни глаз:
Какой-то сюрреалистической маской
С морщинистым хоботом противогаз.

Задраены шторы на каждом из окон.
На стёклах – наклейки бумажных крестов.
Глядящее в небо прожектора око.
Зенитки на каменных арках мостов.

Так было. Был повод для страхов, сомнений,
Но знали: погонят захватчиков прочь.
И сняли с окон черноту затемнений,
И звёздной стала московская ночь.

Росла и растёт череда поколений,
Смотрящих в былое глазами кино.
Хранит человеческой памяти Гений
Весь ужас войны, отгремевшей давно.

* * *

Любая война непременно закончится.
Закончилась даже Столетняя.
Но всё может быть, и кому-то захочется
Под утро туманное летнее,
Оставив свой чай в серебре подстаканника,
Без всей трескотни ультиматума
Направить армаду электромеханики
И злобу безумного атома
На тех, кто вокруг беззаботно соседствуют,
С умом и усердием трудятся,
Заслуженно сыты, одеты, не бедствуют
И миром – без войн – любят.
И здесь не помогут траншеи и надолбы,
Как в страшной войне за отечество.
И здесь очевидно, здесь ясно, что надо бы
Всю мудрость всего человечества
Направить на то, чтобы люди грядущего,
Всеобщей любовью объятого,
Не знали б про боль и нужду неимущего,
Про пирровый пир сорок пятого.

ЛЁТЧИЦА

Ещё ничто не предвещало скорого начала войны. В мирном голубом небе светило оранжевое солнышко, улыбаясь каждому прохожему. Природа просыпалась после зимнего сна. На деревьях появились нежные зелёные листочки. Травка начала зеленеть. И вообще жизнь была яркая, радостная, не чем не омрачённая. Даже я с перевязанной головой старалась улыбаться, ведь всё шло на поправку.

Да и соседи по дому, в общем – то были милые люди, хотя с некоторой иронией называли меня лётчицей или героиней. Я не обижалась на них. Сама виновата.

К нам в небольшой посёлок при станции Панютино приехал цирк. Поскольку гостиницы в посёлке не было, то артистов разобрали по своим квартирам жители посёлка.

У нас остановилось двое акробатов. Они по утрам делали усиленную зарядку. Я с интересом наблюдала, как они это делали легко и непринуждённо.

В комнате, где они жили, стояли две железные кровати. Высокие боковые перила кровати акробаты использовали, как турник. Их стройные, натренированные тела взлетали под самый потолок так легко как пушинки. Держась за перила кровати, они становились на стойку – ноги вверху, голова внизу. Эх, стать бы акробаткой!

Глядя на них, казалось, что это сделать очень просто. Поскольку я была, как говорила мама, отчаянная, я, не задумываясь, последовала их примеру. Но, увы и ах, когда ноги мои были наверху, а голова внизу, я не удержала равновесия и с размаху полетела вниз, ударившись лбом о чугунную дверцу печи, которая находилась рядом с кроватью.

К моему несчастью дверца была открыта, и угол её вонзился в мой высокий лоб, когда я слетела с перила кровати. Что было потом, не помню. Но что-то страшное.

После этого стать акробаткой мне уже не хотелось. Лучше лётчицей, там попроще, не надо кверху ногами стоять. Там главное правильно спикировать и удачно приземлиться.

КИСЕТЫ

В Красноярске к концу войны, когда люди стали уезжать к себе домой на освобождённые от фашистов земли, мы переехали в тёплый бревенчатый дом. Нас поселили на второй этаж. А на первом этаже жила тётя Глаша – портниха. Мама часто по-соседски ходила к ней. Как-то раз она взяла и меня с собой. Какую необыкновенную красоту я там увидела! На столе, на сундуке лежали горы разноцветных лоскутков, красивых – красивых. Я таких никогда не видела! Мне разрешили, и я их складывала, раскладывала, разглаживала рукой. Любовалась ими! Ну, как я могла расстаться с таким богатством? Перед тем, как уходить от тёти Глаши, я отобрала самые красивые лоскутки и спрятала их под кофточку. Принесла это богатство домой, стала раскладывать на столе, и тут вошла мама. Она некоторое время наблюдала за мной со стороны. Наверное, решала, как ей поступить. Потом решительно подошла к столу и строго спросила: «Зачем ты без спроса взяла эти лоскутки?» «Мама, ну они же такие красивые!» Плача и краснея за свой неблаговидный поступок, я стала собирать лоскутки. А мама взяла ремень внушительных размеров и сказала: «Какой позор! Пошли, отнесём. Неси всё это перед собой, чтоб все видели, как ты опозорила нашу семью».

Рыдая, я спускалась по лестнице, неся перед собой это богатство. А мама шла сзади с ремнём. Это был урок на всю жизнь!

Тётя Глаша прониклась сочувствием и хотела всё это подарить мне, но мама была непреклонна, несмотря на то, что я так искренне просила прощения.

Несколько дней спустя, когда я слезами смыла свой позор, тётя Глаша простила меня: «Я верю, что ты всегда будешь честной девочкой». И обращаясь к маме, сказала:

«Давай возьмём её в свою бригаду. Она будет раскладывать выкроенные кусочки ткани для кисетов».

– Для чего? – спросила я.

– Для кисетов – продолжала тётя Глаша – Это такие мешочки для махорки.

– А махорка – это что?

– Махорка – это низший сорт табака. Скоро Новый год. Бойцы на фронте получают в подарок кисеты, и ещё лучше бу-

дут бить фашистов. Ты же, когда получаешь подарок, стараешься лучше выполнять то, что тебе поручают.

Женщины шили кисеты для фронтовиков. Этот труд шёл от души, от сердца.

И все, кто шили кисеты, очень гордились своей работой. Солдаты, получавшие в подарок эти кисеты, чувствовали тепло души наших женщин и ещё быстрее гнали фашистов на запад, освобождая нашу землю.

Гордость переполняла меня. Началось всё с моего позора, а закончилось так хорошо! Я тоже приближаю Победу!

ПЕРЕПВА

Вы когда-нибудь ели чёрный хлеб, намазанный сливочным маслом и посыпанный сверху сахаром? Попробуйте. Очень вкусно!

Тысяча девятьсот сорок четвёртый год. Великая Отечественная война ещё не кончилась, а мы уже вернулись из эвакуации из далёкой Сибири на Украину. В городе Харькове я иду первый раз в первый класс в украинскую школу, потому что она находится ближе к дому.

В школе мне всё нравится: море цветов, много нарядно одетых детей, красивая молодая учительница в необыкновенно широкой юбке, о которой можно было только мечтать. Учительница что-то рассказывает, голос у неё приятный, певучий. Но я не всё понимаю. Дома у нас говорили по-русски. Но, правда, песни пели украинские. Урок прошёл, зазвенел звонок, и учительница объявила: «Перерва». Все дети повывскакивали из-за парт. Я тоже не отставала. Но решила всё сделать прилежно, как мама учила. Достала из-под парты свою сумку базарную. (Портфелей ни у кого не было, Мы тогда даже не знали такого слова – портфель). Сложила в сумку книжки, тетрадки. Всё пересчитала, Всё в порядке. И пошла домой. Оставила дома сумку, и скорей гулять во двор. Странно, вообще-то в нашем дворе всегда много детей, а тут – никого нет. Скучно. И тут я увидела большого рогатого жука. Как интересно! Я стала наблюдать за ним, и заигралась так, что не заметила, как меня обступили дети, которые пришли из школы, и тоже наблюдали за моим жуком. Но что это они жуют?

Это они едят чёрный хлеб, намазанный маслом и посыпанный сверху сахаром! Это им дали в школе! А мне?! И тут я узнала, что надо было отсидеть в школе ещё один урок. И тогда бы я тоже получила такой – же хлебушек. Но я же не знала, что слово «перерва» – это перерыв, переменка. И надо было ещё один урок отсидеть в школе. Ой, как мне было и обидно, и досадно! В то время кусочек чёрного хлеба, да ещё с маслом и сахаром – это было ужасно вкусно! Одна девочка дала мне попробовать маленький кусочек хлеба, который не успела доест. Вкус и запах того чёрного хлеба я ощущаю даже сейчас, хотя с тех пор прошло почти семьдесят лет.

ПУШКИН РОДИЛСЯ
200 лет назад 6.06.1799 года

«Предпочитаю отечество, которое есть...»
Из письма к Чаадаеву

Когда за окнами мелькала
Гладь изумрудная полей,
Строка Онегина звучала,
К свободе зов в душе моей.
«Придет ли час моей свободы?
Пора, Пора! – взываю к ней»
Зов в пробегающие своды,
В манящий сумрак их теней.
И видится под тенью крыльев
Ветрами зыблемых валов
Меня вспоившая стихия,
С кудрями северных лесов.
Когда вдали душа бессильна.
И стынет мерный камертон.
«Вдыхать о сумрачной России»,
Как двести лет вздыхает он.

06.06.1999

ОСКАРУ УАЙЛЬДУ

Порока огненные чаши
Всю жизнь он смело пил до дна.
Нет, сердцем не был он уставший,
Его сразила кутерьма.
Непонимание людское,
И фанатизм, и злобный бред.
Но сердце гордое покоя
Не обрело в потоке бед.
И страха трепетное жало
Не обожгло души его.
И сердце гордое топтало,
Все петли ада за него

Пройду! Не сдамся духом вольным
 Перед неправедным судом,
 И перед ранящею болью
 И мщенья огненным мечом.
 Всех чувств потоком неуёмным
 Писал он, чувствовал, любил.
 Как Он простил сынам Содома,
 Так и народ его простил.
 Могильный камень лепестковым
 Фонтаном искренности скрыт.
 Как сад опавшею листвою,
 Цветами роз благодарит.

ИСКУССТВО

*«Я при помощи живописи
 Делаю мысли видимыми»
 Рене Магритт**

Сделать мысли доступными глазу,
 В каждой капле, в стекле хрусталей.
 Как Магритт дал фрагменты пейзажа
 На осколках стекла – «Ключ полей».
 Голографией в малом кусочке,
 Распыленной по миру мечте,
 Сохранить, запечатать, хоть в точке,
 Твои мысли – любовь к красоте.
 Распылится хрустальная крошка,
 Унеся целый образ в себе,
 Чтоб открылась в далеких окошках
 Вся любовь, что живет на Земле.

29.06.12

*Картина Рене Магритта «Ключ полей» из Мадрида на выставке «Воображаемый музей» в ГМИИ к столетию музея. Выставка представлена в Главном здании, в Галерее (картина Магритта «Ключ полей») и в Отделе личных коллекций. Если разбить голографическую пластинку, в каждом малом ее кусочке будет записан образ, и его можно воспроизвести.

МОЙ ВЕТЕР

Утонула по плечи в смарагдовых травах,
 Упала лицом в шелковистый ковер.
 Ветер медленно станет качать эти травы,
 С ветром я начинаю вести разговор.
 Ветер нежно погладил шептавшие губы,
 По несмятым травинкам волной пробежал,
 Но вернулся с загадочной тайной причудой,
 И с вторым дуновением рядом упал.

23.06.12

ХИМКИ

Мой городок от Кольцевой дороги
 Раскинулся на запад от Москвы.
 В заветные места выносят сами ноги,
 Когда задумчиво перехожу мосты.
 Здесь умер папа, родился сынок,
 И в миг один я потеряла мужа,
 Здесь дочь я за руку водила на каток.
 И бегала сама в кружок плетенья кружев.
 Здесь школа и бассейн,
 А там канал. И рядом парк, с крутым обрывом в воду.
 И лес с дубовой рощей рассказал.
 Что видел нас он в разную погоду.
 Утраты, радости, и всё, что полнит дни,
 Проходит чередой со мной рука об руку.
 Приедешь в городок наш, загляни
 В наш парк и лес. Приди сюда, как к другу!

3.01.95

* * *

Так не хватает собеседника,
С простой душой, не привередника,
С которым бы – не есть, не пить,
А просто сесть, поговорить.

Чтоб рассказать об огорчениях,
Доверчиво, но слез не лить,
Ему поведать о сомнениях,
С которыми так трудно жить.

Поговорить о редких радостях,
О том, что пишутся стихи,
И вспомнить о судьбы превратностях,
Что, слава Богу, далеки.

И он мне тоже попытается
Поведать тихо, не спеша,
Как иногда скорбит и мается
Его бессмертная душа.

Слова надежды, утешения
Друг другу скажем в этот час,
А все не злые прегрешения
Простит нам Бог в который раз.

Так не хватает собеседника
С простой душой, не привередника,
С которым – сесть, поговорить,
Тепло друг другу подарить.

* * *

Пришла весна – но холод на душе,
Весны явление горю не поможет,
Ее негромкое, несмелое туше
Застывших клавиш отогреть не сможет.

К больному сострадание яви,
Войди в мой дом и сядь со мною рядом,
И ледяную душу оживи
Спокойным, теплым, васильковым взглядом.

* * *

В моем саду улыбка розы
Меня встречает поутру.
Сотру вчерашней грусти слезы,
Печали след с лица сотру.

Пройду по утреннему саду,
Он весь купается в росе,
И за мои труды – наградой
Он предстает во всей красе.

Предназначение земное
На свой исполнила я лад –
Детей родить, и дом построить,
И вырастить цветущий сад.

* * *

Бессонница, вечная гостя ночная,
Как часто сижу я, тебя поджидая.
В ночные часы, что спокойны, легки
С тобой мы читаем, приходят стихи.

Но только сегодня тебе я не рада,
Нежданно забот навалилась громада,
Житейские хлопоты, утренний путь,
Поэтому надо пораньше заснуть.

Лекарство запью я стаканом водицы,
Нужны полчаса, чтобы сном мне забыться.
Как дороги мне эти тридцать минут!
В предчувствии сна мечты меня ждут.

И я вспоминаю любимого друга,
 Пусть жизнь – лишь разлука, печальная fuga.
 Мне кажется – рядом любимые плечи,
 И руки, и губы, и тихие речи
 Звучат, как прозрачное соло гобоя,
 Влекущее ниточку сна за собою...

И снится мне то, о чем я мечтала,
 О чем я шептала, что призывала.
 Волшебный мой сон, не кончайся, продлись,
 Любимый мой друг, мне и завтра приснись!

* * *

Так много лет твоя рука
 Была чужда и далека.
 Ее пожатя сладкий плен
 Забыла я. Но перемен
 Настало время, и рука,
 Твоя рука опять близка.

Она надежна и крепка,
 Мне бесконечно дорога,
 И до своих последних дней
 Не расставалась бы я с ней.

В твоей руке – моя рука...
 О, как награда высока –
 За боль немислимых разлук
 И разобщенность наших рук.

* * *

Осеннее солнце последнее
 Пригрело меня невзначай.
 Окончена живопись летняя,
 Кругом – увяданья печаль.

Дождями навзрыд, безутешными
 Оплаканы летние дни.
 Так жалко, что в местности здешние
 Не скоро вернутся они.

Палитру свою бело-черную
 Раскроет седая зима,
 И дачников племя упорное
 Прогнав в городские дома,

Начнет замечать и куражиться,
 И землю студить, и сердца,
 Да так, что однажды покажется –
 Ей вовсе не будет конца.

Смотря за замерзшими окнами
 О лете красивые сны,
 Воробышком грустным, нахохленным
 Ждать буду прихода весны.

Прошу у судьбы снисхождения:
 Пусть жизни продолжится ход,
 Чтоб яркое солнце весеннее
 Согрело меня в свой черед.

ОТТЕПЕЛЬ

Ура! Сегодня оттепель
 Посреди зимы,
 У нее весна теперь
 Три дня взяла взаймы.

Стою с улыбкой на губах,
 С распахнутым лицом,
 А ветер – чувствую – запах
 Как будто... огурцом.

Сугроб уже почти размок
От яркого луча,
И выбегает ручеек
Из-под него, журча.

Защебетали воробьи
В сиреневых кустах:
Волнение вызвали ручьи
У легковерных птах.

Я им: некстати ваш вокал,
Свою уймите трель,
У нас февраль еще пока,
А вовсе не апрель.

Ну а весны – придет пора,
Недолго ждать теперь,
Слезам радости с утра
Расплачется капель.

Живой, струящийся поток
Последний смоем лед,
И смелый, маленький цветок –
Подснежник расцветет.

Когда прольется синева
На город и на сад,
Окажется – душа жива,
Как много лет назад.

* * *

Безмятежное лето катилось цветным колесом,
С яркой зеленью леса и с солнца румяным лицом,
С неприкрытостью тел загорелых, с загадкой глаз:
От нее замирало и падало сердце не раз.

Ту загадку загадывал мне мой – по даче – сосед,
Уже год как вдовец, уже три – как заботливый дед.
В тот особенный день он на праздник друзей пригласил,
И для праздника повод, конечно, нешуточный был.

Накануне сосед завершил титанический труд,
Результатом труда стал в саду удивительный пруд,
Валунами обложен был пруда красивый овал,
И густой изумрудный газон этот пруд обрамлял.

То-то радости детям! Они по траве босиком
Резво бегали вслед за веселым забавным щенком,
По упругой траве кувырком, и вприпрыжку, и вскачь,
И смеялись, бросая друг другу резиновый мяч.

Мне запомнился пруд в ореоле светящихся бус,
И шашлык, и в бокалах вино, и огромный арбуз,
Круг друзей и соседей, где каждый был каждому рад,
И глаза, что тревожно и нежно ловили мой взгляд.

Но окончился праздник, и было пора уходить,
И радушный хозяин задумал меня проводить.
Вот и дом мой, и сад, и повсюду погасли огни,
В полуночном саду мы впервые остались одни.

Был так жарок той ночи июльской немыслимый плен,
Мы сходили с ума от касания рук и колен,
Свод небесный светил фантастических звезд серебром,
И казались не жесткими доски под тонким ковром.

НЕЗНАКОМКА

Прекрасный образ незнакомки
Нам светит через сотню лет,
И Блока поздние потомки
Бросаются порою вслед –

Вслед за загадкой, что пленяет,
За красотой, что манит,
Их недоступность – восхищает
И недосказанность – пьянит.

Будь славен тот, кто угадает
Свою судьбу в глазах чужих.
Тебе ж судьба не обещает
Таких подарков дорогих.

Загадку разгадать мечтаешь,
Но, разгадав, увы, найдешь
Все то, чего не ожидаешь –
Корысть, коварство, глупость, ложь,

Прикрытые искусной маской,
Что артистически верна,
Наигранной дежурной лаской,
Что вовсе чувства лишена.

Иной напрасно тратит силы,
Все ищет деву напоказ.
Любите тех, кому вы милы,
Любите тех, кто любит вас.

Та женщина, что где-то рядом,
Тебе знакомая давно
Могла бы стать твоей наградой –
Ведь ей любить тебя дано,

Быть за тебя всегда в ответе,
Заботу и тепло дарить,
За то, что ты живешь на свете,
До слез судьбу благодарить.

Душа, распахнутая настежь,
Увы, загадки лишена,
Но если ты в нее заглянешь,
Увидишь, как светла она.

Но вздохи пушкинской Татьяны
Тебе не внятны, не слышны,
В них видишь ты одни изъяны
И отголоски старины.

Ты смотришь на судьбы обломки,
Но после стольких мук и бед
Мечта о новой незнакомке
Тебя манит, как в двадцать лет.

КОЛОКОЛЬНЫЙ ЗВОН

Опять я слышу колокольный звон,
Великий храм стоит – былая небыль –
И, куполами обнимая небо,
Он в звуки благовеста погружен.

Нас возвышает колокольный звон
Напоминанием извечных истин,
И целый рой идей и добрых мыслей
В умах невольно пробуждает он.

Нам душу лечит колокольный звон:
Живи без суеты, стремись к благу,
Люби детей и стариков, будь верен дому,
Чти заповеди и людской закон.

Нас провожает колокольный звон,
Быть может, прозвучит он в час прощанья,
Но сбудутся ль иные обещанья
Иль ждет нас только сон, последний сон?

ПОЭТ

Посвящается Л. И. Колодяжной

Как описать поэзии явление,
Высокой лиры строй, и лад, и звук,
Что пробуждает в нас игру воображенья
И украшает бренной жизни круг?

Судьба ли, случай, свыше ль повеленье –
Служить поэзии уж столько долгих лет!
Такой творец, вне всякого сомненья,
Не всуе называется – поэт.

Стихи изящны и легки, они неброски,
В них сердца голос, мыслистройной ток.
Серебряного века отголоски
Здесь слышатся в переплетенье строк.

Внимай им, понимай и восхищайся,
И их легко и благодарно положи,
Как маленький, живой кусочек счастья,
В копилку очарованной души.

Да будет живо то волшебное наитье,
Которое поэту лишь дано!
Недаром кажется – серебряною нитью
Стихов прошито кружевное полотно.

«ЖЕНСКИЙ ДЕНЬ»

рассказ

Памяти Клары Цеткин

Мой друг Коля. Почти аристократ. Старательно «косит» под рафинированного интеллигента. Долго, с упоением возвышенно рассуждает о поэзии.

У него длинные светлые, тщательно расчесанные волосы, тонкие нервные пальцы. Бледное одухотворённое лицо с серыми, глубоко посаженными глазами. И всё это в обрамлении аккуратно отутюженных брюк, отполированных до блеска ботинок, накрахмаленной белоснежной рубашки, украшенной тщательно подобранным галстуком, с продуманно эффектным узлом.

Сверху это великолепие покрывает модное длинное, почти до пят, французское кожаное пальто, небрежно перехваченное на талии тоже длинным кожаным поясом.

Мы оба ещё не женаты, молоды. Отслужили армию и сейчас работаем и учимся вместе в институте, заочно. Мы мало что ещё понимаем в жизни, скорее, только догадываемся, но во многом придерживаемся крайних точек зрения.

Коля спорит со мной запальчиво, почти гневно. Из-за женщин. Я ему:

– Ты жизни не знаешь, бабы тебя сдадут и продадут двадцать раз и в грязи перемажут!

Коля – романтик и эстет, его коробит от моих слов. Он мне:

– Как ты можешь?! Почитай Бальмонта, Блока. Женщины – это чудо, это воплощение нежности, чуткости, это эфир!

Спор наш длится с перерывами уже несколько дней. Я устал от бесплодности спора и упорства моего товарища.

Сейчас мы спорим по дороге в магазин. Приехали в гости на ВДНХ, в городок Моссовета отмечать в компании друзей «Восьмое марта».

По предварительным подсчетам хозяев, не хватает водки, и нас послали в магазин докупить бутылочку. Дело непростое, поскольку на дворе начало семидесятых, с изматывающим продуктовым дефицитом, а уж, тем более, в праздничный день.

С большим трудом вошли, а вернее, втиснулись в маленький продовольственный магазин, где народу – битком.

Взвинченные мужики давятся в очереди, стараясь, навалившись на впереди стоящих, ускорить движение к прилавку. Встали и мы с Колей. Теперь прессуют и нас со всех сторон. Постепенно, шаг за шагом проталкиваемся к цели. Продавщицы, нервные и возбужденные от уже принятой «праздничной дозы», хриплыми голосами подгоняют очередь, со стуком выставляя на прилавок зелёные поллитровки, периодически выкрикивая, что осталось только два ящика. Мы начинаем волноваться вместе со всеми. Наконец очередь выдавливают нас к прилавку, к двум раскрасневшимся продавщицам. Коля протягивает одной из них заранее приготовленный гладкий новенький червонец и поздравляет продавщицу, застенчиво улыбаясь, с праздником. Та не реагирует, с грохотом выставив на прилавок бутылку, и орет: «Следующий давай!» Водка по три шестьдесят две. Коля растерян, уж слишком нагло. Пытается уточнить:

– Простите, пожалуйста, а как же сдача, я Вам десять рублей дал?!

– Что?!! Какая сдача? А ну, давай отсюда, алкаш, морда пьяная! Следующий! – отпускает водку уже третьему или четвёртому после нас покупателю, упоённая своей маленькой властью, продавщица. Из очереди в наш адрес несётся гневный мат, поскольку, застряв у прилавка, мы уже мешаем людскому потоку. Я с интересом наблюдаю за Колей. Он весь потный от волнения, с пунцовым лицом. Растерянно оглядывается на меня. Я не вмешиваюсь. Коля в раздумьях. Можно, конечно, уйти, но денег жалко. Да и слишком уж вызывающе ведут себя продавщицы.

Задыхаясь от возмущения, Коля вновь обращается к продавщице с просьбой о сдаче. В ответ – стук очередной бутылки о прилавок и крик:

– Серёга! Выдь сюда, разберись с алкашом наглым. Чего ему надо?

Из подсобки, вытирая губы, вразвалку выходит Серёга, сержант, в милицмейской форме без фуражки, с расстёгнутым воротничком рубашки, и угрюмо вопрошает:

– Чего тут у вас?

Продавщица начинает блажить во всё горло о том, что она и так запарилась вся в праздник, а тут ещё пьянь всякая деньги у неё кланчит.

Суровое Серёгино лицо упирается стеклянным взглядом в Колю, который пытается вежливо, но сбивчиво объяснить представителю власти ситуацию. Сержант угрожающе мрачнеет, но изысканный облик Коли смущает его. Я понимаю, что настало время вмешаться, и громко, нарочито зло ору на продавщицу:

– Как не стыдно мужика обманывать! Я рядом стоял и видел, как он вам червонец дал! Совсем обнаглели – среди бела дня обсчитывают!

Сержант делает мне успокаивающие движения рукой и, с укором глянув на подруг в белых халатах, от греха подальше удаляется в подсобку.

Продавщица мгновенно выбирает из двух зол меньшее и шлёпает на прилавок пухлой рукой уже приготовленную сдачу вздрогнувшему от стука Коле:

– На, подавись, побирушка, козёл... и иди на х... отсюда!

Коля забирает сдачу и, вроде бы, вдохновлён одержанной победой, но подавлен руганью и оскорблениями и замирает на месте, растеряннo хлопая глазами. Я с силой вытаскиваю его за руку из плотного сплетения мужских тел на улицу. Он не может сразу уйти, стоит, оглядываясь по сторонам, и бормочет:

– Как же так? Ты же видел... почему она...

Назад мы идём молча. Я, скосив глаза, слежу за переживаниями товарища, за его отрешённым, бледным, растерянным лицом. Мне его уже жалко.

Подходим к подъезду, я открываю дверь. Коля останавливается и, опустив лицо с потухшими глазами, тихо, с грустью говорит:

– Да, Володя, наверное, ты прав, теперь я понимаю...

Я киваю головой и успокаиваю его, дружески похлопывая по спине. Мы входим в дом, где нас уже жаждали. За праздничным столом Коля промолчал весь вечер и быстро, неумело напился водки, забывая закусывать и говорить тосты.

«ЕЩЁ МОГЁМ!»,
или
«АКИ ГОРНЫЙ КОЗЁЛ»

Живу в Турции, в тихом пустынном местечке за Аланией, в маленьком полупустом отеле. Каждое утро с любопытством и нарастающим тайным желанием через окно своего номера поглядываю на близлежащие горы. Вроде бы даже не горы, а так, холмы высотой в 300-400 метров. Пытаюсь прикинуть, какой шикарный вид, какая панорама оттуда открывается на море и окрестности. Проходят первые 3-4 дня моего отдыха, заканчивается акклиматизация. Ежедневное пребывание на солнце, купание в море, режим приносят первые результаты. Начинаю чувствовать прилив нерастраченных сил. Всё заинтересованней смотрю на горы. Вечерами, когда солнце палит уже не так беспощадно, брожу у подножия и, ещё нехотя, начинаю что-то про себя прикидывать, выбирая удобный для восхождения склон. Везде – почти отвесные скалы и крутые обрывы. Хожу кругами, а где-то внутри чёртик уже подзуживает меня: «Ну, что, слабо?» Ужасно хочется какого-то испытания, риска.

Три месяца назад мне исполнилось 50 лет, и сейчас эта круглая дата не дает мне покоя. Хочется проверить себя «на вшивость». Способен ли я теперь на что-то серьезное, рискованное, или надо спокойно встречать старость на городском асфальте. Чёртик подзуживает меня изнутри всё чаще. «Кто Вы, доктор Зорге?» – вспоминаю я почему-то название старого фильма. Риск и неизвестность привлекают даже сильнее, чем физическое испытание. И вот наступает момент, когда я решаю. Выбираю место на ближнем от отеля, самом трудном для подъема склоне, где нагромождение огромных камней перемежается с колючим кустарником. На ближайшие сто метров подъёма дорога в гору мне ясна, а дальше, будь что будет, – разберёмся. Приняв решение, чувствую радостное возбуждение. Никто уже не сможет отговорить меня от этой авантюры. Да и говорить-то не с кем – одни немцы с турками вокруг.

Идти надо налегке, рано утром, когда уже светает, но ещё далеко до восхода палящего солнца, которое просто сожжёт меня на склоне. Вечером продумываю и готовлю удобную экипировку: кроссовки, длинные, почти до колена носки, шорты, майка с короткими рукавами, джинсовая панама. В сумочку, которая

крепится на поясе, укладываю лейкопластырь, бинт, перочинный нож. Подумав, беру «мыльницу» – фотоаппарат. Тоже закрепляю в футляре на поясе. Всё, ничего лишнего.

Пол пятого утра, тихо трещит мой походный будильник. Быстро встаю, одеваюсь. Горы ещё в темноте, но, ничего, пока дойду до них через 15-20 минут, будет светлее. На минутку задумываюсь: может, предупредить портье в рецепции, что иду в горы? Иду-то один. Что случись, меня ведь начнут искать в море. Да и то, только на следующий день, в лучшем случае. В отеле со свободным режимом все – сами по себе. Но где же тогда риск?! Это уже будет экскурсия какая-то... Нет, решаю я однозначно. Испытание – так испытание. Уйду тихо, никто не должен знать, где этот странный, одинокий русский, не проронивший ни слова с персоналом за предыдущие дни.

Перекрестившись, выхожу из комнаты. Ключ от номера решаю оставить у себя: в случае чего, это будет единственная ниточка, связывающая меня с турецким отелем, а, соответственно, и с Россией. Вот так, в радостном предвкушении и возбуждении, но предельно собранный, подхожу по пыльной дороге к подножью своей горы. Пока ещё лёгкие сумерки, но склон достаточно освещен. Смотрю на часы – без пяти пять. Оглядываюсь вокруг, вздыхаю и начинаю быстро подниматься по камням наверх, перепрыгивая через расщелины и обходя кусты. Минут через пять, почувствовав первую лёгкую усталость, останавливаюсь на большом плоском камне и с любопытством оглядываюсь. С удивлением определяю, что забрался уже достаточно высоко. Любуюсь открывшимся видом. Через пару минут, вдохновлённый, начинаю карабкаться ещё выше. Мой путь становится всё сложнее и путанее. Приходится часто останавливаться, выбирая дорогу, перепрыгивать через бесконечные расщелины, пробираться буквально через колючую проволоку, в роли которой сегодня выступает местный горный сухой кустарник. Ноги, как ни стараюсь их уберечь, уже в крови от острых шипов и колючек и начинают подрагивать от усталости.

Попав в очередной тупик в скалах, кручу головой, пытаюсь отыскать какой-нибудь проход дальше вверх. Стою на карачках на большом шершавом обломке известняка. Не обнаружив для себя пути, решаю, немного спустившись, обойти препятствие сбоку. Аккуратно разворачиваюсь на камне, смотрю вниз. Я

уже где-то на середине горы, и теперь спускаться обратно будет гораздо труднее, чем продолжать подъём. Прямо подо мною крутой склон из огромных острых камней и колючих кустов. Далеко внизу, по дороге медленно едет крошечный грузовик. Да, вспоминаю я «12 стульев», у отца Фёдора хоть колбаса была с собой.

Вот я и испытал то, к чему стремился – почти полную безысходность. Немного передохнув и собравшись с силами, перепрыгиваю через кусты на соседний камень, мысленно благодаря свои лёгкие, цепкие кроссовки. Продолжаю карабкаться наверх, внимательно выбирая место для каждого шага. Начинает припекать солнце, и пот уже заливает глаза.

Наконец, выбираюсь на крошечную горную полянку с высокими кривыми соснами. Дальше к вершине – почти отвесный склон из скал. Отдохнув в тёплой и душной тени, лезу наверх. Кое-где просто подтягиваясь на руках. Уже завёлся, и в голове только одно – вверх, вверх, вверх! Азарт тащит меня вперёд. Про себя отмечаю: знал бы заранее, что придётся испытать, вряд ли бы в гору полез. Но это – минуты слабости. А вот и она – вершина – макушка каменной горы, заросшая жёлтыми и оранжевыми высохшими кустами. Выбираю свободное место на камнях и сажусь, весь мокрый от пота, опустив уставшие руки и вытянув дрожащие ноги.

Теперь я вижу то, что пытался отвлечённо представить себе, находясь там, в долине, у подножья горы. Внизу пронзительно синее, нет, скорее, голубое и, конечно, очень ласковое море до горизонта; чётко очерченные прямоугольники и квадратики полей, миниатюрная коробочка моего отеля и, далеко слева, крохотные домики посёлка. Солнце уже высоко и освещает всё это вместе с полоской пляжа. Встаю, гордый и довольный собой. Забрался-таки, чёрт старый! Достаю фотоаппарат, делаю несколько снимков. Вижу: далеко внизу, на узких горных террасах медленно двигаются маленькие чёрные точки – это пасутся горные козлы и козы, я снизу видел. Счастливый от впечатлений, кручу головой, и вдруг замечаю сзади себя, с противоположной стороны от покорённого мною склона, широкую тропу, почти дорогу. Спускаюсь по этой тропе, перепрыгивая через камни, немного ниже. Вижу колею от автомобильных колёс. Дорога далее, извиваясь между скалами, по пологому склону уходит далеко вниз к посёлку. Ошеломлённый таким открыти-

ем, несколько минут стою, не веря глазам своим. Возвращаюсь на вершину и начинаю нервно смеяться. Ситуация-то комичная. «Герой – ж... с дырой! Альпинист хренов!». Постепенно успокаиваюсь. Ну и что? Подняться по тропе каждый сможет, а вот моим маршрутом – пусть попробует.

Налюбовавшись вдоволь шикарной панорамой, решаю спуститься и отношусь к этому действию, как окажется позже, слишком легкомысленно. Спускаться трудней, чем подниматься. Начинаю двигаться по незнакомому склону, который обращён к морю. Несколько раз попадаю в расщелины, заросшие кустами, приходится выбираться назад и попадать в новые ловушки. В кустах рву шорты, майку и даже шнурки на кроссовках. Кое-где приходится прыгать со скал, повисая на руках. Через пару часов, совершенно измученный, выбираюсь на пустынный пляж к морю. Сажусь на песок, медленно, с трудом раздеваюсь. Руки и ноги ободраны до крови. Долго не могу развязать измочаленные шнурки на кроссовках. Выбрасываю пыльные, драные, в колючках носки. Трясущимися босыми ногами, аккуратно наступая на мелкую гальку, вхожу в воду и падаю лицом вперед в тёплое Средиземное море. Лежу на воде, раскинув руки, ощущая почти полную невесомость. Какой восторг! Переворачиваюсь на спину, и лёгкие волны нежно пробегают вдоль тела. Настоящее блаженство как награда за мой маленький «Эверест». Каким милым и комфортным сейчас кажется мне надоевший пляж. Какая замечательная, солнечная страна!

На следующий день просыпаюсь уже другим человеком. А что? Могём!

Гази-Пашиа. Сентябрь 1997 г.

ВОСКРЕСНЫЕ СОСИСКИ

У Иннокентия Ефремовича Каричева с утра было прекрасное настроение от предвкушения предстоящей прогулки в морозный солнечный день. Была ранняя весна, начало марта. Снег искрился от тёплого и уже настоящего солнышка, которое уверенно расположилось на просторном ярко-синем небосклоне. Стоя у окна, Иннокентий Ефремович любовался

чёрными чёткими тенями от соседних домов на ослепительно белом снегу. Эх, хорошо! Сейчас он умоется, побреется, выпьет горячего чая и, не спеша, пойдёт прогуляться в ближайший магазин купить себе чего-нибудь вкусенького к обеду. А вечером сегодня хоккей, СССР-Канада. Обязательно покажут, ведь наши играют. Пребывая в благодушном настроении, Иннокентий Ефремович представил себе, как проведет он этот воскресный день. Недавно он решил выйти на пенсию и пользовался непривычной свободой себе в радость. Выходной день радовал его скорее по многолетней привычке, ведь все его дни теперь были выходными.

Натянув на себя тёплый свитер и брюки, он медленно застёгивал пуговицы на пальто, критически оглядывая себя в зеркало. Удовлетворённо заметил: «Ничего, ничего! Я ещё в полном порядке!» Нахлобучив на поседевшую голову старую кроличью шапку, Иннокентий Ефремович вышел на лестничную площадку и захлопнул входную дверь.

В магазине ему повезло. В мясной отдел, куда он встал в очередь, грузчики стали заносить ящики со свежими сосисками. Он попросил румяную, веселую продавщицу повесить ему полтора килограмма. Взяв в руки полиэтиленовый пакет с любимым продуктом, развернул его и вдохнул приятный пряный запах. Ах, как хорошо!

Шагая обратно к дому по скрипучему снежку и осторожно вдыхая свежий морозный воздух, который приятно показывал ноздри, Иннокентий Ефремович предвкушал, как сейчас придёт домой, вскипятит водичку в кастрюльке, бросит туда пяток этих славных, ароматных сосисок и будет ждать, когда в бурлящей воде они набухнут и станут лопаться, демонстрируя свою готовность к употреблению с горчицей. А перед этим он успеет почистить и поставить на огонь вариться хорошую воронежскую картошечку, купленную им, по случаю, на рынке ещё на прошлой неделе. Её потом он польёт душистым подсолнечным маслом, предварительно слив горячую воду из кастрюли, и закроет крышкой, чтобы картошка как следует промаслилась и протомилась. В шкафчике на кухне припрятана фляжка с коньяком, которую он купил в день получения пенсии до «лучших времён». И вот эти времена наступили! Ах, какой замечательный день!

Иннокентий Ефремович, остановившись, неторопливо за-

курил и, попыхивая сигаретой, щурясь от назойливого солнышка, неспешно двинулся дальше, мелко перебирая ногами по укатанной снежной дорожке.

Впереди на тропинке и чуть сбоку, на снегу, сидела стайка бродячих собак. Две собачки в стороне, у помойки, лениво и безуспешно рылись в разбросанном мусоре, выискивая себе что-нибудь съедобное. Подойдя к собакам, Иннокентий Ефремович остановился. Взглянул с жалостью на их костлявые бока, тоскливые замызганные мордочки. Собаки, поджав уши, смотрели на него с надеждой голодными и печальными глазами. Светлое и щемящее чувство медленно разлилось по всему организму Иннокентия Ефремовича, согревая его сердце. Он не мог в этот радостный для него день не поделиться с несчастными меньшими братьями приобретённым лакомством. «Ах, вы мои бедные!» – бормотал Иннокентий Ефремович, роясь в хозяйственной сумке и отрывая от связки две тугие, красные сосиски. Собаки в нетерпеливом ожидании окружили его, высунули языки и, повизгивая, встали на задние лапы. Наконец, Иннокентий Ефремович сумел аккуратно открутить сосиски от связки и приподнял их правой рукой чуть выше плеча. Собаки залаяли в исступлении и запрыгали на снег, не сводя жадных глаз с неожиданного и желанного подарка. Иннокентий Ефремович, удовлетворённый произведённым эффектом, бросил сосиски на снег, поближе к самой жалкой, ободранной рыжей дворняжке. Все собаки сорвались с места и кучей бросились к еде, вытянув оскаленные пасти. Ткнувшись ими в сосиски почти одновременно, потолкали их по очереди носами. Затем, разочарованно отдёргнули мордочки и, поджав хвосты, отошли в сторону.

Дольше всех боролась с искушением рыжая. Она долго, прихихиваясь, крутила своим носом на снегу сосиску, будто пыталась обнаружить в ней что-то. Потом подняла голову и посмотрела пристально и недоумённо на Иннокентия Ефремовича. Ему показалось, что её глаза были полны нескрываемого презрения. Он растеряно затаился сигаретой и, потоптавшись немного на месте, в душе жалея надкусанные и облизанные собаками сосиски, двинулся в сторону своего дома. Пройдя несколько шагов, он остановился и оглянулся. Собаки смотрели ему вслед, то ли ожидая какого-то продолжения, то ли раздумывая о чём-то.

Возвратившись домой, Иннокентий Ефремович сосредоточенно сделал то, что намечал заранее. Почистил и поставил на огонь картошку в эмалированной кастрюле, отварил сосиски. Аккуратно положив приготовленную еду в большую тарелку, он откупорил фляжку с коньяком и налил его в стопку.

Выпил залпом, крикнув по привычке, будто бы пил водку. Нанизал на вилку большую дымящуюся розовую сосиску, макнул её в горчицу, предварительно выложенную на край тарелки, и с аппетитом прожевал, сопроводив её половинкой горячей, промасленной картошки. «Нормальная сосиска, говяжья!» – констатировал он, как бы дискутируя с кем-то. Пожав плечами, Иннокентий Ефремович опять плеснул в стопку коньячку и снова, макнув сосиску в горчицу, опрокинул стопку в рот. «Хорошо!» – отметил он, но уже как-то вяло. Прежнего радостного настроения у него почему-то не было.

Свидетельство эпохи...

«КУСОЧЕК ТОРФА»

Злая морозная вьюга 1920 года вихрем гнала по улицам колючий снег, от которого слепались глаза, а леденящий холод пробирал до костей. В ранних сумерках молоденькая, хрупкая девушка спешила домой после работы, покачиваясь от порывов пронизывающего ветра и кутаясь в большой мамин шерстяной платок. Трамвай не ходили, и добираться до дома приходилось пешком, пробираясь через железнодорожные пути, чтобы сократить дорогу к дому.

Впереди на путях несколько рабочих разгружали вагон с торфом. Девушка невольно замедлила шаг, – вот оно тепло, в этих торфяных пакетах, – подумалось ей. Как бы угадав её мысли, пожилой рабочий улыбнулся и кивнул головой, разрешая взять брикет замерзшего торфа. Обрадованная девушка подобрала в темноте самый крупный кусок, завернула его в обрывок валявшегося плаката и побежала домой. Крепко и бережно прижимая к себе сверток с куском драгоценного торфа, она представляла себе, как обрадуются её родители этому неожиданному подарку, как отец растопит маленькую печку-буржуйку, которую они в семье называли «пчёлкой», как будет

он откалывать от брикета небольшие кусочки и подкладывать их на горящие щепочки, а мама вскипятит пузатый медный чайник и как они вместе будут пить чай и греться возле раскалённой печки.

А вот, наконец, и дом. Торопливо поднявшись на второй этаж по промёрзшим ступеням деревянной лестницы, и, вбежав в комнату, она осторожно опустила свой трофей на пол возле печки и стала радостно и подробно рассказывать родителям, как замерзла она по дороге, как мечтала о домашнем тепле. Как увидела горы торфа на железнодорожных путях, и как хороший добрый дядечка разрешил ей взять с собой самый большой кусок. Повернувшись к печке, она присела и стала разворачивать бумажный кулёк. Развернув бумагу, она застыла на мгновение в недоумении... и горько заплакала. На скомканной серой бумаге, в большой чёрной луже лежала горстка грязного растаявшего льда.

За промерзшими заиндевевшими окнами заканчивалась третья зима Советской власти. 16-ти летнюю девушку звали Ниной, и это была моя бабушка.

САША И ПАША

рассказ

Саша и Паша живут дружно вдвоём в деревне Дергунино, в 70 километрах от Москвы. Паша – энергичная женщина «переходного возраста». Саша – флегматичный мужик, где-то лет пятидесяти. У них старый, недостроенный дом на самом берегу Москвы-реки и большой бестолковый огород, где растёт капуста, попеременно с картошкой, морковью, кабачками и тыквами. Они не расписаны, детей у них нет. Оба нигде не работают, торгуют овощами, по вечерам смотрят эротические фильмы на старом видеке, напиваются по случаю, ходят по грибы, купаются в жару в реке, что прямо за изгородью, ловят рыбу, когда удочками, а когда бреднем с частой сеткой, который называют «телевизором». Разговаривают они исключительно матом и руганью это не считают. А так... фигурой речи.

Сейчас к ним в гости приехала знакомая дачница, врач по профессии. Заехала за овощами вместе с новым мужем-профессором. Зная о визите, Паша ещё с утра строго предупредила

Сашу, чтобы он вёл себя покультурнее, матом не ругался и от казался от своего любимого матерного словечка, без которого не обходится ни одна его фраза и которое, наверняка, шокирует городских интеллигентов. Саша, получив инструктаж, побрился, надел чистые трусы, в каких потом он и встретил гостей, немного выпил для храбрости и приготовился быть культурным.

Радостно встретив старую знакомую, Паша делилась с ней свежими деревенскими новостями, следя за нюансами своей речи. Саша был скован, приглядываясь к заезжим дачникам, и старался больше помалкивать. Поприветствовав друг друга и обменявшись новостями, хозяева и гости решили искупаться, поскольку июльская жара была невыносимой.

Но вот, дачница, выйдя на берег, по неосторожности поведала Саше, что они с мужем ездят купаться на озеро Локотня, за десять километров отсюда. И тут Саша всерьёз возмутился. Тщательно выбирая слова, он разразился длинной тирадой, дав отпор неслыханному расточительству. Заменяя любимое словечко на более приличное, он строго отчитал непутёвую гостью: Вы чё, на фиг!? Кака Локотня, на фиг? Вон вышли за забор, на фиг, и купайся! Чё бензин переводить, на фиг? Окунулся, на фиг, и плавай, на фиг! Чё переться, на фиг!? Тут раз... и на фиг! Прямо у дома, на фиг! Вода, на фиг, вот такая!» – Саша поднял большой палец. «Я, на фиг, каждый день, на фиг! Тут плавай, на фиг, скоко хошь, на фиг... ну Вы даёте, на фиг!» – Саша возмущенно помотал головой. Когда после купания сели за стол во дворе, чтобы выпить по рюмочке за встречу из привезённой гостями бутылочки водки, Саша всё продолжал возмущаться, качая головой. К нему присоединилась и Паша. Уже после второй рюмки они забыли про свой утренний уговор и перестали заменять слова. Врачиха с мужем, не желая портить отношения с деревенскими приятелями, терпели и старались уловить смысл в их нехитрых рассказах. Но после матерных частушек, весело и громко пропетых захмелевшими хозяевами, гости поспешили откланяться, торопливо расплатившись и загрузив в багажник машины корзину с овощами.

Саша с Пашей, обнявшись, стояли на дороге, провожая щедрых покупателей. Разрумянившийся от водки и подобревший Саша кричал им вслед: «Вы, на фиг, давайте, на фиг! Как решите, на фиг, так сразу к нам, на фиг! Мы Вам, на фиг... овощей, на фиг... во навалим! Ждём Вас, на фиг!»

ХУДОЖНИКИ

Испивши утром кофе и тумана
Художник принимается за труд.
Не любит холст красивого обмана,
Иди к натуре, мёрзни на ветру.

Этюдник перетягивает плечи.
Пойдет работа или не пойдет?
Но это не мешает жить беспечно.
Художники – загадочный народ.

С везением порой бывает плохо,
Не точен глаз, не чувствует рука.
Какие краски требует эпоха,
Какие остаются на века?

Однажды я их видел на Монмартре.
Усадят и без всяких лишних слов
Характер разгадают как по картам.
«Месьё, сто франков. Ваш портрет готов».

Неистовые до самозабвения,
То дети, то мужи, то мудрецы.
Они творят. Их лучшие творенья
Навечно поселяются в дворцы.

ПАМЯТИ БАРДА

Другие пели под шарманку.
А ты гремел на материк.
И мы любили спозаранку
Твой петушиный гордый крик.

Казалось, песням нет начала
И не предвидится конца.
Но вдруг гитара отзвучала
И сжались губы у певца.

Ты был – и жизнь тобой держалась,
 Как в век крещения Руси,
 И возносила, и спасалась,
 И снова падала без сил.

АТЛАНТИДА

*«Девятнадцатого века
 не скудеющий сосуд...»*
 Н. Берберова

Атлантиду искали веками,
 А она у нас под ногами.
 Это – славная наша история,
 Что была надёжно устроена.
 Это мощная наша Империя,
 Та, которой душою верен я.
 Погубили её не готы
 И не гунны – свои идиоты.
 Но осталась она собою,
 Удивительно молодою,
 Отдавая свои богатства
 Добрым людям, не святотатцам.

СНЕГ В АПРЕЛЕ

Земля опять в снегах. Испуганный апрель
 Сосульками повис, покрылся гололёдом.
 А ведь еще вчера весёлая капель
 Вызванивала трель, и голубиным сводом
 Сияли небеса. Но снежная постель,
 Легчайшая, легла. И не спешит природа
 Расстаться с красками морозной белизны...
 Но всё длиннее день. А ночь перед уходом
 Прозрачна и светла, как лепесток весны.

* * *

От осенней листвы горяча,
 Одинокой березы свеча
 Догорала.

Осень бисером серых дождей
 Силуэты домов и людей
 Вышивала.

На ее золотую парчу
 Ветры свили тугую камчу.
 Холодало.

Низких туч улеглась кутерьма.
 А в затылок дышала зима.
 И молчала.

Словно вечность смотрела в лицо...
 Только рук твоих теплых кольцо
 Охраняло.

* * *

И вязну я, как муха в янтаре,
В печальных мыслях, октябрю подобных.
Каким еще быть мыслям в октябре?
А между тем октябрь был бесподобным!

Он золотист был, зелен и багров.
В прожилках черных веток облетевших,
Он был хорош! Как музыка без слов.
Как упоенье звуком птицы певчей.

И мне бы так, как нынешней поре,
Допеть и допылать, докрасоваться...
Но смертному с бессмертным не тягаться.
И вязну я, как муха в янтаре.

ЗАКАТ

Рисунком тонкого письма,
Очерченным мгновеньем
В стекло прикрытого окна
Смотрела сумеречно тьма –
Пока еще полутона,
Ее предвосхищенье.

Еще вздымали ветви ввысь
Молитвенные сосны,
А облака уже зажглись,
По краю алым налились,
Уже березы занялись
Закатом светоносным.

Как будто светлые персты
Тянулись вдоль пространства,
Чтоб ощутить его черты,
Чтобы запомнить – это ты,
Покой и постоянство.

Казалось, не наступит мгла,
Свет ясен без усилья.
За гранью тонкого стекла
Душа прямилась и росла,
И из тоски, как из чехла,
Высвобождала крылья.

* * *

Обещания – смутный намек,
Холодок обретенья и риска,
Блеск обманчивый авантюризма,
Не усвоенный грустный урок...

Горький опыт, скептический смех –
Всё не впрок, всё напрасно и втуне...
В благодатном и юном июне
Это всё неуместно, как снег.

Разноцветье воздушных шаров,
В небе радуг двойных коромысла...
Обреченность рассудка и смысла,
Провиденья данайских даров...

Там, в утраченном времени, там
Обещанья толпой разноликой
Сушат слезы и прячут улики,
И сестрам раздают по серьгам.

И почти доверяясь, почти
Утверждаясь, что можно сначала...
Что там, я и сама обещала!..
Сохрани и спаси, прости!...

Ах, как скоро платить по счетам,
Как казна на поверку убога!
Помолчим перед дальней дорогой
И еще раз поверим слезам.

РОТОНДА В БРАТЦЕВЕ

Глухой вечернею порой,
Окутана зелёной сеткой,
Как полонянка под чадрой,
Белоколонная беседка.

Она в седые времена
В усадьбе над речной долиной
Была творцом наречена
Ротондой «Храм Екатерины».

Знаток любовных авантур,
Крылатый баловень Венеры,
Лукавый мраморный Амур
Здесь, под узорной полусферой

Когда-то ладил свой колчан
И слал божественные стрелы...
Теперь лишь ветер по ночам
Поёт в жилище опустелом.

И над ревущей кольцевой,
Под рубищем зелёной сетки,
Стоит, забытая Москвой,
Белоколонная беседка.

* * *

«Береза белая! ...
Куда ты клонишься?...
– Я туда клонюсь, ...
Куда ветер повеет. –
Княгиня-душенька!
Куда ты ладишься?
– Туда я лажуся,
Куда батюшко отдает
С родимой матушкой.
Из свадебных песен,
записанных А.С. Пушкиным)

Клонится берёза
Куда ветер дует.
А сойти не может
В сторону любую.

Не покинуть места,
Не бежать вдоль поля.
От судьбы, известно,
Ей такая доля.

Он собой вихрастый
Молодой гуляка,
А она прекрасна,
Но одна, однако.

Клонится берёза
Куда ветер дует,
Это он без спроса
Вкруг неё танцует.

10.2011 Москва

* * *

*«Земля недвижна; неба своды,
Творец, поддержаны тобой,
Да не падут на сушь и воды
И не подавят нас собой».*
«Плохая физика; но зато какая смелая поэзия»
(А.С. Пушкин из «Подражания корану»
и комментария к нему)

Где физика, там поэтическая лира
Себе давно местечко отхватила.
Законы физики сверяя на согласие
С житейской философией участия
Живой души в безжизненных законах,
Которых каждый нарушать не промах.
Смешалось всё в этом подлунном мире –
Поэт считает, физик служит лире.
И строгость формул оба видят в этом –
Где физика, там место быть поэтам.

В себе храню различные два мира,
Ядра огонь и пламенная лира
Живут во мне, тем самым подтверждая –
И мысль, и чувства всё собою порождают.

11.2012 Москва

* * *

*«...Бог мне свидетель, что я готов умереть за неё; но умереть
для того, чтобы оставить её блестящей вдовой, вольной на
другой день выбирать себе нового мужа, – эта мысль для меня
– ад...»*

(Из письма А.С.Пушкина Н.И. Гончаровой
от 05.04.1830 г.)

Кто властелин судьбы?
Судьба ль владеет нами
Иль в призрачной тиши
Её мы строим сами?

Кто вольному писцу
Податливую руку
Ведёт по чистому листу,
Жизнь обрета на муку?

Страшиться мук, с чего?
Ведь разве может слово,
Сказавшему его,
Вдруг стать судьбой готовой?

Ведь слово – слепок чувств,
И, вырвавшись на волю,
Возможно ли ему
Играть другие роли.

Коль слову дать судить
Создателя родного,
Как дальше будем жить,
С таким уставом новым?

А за слова ответ
Всегда ли держат словом?
Жизнь убеждает – нет,
За слово спрос суровый.

11.2012 Москва

СВАТ

*«У поэтов есть такой обычай –
В круг сойдясь, оплевывать друг друга...»*
(Д. Кедрин «Кофейня», 1936)

Пишу стихи. Иногда хожу на заседания литературных объединений (ЛИТО), других посмотреть, себя показать. Однажды, узнав, что одно из них проводит занятия недалеко от моего дома, пошёл туда. ЛИТО заседало в помещении детской библиотеки, в маленькой комнатке с восемью тесно стоявшими столами, за каждым из которых было по два стула. Я сел на один

из стульев за стол последнего ряда. Рядом со мной присел высокий и красивый пожилой человек со следами бывшего величия. Мы познакомились. Оказалось, что мой сосед переводчик с испанского языка. Я благоговел перед ним, ведь он же в подлиннике читал «Besame Mucho».

Занятие началось. Через какое-то время он спросил меня:

– Ты зачем сюда пришел?

– Как зачем. Себя показать, других посмотреть.

– Нет, ты не за этим сюда пришел, – сказал мой сосед.

– А зачем? – удивился я.

– Ты не правильно сюда пришёл.

– Почему?

– Здесь жену не выбирают.

Ну и фрукт, подумал я, но спокойно ответил:

– У меня всё есть, мне никого выбирать не надо.

– Нет, ты не правильно сюда пришел.

Диалог стал меня раздражать, и я пожалел, что сел рядом с моим соседом. Но тут до меня дошло, что, наверное, на этой почве у него какие-то проблемы и я решил это выяснить.

– А почему здесь нельзя выбрать жену? – спросил я неугомонного соседа.

– Как почему. Посмотри на них, они же все злыдни. Видишь, как они косточки друг другу перемалывают, – он имел в виду разборки стихов каждого из авторов всеми оставшимися.

– Да, это интересно, – сказал я, подыгрывая соседу, – а где ж тогда выбирать?

– Где-где, в хоре.

– В каком? – недоумевая, выдавил я из себя.

– Как в каком, в женском.

– А как там выбирать, это же женский хор.

– Ну да, хор женский, ну не в мужской же идти.

– А как же в него попасть, ведь он же женский, значит, мужчин туда не принимают.

– Туда не надо попадать, надо прийти на их репетицию или концерт. Хор на сцене, а ты в зале. Они поют, а ты сидишь, слушаешь и... выбираешь.

– Как, прямо так сидишь и выбираешь?

– Да, прямо так.

Я был потрясен логикой соседа.

– А почему Вы думаете, что такой выбор лучше?

– Почему, почему, – сосед замялся, но после непродолжительной паузы, всё же, произнёс, – я сам туда ходил.

– Куда?

– Куда-куда. В хор.

– Ну и что?

– Что-что, а то, что уже шесть лет живу.

– И как?

– Что как-как. Живу.

Он поманил меня пальцем, приглашая к более деликатному разговору. Я склонился к столу, и он тихо, чтобы нас никто не слышал, заговорил:

– Они же там, в хоре, все оптимистки. Раз и поют. Чуть что не так, сразу поют. Вот разбила любимую чашку, раз и поёт. А ты говоришь как. Нет, надо идти в хор. А сюда нет, сюда нет, сюда нельзя.

Помолчали, переваривая сказанное, после чего он вновь заговорил:

– Видишь, Дмитрий Иванович выступает?

– Да, – сказал я, взглянув вперед. Там, перед всеми, свои произведения читал человек приличного возраста но, как бы это мягко сказать, подержанный, что ли.

– Вот его я водил прошлый раз.

– Куда?

– Куда-куда, в хор.

– Ну и что?

– Что-что, ничего, – сказал мой собеседник, и, гордо подняв голову и расправив плечи, сообщил, – завтра веду знакомиться.

Тут ведущий объявил о завершении занятия, и мы расстались, так что я до сих пор не знаю, как прошло свидание.

2006 Москва

Как-то недавно, разбираясь в своём бумажном хламе, я наткнулся на одну прелюбопытнейшую страничку текста. При взгляде на которую я сразу же вспомнил свою молодость и первый год работы в нашем институте – находку, которая, как я думал, перевернёт всю мою судьбу, а заодно и науку и её представления о разумности.

Я расскажу вам маленькую историю о том, как попала ко мне эта маленькая, одинокая страничка текста, содержание которой, через прошедшие годы застоя и смуты (конца двадцатого века), уже не кажется мне мелочью и чьей-то глупой шуткой, а тем более, вражеской провокацией. Итак...

Редактор нашего институтского исторического альманаха поручил мне, молодому сотруднику института написать очерк к столетию со дня рождения профессора Туманского. Мне, конечно же, сразу захотелось блеснуть своими незаурядными литературными способностями и написать очерк самому, а не надергав по кускам биографический материал из многочисленных статей, объединить их впоследствии под своим именем, как это обычно делается. Тем более, что я был знаком с Игорем Поспеловым, который был женат на внучке профессора, Юлечке.

После необходимых переговоров с Игорем и Юлей, мне было разрешено покопаться в личном архиве профессора. Там, среди бумаг, мне попала докладная записка м.н.с. Петрова профессору Туманскому о найденных им в экспедиции окаменевших осколках, испещрённых микроскопическими царапинками, фотографии которых были скрепками пришпилены к ней. На записке стояла резолюция профессора: «Не занимайтесь ерундой и не отвлекайтесь на пустяки, занимайтесь решением поставленной перед Вами задачи». Раз записка затерялась в бумагах профессора, то значит, резолюция была доведена до автора в устной форме. Позже я узнал у Юли, что во времена написания записки её дед возглавлял экспедицию института в Египте.

Я долго изучал фотографии под увеличительным стеклом, и мне показалось, что в этих маленьких царапинках заложена какая-то закономерность. И у меня возникла идея. Раз эти осколки найдены при раскопках в древнем Египте, и в этих царапинках имеется какой-то смысл, а сами эти царапинки очень

малы (доли миллиметра). Вот почему на них никто не обратил пристального внимания, из чего вытекают два вывода: во-первых – это просто секретная тайнопись древнего Египта, а во-вторых – я гений (раз первый до этого додумался).

Я выпросил на время у Юли записку с фотографиями и побежал домой звонить Серёге, который работает в институте криминалистики. Ну, он сначала, конечно, осмел меня, но потом врубился, заинтересовался сам и обещал отнести фотографии в вычислительный центр института к знакомым ребятам, которые занимаются проблемами декодирования.

Больше я этой докладной записки и фотографий не видел.

Серёга рассказывал, что ребята из лаборатории декодирования очень заинтересовались этими фотографиями, забросили свою работу и целую неделю подбирали алгоритмы к рядам логических закономерностей и, благодаря алфавитному ключу, который они обнаружили на этих фотографиях, удалось прочитывать пока один законченный смысловой текст и художественно его обработать. Яростная, увлекательная работа продолжалась неделю, но ребят за внеплановой работой застучал зав. лаб., но, заинтересовавшись, забрал наработанные материалы, а своим сотрудникам сделал разгон по поводу завала планового задания института.

Через три дня зав. лаборатории Института Криминалистики объявил своим молодым сотрудникам благодарность за проявленную бдительность от соответствующих органов. Он объяснил, что материалы были специально подброшены советским археологам, чтобы ввести нашу археологическую науку в заблуждение и высмеять её достижения на мировом уровне. На следующий день к ним в институт приходил сотрудник очень серьёзного ведомства. Он имел беседу со всеми лицами, которые были причастны к работе с фотографиями, и взял у всех подписку «о неразглашении», мотивируя возможностью крупного международного скандала.

Меня после этого тоже вызывали в определённые структуры. Холёный, умный мужчина долго выспрашивал, где и как я обнаружил эти документы. Говорил, что это был розыгрыш какого-то американского университета, который мог бы закончиться обвинением в некомпетентности советских учёных, в общем, происки врагов социалистического лагеря. А после также взял подписку «о неразглашении».

Архив профессора Туманского забрали, но через месяц вернули обратно родственникам. Что самое удивительное в этой истории, на мой взгляд – теперь, через тридцать прошедших лет, что мы не сомневались в том, что всё сказанное нам компетентными органами была правда. Это были те самые благодные времена, когда мы вечерами всё забывали и бежали смотреть по телевизору «Семнадцать мгновений весны».

Ещё одна маленькая, интересная деталь вспомнилась мне из записки. Там было сказано, что окаменелые осколки табличек (по результатам экспертизы) состояли из смеси песка и экскрементов личинки священного жука-скарабея (навозника).

А теперь привожу содержание листочка, это то, что получилось у ребят программистов. Любопытная вещица, наделавшая столько шума – шутка, а может, что-то совсем серьёзное.

Мне кажется, что эта проблема – не единственное знание, скрытое от народа, от общественности в глубинах секретных сейфов. Примером могут служить проблемы Н.Л.О. как в России, так и в Америке.

* * *

Я один. Над головой на чёрном, чёрном небосводе сияют, сверкают и переливаются миллионы соцветий божественного счастья.

Эти сокровища блистают, и ночной воздух напоен ароматом счастья, созревающим высоко над головой. Господи, как прекрасен этот мир, красоту которого суждено было постигнуть мне одному. И какое блаженство от осознания того, что ты можешь постигнуть своим разумом. И в тоже время, какое это несчастье, что все знания, собранные тобой за годы жизни, уйдут с тобой же в небытие.

Сколько сил было отдано, чтобы передать эти знания другим. Но буквально никто за все прожитые годы не интересовался моими идеями. Их нельзя оторвать ни ото сна, ни от питания для осмысления чего-то иного, чем пища, сон и продолжение рода. Невежественные, безмозглые букашки, которые не имеют ни малейшего желания для осмысления своей жизни.

Бессмысленные обжоры, бесцельные прожигатели своей жизни и грабители. Они не имеют даже малейшего желания

к осмыслению моих постулатов совместной жизни, которые я смог отобразить в рисунках на стенах своего жилища.

Единственное их занятие в свободное от пищи время – это дремота с обострённым обонянием и мечтами о счастье, которое когда-нибудь упадёт им на голову или где-нибудь поблизости. И вот тогда-то их ничем невозможно отвлечь или остановить. Все сразу же кидаются лепить свои шары из общего счастья и раскатывать их в разные стороны, прячась друг от друга, и тут же грабя своих же братьев. При помощи всевозможных ухищрений.

Никто из них ни разу не заинтересовался передачей знаний при помощи клинописи и рисунков, а также счёта. На что ушли годы моих трудов и раздумий. А сколько мне сил стоила подробная карта местности, никто даже не пожелал засыпать ямы и прочистить пути, по которым мы перекачиваем шары счастья. Никто ни разу не поинтересовался моим трактатом об истории возникновения счастья.

Сейчас я уже стар и у меня нет больше ни сил, ни желанья, вдальблывать в эти тупые головы свои идеи. Скоро я умру, и через годы после моей смерти разрушится моё жилище, на стенах которого я и изобразил свои труды. Как жаль, что я никому не смог передать хотя бы частичку своих знаний. Я не хочу и не могу верить в то, что в этом мире разумен лишь я один. Если я сейчас не смогу найти товарища по разуму, это еще совсем не значит, что в дальнейшем не будет таких индивидов. Я верю, что разум восторжествует в нашем мире. И будут множества разумных обществ.

Жаль вот только, что мои знания и мой опыт пропадёт. Очень горько ощущение, что ты прожил свою жизнь напрасно.

Но всё-таки маленькая искорка моей мечты даёт надежду.

И в огромных фолиантах научных трудов грядущего господства разума будет маленькая запись о моей жизни.

* *Scarabaeus sacer* (Священный скарабей – жук навозник).

* * *

Затеплится миг – как предчувствие счастья,
в который проникло познание Бога,
и сутью ростка – пробуждение слога
со всем на земле обретает согласие.

С рекою, где в заводи сонною рыбкой
полуденность дня мирозданию внимает,
с травой под ногами, с высотой мая,
разлитой в природе печальной улыбкой...

С осколком живого и теплого эха,
который с собой унесу я из рощи...
И облака чей-то загадочный росчерк
вольется в строку – ощущением неба...

* * *

Печалью осень быстротечная
закрасила наш дом и сад,
и вымостил дорожку млечную
от леса к небу звездопад.

Пойду по ней, искрясь, безмолвная,
в ту даль, где нет отсчета дням...
Душой – одним тобою – полная
скользну по призрачным полям.

И в лунном блеске, онемелая,
сквозь осень я проникну в сад,
где горечью полынно-белою
к тебе мой устлан листопад.

Где звезд рассыпаны горошины
и тлеют снега угольки,
где памятью не запорошено
касание твоей руки...

* * *

Как пройти эту грань между тем, что уже отболело,
и судьбой, за которой плывет пароходик зимы
между двух берегов – желто-красным и призрачно-белым,
где когда-то скитались в своем одиночестве мы...

Как пройти эту грань сквозь полынную горечь разлуки,
зная сердцем, что снова тюльпанами вспыхнут в степи
бесприютной весны – синекрыло – парящие звуки
с нотной записью лишь – одного только слова – «Люби!»

* * *

Да будет свет... И в нем твоей рукой
начертанное Слово Благодати...
Спаси и сохрани, и успокой,
слезой свечи оставь свой след в тетради...

Сияньем Образа незримо осеней,
и пусть в душе под тайною покрова
родится – всех молящихся –
любви и покаянья благодное слово...

* * *

Я давно разучилась плакать
И печаль свою с кем-то делить.
Дождь на улице. Снег и слякоть, –
Но слезами тоску мне не смыть.

Так давно глаза мои сухи,
Что подумает кто-то: «Порядок!»
Очень многие души так глухи,
И сердца, даже те, что рядом.

Ночью лишь, когда мама снится,
Я могу разрыдаться в плечо.
Слёзы, исповедь, люди, лица, –
Обо всём расскажу горячо.

И у памятника на могиле
Позволяю литься слезам.
Только маме, родной моей, милой,
Слёзы вместе с цветами отдам.

* * *

«Здравствуй, племя, младое, знакомое!»
А. С. Пушкин

Какое поколение красивое!
Какое рослое, длинноволосое!
И стройное, ну просто диво!
Златоколосое, многоголосое.

Компьютер – вместо соски от рожденья.
«Мобила» – вместо куклы и игрушки.
E-mail и интернет – движение!
На улицах – у каждого наушники.

Младое это племя, знакомое!
Оно, как свежая трава среди валежника.
С экономическим, расчётливым уклоном.
Но по весне – с букетиком подснежников.

Оно идёт в пространстве и во времени,
Потоком мощным по Земле-планете.
И новый вал последующего племени
За продвижение своё в ответе.

БЛАГОВЕСТИЕ

Архангел Гавриил с цветком
Благоухающим, лилейным
Вошёл незримо в светлый дом,
Неся благословенье.

Какое чудо – Благовестие
Архангела Деве Марии.
Какое нёс с собой известие,
Порушив все устои мира.

Ты будешь Матерью у Сына,
Отцом Которого – Сам Бог.
Такого не было доньше,
Лишь только Бог Единый мог.

Благословенна между жёнами,
Невеста Бога Ты, Мария,
Тебе нет равных между оными,
Ты миру двери отворила.

Бог-Человек, Тобой рождённый,
Возьмёт грех мира на Себя.
Чтоб мир воспрянул обновлённый,
В духовность Божию входя.

САХАРСКАЯ РОЗА

Прямая, как стрела, дорога в Сахару. Из столицы Алжира мы движемся в глубь этой прекрасной страны. Наш автобус мчится под палящим африканским солнцем по ровному шоссе, убегающему строго на юг. Сначала мелькают небольшие города, посёлки, деревни, невысокие горы, покрытые кустарниками мимозы и низкими деревьями.

Теперь уже вокруг, куда ни глянь, море песка, который всегда находится в постоянном движении. Путешествие продолжается при бескрайнем однообразии видов из окна.

Но вот начинаются чудеса. Вдруг на горизонте возникает город. Высятся домами и очертаниями пальм. Через минуту-другую он исчезает так же неожиданно, как и появился. И ты понимаешь, что это мираж.

– Испарился. А ведь так натурально выглядел, – раздаётся рядом разочарованный голос.

– Смотрите-ка, вон там идёт караван верблюдов, – уже в другую сторону показывает рукой сосед.

Но и караван идёт совсем недолго. Под мерный шум мотора автобуса сказочные миражи за окнами часто сменяют друг друга. То мне чудится мечеть с пологим куполом и высокими минаретами, то опять верблюды, гружённые тяжёлыми тюками, с всадниками в чалмах, то палаточный лагерь кочевников. Однако приблизиться к этим фантастическим картинкам невозможно, они рассеиваются, как дым, одни внезапно, другие постепенно в тающем мареве.

Когда наш автобус отъехал от очередной стоянки, погода резко поменялась. Задул сильный ветер, и солнце померкло от поднятой с земли огромной тучи песка. Поверхность земли задвигалась, и безмолвие пустыни нарушилось звоном кружащихся в хаосе песчинок. Стремительно стало засыпать шоссе песчаными горками, застилать косым песчаным дождём большие автобусные стёкла и забивать все щели мельчайшей пылью, не давая дышать. Очень скоро наш автобус занесло песком. Мы остановились, и время остановилось для нас.

После двух бесконечных и томительных часов, показавшихся вечностью, над нами послышался громкий металлический стук по крыше, от которого все вздрогнули. Не зная, что делать, бояться или радоваться, мы замерли.

Только шофёр обрадовано воскликнул:

– Алла Акбар! – и в ответ изо всех сил постучал по потолку кабины. – Слава Аллаху! Что послал друзей в такой трудный час!

Его услышали, и около автобуса началась возня. Стало понятно – нас откапывают. Когда расчистили верх окон, мы увидели, что вокруг ходят длинные ноги с копытами на перепончатых подошвах, вздымая легкий песок. По мере откапывания, ноги эти постепенно удлинялись и переходили в туловища верблюдов с седоками на горбах. Всадники, все как один, были в просторных синих накидках и в многослойных повязках на головах, замотанных так, что оставалась открытой только узкая полоска для глаз.

Рослые, крепкие, с длинными саблями в ножнах на боку, с острым взглядом голубых глаз, они показались нам воплощением силы человека над стихией природы.

– Перед вами хозяева пустыни – туареги. Воинственные и смелые. По одной из научных гипотез – потомки атлантов, – пояснила нам экскурсовод.

К счастью, оказалось, что мы скоро можем двигаться дальше. Чтобы размяться, я ненадолго отошла от автобуса, любуясь переливами блестящего от солнца песка, и нечаянно задела ногой за что-то твёрдое. Стала раскапывать и обнаружила увесистый камень, похожий на целый букет роз. Я нашла «сахарскую розу»! Красивый жёлто-коричневый слиток песка, образовавшийся из-за разницы температур воздуха. Этот драгоценный подарок, преподнесённый мне самой пустыней, я бережно храню до сих пор.

ОСЕННИЙ ДЕНЬ

На струнах облаков сыграю гимн рассвету,
 Весь в розовых тонах, где сонный солнца луч
 Пронизан теплотой и закружит планету
 Осенний новый день среди Московских туч.
 Меняясь на глазах, летит куда – то небо,
 И яркий солнца шар над городом восстал.
 Каприза – дождь исчез, а был ли он, иль не был?
 Вновь золотом листвы заполнен пьедестал...

7.11.2010 г.

ОСЕННЕЕ НАСТРОЕНИЕ

Огонь изорван плетью бытия
 В моём осеннем гаснущем камине.
 Согреть не в силах, он тихонько стынет,
 Грустит о прошлом вновь душа моя.
 Горчит октябрь рябиновой зарёй,
 Стучат в моё окно ладони клёна.
 И ветер чуть печально, истомлённо
 Швыряет в нас озябшею листвою.
 Дождь тихо шепчет блюз осенней стыни,
 В тумане грустно мокнут фонари.
 Огонь в камине всё ещё горит,
 А тени прошлого блуждают на картине...

28.04.2011 г.

НАЧАЛО ЗИМЫ

Белым пуделем тучка снежная
 Над Москвой парит, опускается,
 Снегопада ждёт даль безбрежная,
 В фонарях, роясь, развлекается.

И летит с небес чудо белое,
 Где небесными кружевницами
 Ткётся высь холодными стрелами,
 Пахнет свежестью, медуницами.
 С ветром в сговоре тихо падают,
 То кружатся хлопьями снежными
 Стаи ангелов души радуют,
 Опускаясь на землю грешную...

НОВЫЙ ХРАМ

Взгляну в окно на строящийся Храм,
 Он так высок, красив и светел.
 О скорой службе возвестит он нам,
 Под звон колоколов всех с миром встретит.
 И будут свечи в Храме зажжены,
 Иконы позовут нас к благодати.
 Сиянье куполов и тишины
 Святое торжество сегодня кстати.

Поёт каноны наш церковный хор,
 В высокий купол голоса взлетают.
 Как будто ангелы нам всё прощают,
 Как будто – Бога слышу разговор.
 С молитвой долгой к Господу иду,
 Прошу о милости, мои грехи, прости,
 Дай мне надежду, веру и беду
 От близких и родных, ты отведи...

Чтоб не болели мама и отец,
 Пусть сыновья мои найдут свой путь.
 И доброты родным, чтоб их сердец
 Коснулся света лучик. В этом суть...
 И истина!

ГОД ПОСЛЕДНИЙ, ВИСОКОСНЫЙ...
(памяти В. Высоцкого)

Я не нужен этой даме в чёрном,
Так устал, все силы исчерпал.
Пропасти на перевале горном
Манят, манят в призрачный провал.
Отпусти, осталось мне так мало,
Жизнь стоит на гибельном краю.
Рвётся сердце, слишком слабым стало,
В том последнем прерванном бою.

Я не смог, уехал из Парижа,
Ты не плачь, вернись к тебе, поверь.
Береги себя и будь поближе
Самая большая из потерь.
Поцелуй последний, щёк небритость,
Меня гладишь ласково рукой.
Глаз любимых горькая открытость,
Взмах руки прощально-нежный твой.

Я сгорал, не умещался в сутки
Тот накал, в котором я кипел.
Жизнь осколками распалась на минутки
В том калейдоскопе адских дел.
Високосный год, восьмидесятый,
На Ваганьковском цветы, цветы...
Конь мой привередливый, крылатый
Доскакал до огненной черты...

Жизнь сорвалась, как струна гитары
В свой последний, прерванный полёт,
Но мой голос на пластинке старой,
Как и прежде с хрипотцой поёт...

25.01.2013 г.

АННА АХМАТОВА

Чёткий профиль греческого типа,
Тонких губ пленительны черты.
Глаз печальных ответ сердолика,
Таинство лица – всё это ты.

Лоб высок и рук изящен почерк,
Как любила в белизне листа
Среди тонких фраз и многоочий
Находить волшебные места.

Шёлк стиха то холоден и снежен,
То сжигает алостью огня,
Лёгок и таинственно небрежен,
Души от бездарности храня.

И горят ахматовские строчки
Пламенем Серебряного века.
Гениально – строгой одиночки,
Душу согревая, человеку!

АННА И МОДИЛЬЯНИ
(посвящение)

Карандашный набросок тела,
Тонких линий изящен след.
Взгляд твой, ткани снимая смело,
Не вернёт нам ту юность лет.
Мой с горбинкою, тонкий профиль,
Чуть печально – раскосый взгляд.
Я тебе посвящала строфы
Моих лучших стихов обряд.
И спадали к ногам одежды,
И встречалась с рукой рука.
Ты меня согревал в надежде
Сохранить образ мой на века...

У НОЧНОГО МОРЯ (диптих)

1

У ночного моря всё – ложь,
Огоньков на кораблях дрожь,
Нас с тобою обнимает весна,
И нашептывает что-то волна.

Я волны этой попробую вкус,
В темноту и глубину погружусь,
И пойму, гребя рывками, до дна –
Как горька она – и как холодна.

Боль горячую сдержу в груди –
Ничего у нас с тобой впереди.
У ночного моря всё – ложь,
Огоньков на кораблях дрожь.

2

Что той жизни осталось
И хмельной, и шальной,
Как, отбросив усталость,
Я вбегаю в прибой,

Как, по-летнему нежный,
Да осенний уже
Этот вечер надежду
Отогреет в душе...

ЧУДАЧКА

И когда начинаются муки
Городской запоздалой весны –
Я приеду напиться разлуки
В дачный дом, где не свидимся мы.

Воздух этого странного дома –
Он как будто содержит наркоз,
И представится мне по-иному
То, что прежде болело всерьёз:

Ты – моя дорогая утрата,
Я твоя не прощёная боль.
Неужели жила я когда-то
Лишь надеждой на встречу с тобой?

Обернётся не так уж и важным
Что насущным казалось вчера,
И прощаясь с собою, вчерашней
Без печали взгляну в зеркала:

Где же та молодая чудачка,
Ничего у нас общего нет.
И – в камине горящая пачка
Песен, слов, фотографий – тех лет.

«НАЧАЛО БЫЛО ТАК ДАЛЁКО»

Альманах произведений участников Литературного объединения
Центрального дома ученых Российской Академии наук
Под редакцией к. филол. наук Л. И. Колодяжной

Редактор — *Евгений Степанов*
Компьютерная верстка, макет — *Марина Кива*
Корректурa авторская

Бумага офсетная
Гарнитура Minion
Тираж 300 экз.
Сдано в набор 19.07.2013
Подписано в печать 17.08.2013

Издательство «Вест-Консалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Тел. (495) 978 62 75

Типография ИПК «Квадрат»
Белгородская обл., г. Старый Оскол
Комсомольский проспект, 73.